

В Ъ С Т Н И К Ъ

Е В Р О П Ы .

Ч А С Т Ъ ХІV.

М О С К В А , 1804.

Въ Университетской Типографіи,

у Любія, Гарія и Полова.

*Съ одобренія Ценсурнаго Комитета, укреж-
деннаго для Округа Императорскаго Мо-
сковскаго Университета.*

ВѢСТНИКЪ ЕВРОПЫ.

МАРТЪ 1804.

№ 5.

ЛИТТЕРАТУРА И СМѢСЬ.

I.

Добродушныя.

(Окончаніе.)

Положеніе Изоры было достойно сожалѣнія, хотя по наружности и казалось оно весьма щасливымъ; ибо чувства ея согласовались съ должностію; сердце ея предпочитало того, котораго бы и разсудку избрать надлежало; истинная чувствительность, рѣдкія правила и совершенное добродушіе Гна. Феріоля сдѣлали надъ нею глубокое впечатлѣніе: но испытавъ къ Кавалеру всѣ сильнѣйшія движенія, которыя можетъ шолько произвестъ тщеславіе, почитала она спокойное и кроткое чувство свое къ Гну. Феріолю

простымъ уваженіемъ. Трудно узнать любовь, когда она совершенно согласна съ разсудкомъ; когда ничто съ нею не борется, то самая чувствительная женщина бываетъ меньше другихъ способна отличить ее отъ дружбы. Между тѣмъ Изора внутренно признавалась, что характеръ Гна. Феріоля былъ несравненно сходнѣе съ ея нравомъ, нежели Кавалера д'Озамбри; склонность же, говорящая въ его пользу, давала ей чувствовать болѣе, нежели когда нибудь, сколько любишь она родителя своего и сколько должна уважать его совѣты; но съ другой стороны представлялся воображенію ея знаменитый союзъ; слава — покоришь себя блистательнѣйшаго молодого человека и — самой блистать при Дворѣ... Разсматривая издали сію прелестную картину, какъ можно было ей подумать безъ отвращенія о скучной, единообразной и никѣмъ не замѣчаемой жизни *Провинціалки*?... При томъ не надобно забывать и того, что она, подавъ уже нѣкоторую надежду Кавалеру, знала жестокость его страсти, и должна была страшиться его мщенія: сколько важныхъ побудишельныхъ причинъ представлялось для нея, пожертвовать Гм. Феріолемъ!

Однакожь какъ ни старалась она обма-

нывать, ослѣплять сама себя, сердце ея спрдало, и послѣ всѣхъ сихъ размышленій повторяла она печально: *бѣдной Феріоль!*... повторяла и — горько плакала. Ее позвали обѣдать: сошедъ въ госпину, увидѣла она тамъ многочисленную бесѣду. Дюшесса д'Озамбри только-что пріѣхала и поипчасъ объявила, что слѣдующимъ утромъ будетъ на Саблонскомъ полѣ скачка, на которую приглашала она Изору, никогда не выдавшую еще сего увеселенія. Изора не знала, что отвѣчать; но Гжа. Бевиль совѣщовала ей ѣхать, и она дала слово.

На другой день Гжа д'Озамбри, ночевавшая въ домѣ Гжи. Бевиль, принялась очень рано за туалетъ Изоры, и въ одиннадцать часовъ отправилась съ нею на Саблонское поле. Пріѣхавъ, увидѣли они тамъ множество собравшихся зрителей. Дюшесса пошла съ Изорою въ павильонъ къ Королевѣ, которая изволила прибыть черезъ четверть часа послѣ нихъ. Изора, одѣтая щегольски, прекрасная собою, Изора, которую никто еще не видалъ, обратила на себя взоры всѣхъ и cadaго. Королева благоволила вопрошать ее нѣсколько разъ въ самыхъ милостивѣйшихъ выраженіяхъ... Извѣстно, какое восхищительное впечатлѣніе произ-

водишь благоволипельный отзывъ Госу- дарыни. Кавалеръ д'Озамбри входилъ также въ павильонъ — и Королева бесѣдовала съ нимъ..... Королева держала пари за его лошадей..... Скачка началась. Волненіе Изоры было чрезмѣрно, когда увидѣла она Кавалерова жокея: она покраснѣла; смущеніе ея примѣтили, и Королева улыбну- лась, бросивъ значительной взглядъ на Дюшессу. Изора увидѣла, что Королева знаетъ ея тайну; знаетъ, что она любитъ Кавалера, и сверхъ того одобряетъ сей союзъ!..... Упоенная Изора теряетъ совершенно разумъ.... она такъ воз- гордилась склонностию своею, что не только переспала скрывать ее, но ста- ралась еще обнаруживать, сколько при- стойность позволяла. Въ продолженіе скач- ки всѣ смотрѣли на нее; она это при- мѣтила и была чрезвычайно довольна. Устремивъ глаза на гордую лошадь своего любовника, слѣдовала она за всѣми дви- женіями ея и показывала величайшее нетерпѣніе видѣть успѣхъ. Грудь ея сильно поднималась: она едва могла ды- шать..... Какъ натурально казалось ея волненіе! какъ сильная страсть заста- вляла ее забывать, въ какомъ знаменитомъ обществѣ она находилась!..... Изора до сего никогда не пришворялась — это былъ

первой ея опытѣ. Кто бы этому повѣрилъ, видя ее? Но ничто такъ не удобно научить припворснву, какъ нѣсколько минушъ придворнаго упоенія.

Между тѣмъ лошади приближались къ цѣли и — согласно съ желаніемъ всѣхъ дамъ, сидѣвшихъ въ павильонѣ, скакунъ Кавалеровъ выигралъ призъ. Если бы судьба цѣлаго Государства зависѣла отъ сей побѣды, то и тогда Изора не могла бы столько быть щастлива: невольное восклицаніе вырывается изъ устъ ея. Дюшесса тихонько выговариваетъ ей за сію нескромность; но Королева, милостиво усмѣхнувшись, говоритъ: *не укоряйте ее, это такъ мило!* Подходитъ Кавалеръ и шепчетъ ей: какое щастіе быть такъ любимымъ! *Любимымъ!* Это мало сказано: въ сію минуту Изора обожаетъ его, или, по крайней мѣрѣ, такъ думаетъ.

Кавалеръ торжествуетъ съ холоднымъ и равнодушнымъ видомъ, которой въ глупомъ гордецѣ несравненно отвращительнѣе кажется и самаго хвастовства; но Изора въ сихъ обстоятельствахъ, смотря на все съ выгоднѣйшей стороны, находила, что *скромность и простота* довершали славу его.

Дюшесса, возвратясь къ Гжѣ. Бевиль, начала ей съ жаромъ рассказывать всѣ сіи

подробности. Она была отъ того въ восхищеніи и, взявъ къ сторонѣ племянницу свою, сказала ей: „Теперь, любезная Изора, ты сдѣлала такой шагъ, что не лзя уже тебѣ никакъ возвратиться; ты публично обнаружила съ прогательнымъ простодушіемъ *чувствованія свои* къ Кавалеру. Честь не дозволяетъ тебѣ — я не говорю, колебаться — ты къ этому не способна — но оставлять даже и тѣнь надежды Гну. Феріолю. При Дворѣ теперь ни о чемъ больше не говорятъ, какъ о наступающей свадьбѣ твоей съ Гм. д'Озамбри. Королева спрашивала у Дюшессы, скоро ли тебя представятъ ко Двору, и удостоила примолвить: *надобно непременно, чтобъ она могла съ нами ѣхать въ Фонтенебло!* Какая милость! . . . Ты такъ благородно мыслишь, что безъ сомнѣнія живо почувствуешь всю цѣну *такого отлігія*: ни одна молодая женщина не вступала въ свѣтъ такъ пріятно и блистательно. Королева чрезвычайно отличаетъ жениха твоего; ты ей понравилась, ты любезна, и отъ тебя только будетъ зависѣть играть важную роль. . . . Но перестань ребячиться, имѣй духъ вывести Гна. Феріоля изъ заблужденія; открой ему истинныя свои *чувствованія*.“ —
Ваша правда, пестушка! я должна это

сдѣлать; но мы условились, чтобъ я не прежде, какъ черезъ нѣсколько мѣсяцовъ, дала рѣшительной отвѣтъ батюшкѣ; а вы знаете, что еще только двѣ недѣли, какъ я знакома съ Гм. Феріо-лемъ. . . — „Очень хорошо; но мы также условились, чтобъ ты старалась удалять его отъ себя: исполнила ли ты это?“ — Признаюсь, тетушка, что добродушіе его лишаетъ меня силы обходиться съ нимъ грубо. — „Отъ тебя не требуютъ грубостей; есть на это очень вѣжливыя средства. . . а ты вмѣсто того ободряешь его, заманиваешь.“ . . . — Я! тетушка? . . . — „Конечно безъ умыслу, я увѣрена; но какъ Г. Феріоль совсѣмъ не знаетъ свѣта и не имѣетъ ни капли ума.“ . . . — Г. Феріоль! . . . Извините, онъ очень не глупъ. . . — „Я не говорю, чтобъ онъ былъ совершенной дуракъ: онъ можетъ имѣть здравой смыслъ; я хочу только сказать, что въ немъ нѣтъ никакой тонкости, и отъ этого онъ можетъ почесть снисхожденіе твое къ нему самою важною склонностію. Если бы онъ былъ половчѣе, то можно бы легко получить подозрѣніе, что ты иногда съ нимъ кокетствуешь.“ — О! нѣтъ, тетушка! это совсѣмъ не кокетство, божусь вамъ. . . — „Вѣрю — и кому придется въ

голову, чтобъ Г. Феріоль могъ возбудить въ женщинѣ желаніе нравиться, а особливо въ женщинѣ, которую любитъ Кавалеръ д'Озамбри?“... — Какъ же мнѣ поступить, чтобъ удалить его отъ себя безъ шума? — „Это очень легко. Скажи ему, что тебѣ пропивна деревенская жизнь, что ты желаешь быть представлена ко Двору и остаться навсегда въ Парижѣ. Въ этомъ не будетъ никакого прищворства; ты откроешь только ему истинныя свои мысли.“ — Но деревенская жизнь мнѣ не пропивна: я очень люблю ее. — „Однакожь ты желаешь остаться въ Парижѣ?“ — Конечно. — „И такъ не скрывай отъ него этого.“ — Признаюсь, что долгъ мой требуетъ открыть ему все, и я сдѣлаю это при первомъ случаѣ.

Изора была увѣрена, что она говоритъ то, что чувствуетъ. Пораженная сценою, происходившею на скачкѣ — удостоверенная, что сдѣлала неразрывную связь съ Кавалеромъ — наконецъ обольщенная блистательною будущностію, которую представляли ей въ прелестнѣйшемъ видѣ, рѣшилась она опираться немедленно всю надежду у Гна. Феріоля. Онъ въ самой потѣ день возвратился изъ Парижа съ Барономъ, которой за нимъ ѣздилъ; привезли также Якова совершенно здоро-

ваго, хотя рана его еще не зажила. Гжа. Бевиль, будучи увѣрена, что Г. Феріоль получитъ скоро отъ Изоры отказъ, приняла его очень ласково. Кавалеръ, пріѣхавъ въ самое то время, какъ садились за столъ, обошелся наилучшимъ образомъ съ Гм. Феріолемъ, котораго онъ уже не боялся.

Будучи чрезмѣрно доволенъ успѣхами своими, былъ онъ ошмѣнно веселъ и учтивъ; хотѣлъ даже, чтобъ другіе блистали умомъ — разумѣется, подъ его покровительствомъ. Съ безстыднымъ удивленіемъ подхватывалъ остроумные отвѣты, и находилъ шонкость даже въ самыхъ глупостяхъ, переводя ихъ по-своему; словомъ, онъ былъ занятъ однимъ только собою, показывая, что думаетъ единственно о другихъ. Дюшесса и Гжа. Бевиль безпрестанно швердили, что онъ никогда не бывалъ такъ милъ. Слабая голова Гжи. Бевиль совершенно вскружилась. Дюшесса д'Озамбри, будучи за-одно съ Кавалеромъ, сказала Гжѣ. Бевиль за тайну, что Кавалеръ, по высокому предстательству Королевы, получитъ черезъ годъ важное мѣсто. Сіе открытіе было сдѣлано съ таинственнымъ видомъ и съ такимъ притомъ увѣреніемъ, что это мѣсто было уже ему и обѣщано; а какъ особы, имѣю-

щія близкой доступъ къ Государямъ, могутъ, подъ печатію тайны, заставляя Ихъ говорить то, чего у Нихъ и въ мысляхъ не бывало: то Дюшесса сообщила Гжѣ. Бевиль, что Королева, говоря объ ней, сказала: *я слышала, что эта Гжа. Бевиль предостойная дама.* Наконецъ Гжа. д'Озамбри рассказывала слышанное будто бы отъ Маршала Н., что наканунѣ скачки въ Королевской спальнѣ было говорено о женишбѣ Кавалера, и что Король хвалилъ великодушіе Гжи. Бевиль, которая, въ случаѣ сего брака, расположена дать племянницѣ своей 700,000 франковъ. Гжа. Бевиль слушала всѣ сіи анекдоты съ великимъ удовольствіемъ, и они произвели надъ нею желаемое Дюшессою и Кавалеромъ дѣйствіе. Гжа. Бевиль должна была сбросить всѣ свои душевныя силы, чтобъ обуздать чрезмѣрную радость и не одурачить себя обнаруженіемъ своихъ воспорговъ. Во весь сей день была она такъ довольна и весела, что не показала даже ни одного каприза; всѣ, знавшіе ее, почли это большою рѣдкостію. Обѣдъ былъ очень пріятенъ; и естли бы случился кпо незнакомой, то нашелъ бы въ семъ обществѣ образецъ совершенной довѣренности, согласія и дружбы. Одна только Изора чувствовала нѣкоторое без-

покойство; ей часто выговаривали за молчаливость и *важный ея видъ*. Послѣ обѣда Г. Феріоль, будучи охотникъ до музыки, пожелалъ слышать игру Изоры; но въ прозвѣбѣ своей о томъ употребилъ, по нещасшю, какое-то вышедшее изъ моды слово, что подало поводъ Кавалеру къ язвительной и шонкой насмѣшкѣ, которой однакожь ни Г. Феріоль, ни Баронъ не замѣтили. Изора покраснѣла; Дюшесса и Гжа. Бевиль кусали себѣ губы, чтобъ не засмѣяться. Изора заиграла на арфѣ, и увидѣла изъ лица Гна. Феріоля, что онъ умѣетъ чувствовать красоты музыки; это было для нее пріятнѣе всякой похвалы. Изора играла, какъ Ангель. Кавалеръ, съ видомъ гордаго одобренія и покровительсва, билъ фальшиво такту опахаломъ Дюшессы. Изора, потерявъ терпѣніе, перестала играть и сказала: „пожалуйста, бейте правильнѣе!“ При сихъ неожиданныхъ словахъ Баронъ захохоталъ. . . Кавалеръ хотя и очень чувствительно былъ симъ пораженъ, но также засмѣялся и при томъ немедленно; ибо непонятное искусство скрывать *первыя движенія* очень обыкновенно въ особахъ, живущихъ въ большомъ свѣтѣ. Кавалеръ шѣмъ не удовольствовался, но началъ еще шумишь надъ незнаніемъ своимъ въ

музыкѣ съ такимъ развязнымъ и веселымъ видомъ, что Баронъ чрезвычайно симъ оскорбился; ибо онъ надѣялся, что Кавалеръ обидится выговоромъ Изоры; но обманувшись въ своемъ ожиданіи, онъ все однако же былъ очень доволенъ, что Изора опважилась публично прислыдить Кавалера.

Изора, переставъ играть, вышла съ Дюшессою на балконъ; Кавалеръ пришелъ къ нимъ, и увидя Якова, гуляющаго по двору въ одномъ камзолѣ, и которой въ этомъ нарядѣ очень походилъ на Санхо-Пансу — вотъ, сказалъ онъ, жокей Гна. Феріоля! Дюшесса громко захохотала по обыкновенію своему; Изора насильно улыбнулась, желая угодишь Дюшессѣ, кошорую она довольно любила и сверхъ того боялась оскорбить. Дѣйствительно, сударыня, продолжалъ Кавалеръ, обратясь къ Изорѣ, напрасно вы не посоветуете Гну. Феріолю сдѣлать Якова жокеемъ. — Советы мои были бы бесполезны. — Почему? — По тому, что для скачки надобно бы морить Якова голодомъ и заставляшь его пошѣть. — Такъ что же? — То, что Г. Феріоль для своей забавы не станеть никогда мучить людей.

Не взирая на все искусство, владѣть собою, Кавалеръ не могъ не покраснѣть

отъ гнѣва. „Слѣдовательно мы варвары, такъ какъ и всѣ Англичане?“ ошвѣчалъ онъ тономъ неудовольствія и насмѣшливости. — По крайней мѣрѣ вы не очень человѣколюбивы, ошвѣчала Изора, когда, въ самые сильные лѣпніе жары, окупываете бѣднаго 14-лѣпняго робенка байковыми одѣялами, и жарите его передъ раскаленною печью, для того, чтобъ привести его въ надлежащій вѣсѣ. — „Однакожь вы смотрѣли на скачку безъ ужаса, и, кажется, интересовались ею?“ — Тогда не пришло мнѣ этого въ голову. . . . Дюшесса вмѣшалась въ разговоръ и обратила ссору ихъ въ шутку. Изора смягчилась; Кавалеръ едѣлался по-прежнему веселъ, поцѣловалъ руку у Изоры, и всѣ возвратились въ госпиную послѣ нѣжнаго примиренія, которое однако же произвело въ сердцѣ Изоры большое охлажденіе, а въ Кавалерѣ сильную досаду.

Кавалеръ и Дюшесса возвратились въ Парижъ. Баронъ игралъ съ приходскимъ Пасторомъ въ шахматы. Гжа. Бевиль пошла въ свой кабинетъ, а Изора въ садъ, куда и Г. Феріоль за нею послѣдовалъ. Изора, принявъ твердое намѣреніе отказать ему, не могла смотрѣть на него безъ смятенія. Онъ подошелъ къ ней съ открытымъ и непринужденнымъ видомъ

и, подавая ей руку, сказалъ: „ахъ, сударыня! какъ я желалъ, со времени вчерашняго приключенія найши случай поговорить съ вами на - единѣ!“ Это начало смутило Изору еще болѣе; она съ робостію взглянула на Гна. Феріоля, и увидѣла въ глазахъ его нѣжнѣйшее выраженіе щастія, довѣренности и любви. . . . Возможно ли у такого добраго, опкровеннаго человѣка опнять вдругъ надежду, которая соспавляла все его блаженство? . . . И естли, узнавъ ея склонности и намѣреніе, удалитъ его, онъ все спанетъ продолжать любить ее, то не уже ли надобно будетъ объявить ему, что она предпочитаетъ ему соперника, которому обѣщала свою руку? Но пожертвовавъ Гм. Феріолемъ, могла ли она быть увѣрена, что съ Кавалеромъ будетъ щастлива? Всѣ сіи мысли пересѣкали одна другую въ воображеніи колеблющейся Изоры; она съ печальнымъ умиленіемъ смолчала на Гна. Феріоля, которой и самъ былъ очень тронутъ. Помолчавъ не много, сказалъ онъ: „На что это смущеніе? Я ничего не требую отъ васъ: я доволенъ. . . . Вчера, на этой дорогѣ, гдѣ перевязывали мы рану Якову, вы слышали, что я говорилъ вамъ; вы удоспоили меня отвѣтомъ.“ Изора содрогается; она

живо помнитъ минушу пріятнаго своего смятенія ; но въ то же самое время приводитъ себѣ на память, что въ присутствіи всего Двора оказала величайшую склонность къ Кавалеру! — „Я объ одномъ только беспокоюсь,“ продолжалъ Г. Феріоль : „вы узнали Парижъ и блестящія его забавы ; боюсь не того, чшобъ вы не могли безъ нихъ обойтись, но чшобъ послѣ не сожалѣли иногда, что ихъ лишились.“ — Я должна вамъ сказать должна признаться что, сдѣлавъ привычку жить въ большомъ свѣтѣ не могла бы я считать себя щасливою, живучи въ Провинціи. — Услышавъ сіе признаніе, сдѣланное съ величайшею робостію, Г. Феріоль улыбнулся. „Эпо не ваши слова,“ сказалъ онъ ей : „вы слышали такія выраженія въ свѣтѣ и повпоряете ихъ безо всякаго размышленія. вы, Изора ! вы не можете быть щасливы въ прелестномъ обиталищѣ, среди всѣхъ сокровищъ Природы, съ лучшимъ изъ опцевъ и съ избраннымъ вами супругомъ ? Скажите мнѣ : какую связь имѣетъ щастіе съ шумомъ большаго свѣта ? . . . Ахъ, Изора ! шакое непонятное разсѣяніе удобно разрушитъ блаженство самое совершенное, отвлекая безиреспанно опъ добродѣтели и дружбы.“ Здѣс

Г. Феріоль почувствовалъ, что Изора пожала ему руку; онъ взглянулъ на нее: она была блѣдна, и двѣ крупныя слезы, выкатясь изъ потупленныхъ ея глазъ, медленно текли по лицу ея... „Милая, чувствительная Изора! продолжалъ онъ съ глубокимъ чувствомъ: конечно мнѣ дозволено бояться, чтобъ въ нѣкоторыя праздныя минуты напоминаніе о Парижѣ не заставило васъ невольно грустить. Какъ въ ваши лѣта не сожалѣть, на примѣръ, о томъ очаровательномъ спектаклѣ, гдѣ зрители проливаютъ шоль сладостныя слезы, гдѣ видятъ они и слышатъ все, что можетъ плѣнить умъ и пронуть сердце? . . . Но поставивъ себѣ за правило наблюдать малѣйшія ваши душевныя движенія, когда увижу я хотя самую легкую перемену въ вашемъ нравѣ, то скажу: не жалѣй, Изора, о тѣхъ прелестныхъ вымыслахъ, которыхъ самая сладчайшія впечатлѣнія возбуждаются здѣсь настоящими предметами! Хочешь ли испытать чувство состраданія? послѣдуй за мною подъ кровъ блѣднаго, и слезы, которыя ты прольешь тамъ, не будутъ бесполезны: онѣ уплѣшатъ несчастнаго. Желаетъ ли видѣть занимательную картину тишины и невинности? войди со мною въ хижины, насъ окружающія.

Наконецъ хочешь ли разсмапривать восхитительной образъ щастія? взгляни на отца своего и на супруга, и — наслаждайся своимъ дѣянїемъ!“ . . . — Изора, заливаясь слезами, сѣла на скамью. Ахъ! вскричала она: вы лучше самой меня знаете мое сердце. Г. Феріоль бросился къ ногамъ ея, и взявъ ея руку, сказалъ: „Такъ, милая, несравненная женщина! я здѣсь никого не знаю, никого не видалъ, кромѣ одной себя!“ . . . — Но не ужь ли вы не примѣтили, отвѣчала Изора, что пещушка не хорошо къ вамъ расположена? — „Вы меня удивляете! она всегда такъ ко мнѣ ласкова! . . .“ — Какъ! вы не видите, что она предпочитаетъ вамъ Кавалера? — „Извините, я это замѣтилъ; но какая намъ до этого нужда?“ — Какъ! — „Конечно: пусть онъ на ней женился!“ — Не уже ли вы думаете, что она въ него влюблена? — „Безъ сомнѣнїя; а Кавалеръ влюбленъ въ нее. Онъ мнѣ кажется очень хорошимъ человекомъ, оказываетъ мнѣ дружбу, и я порадоюсь искренно его благополучію.“ — Развѣ батюшка не увѣдомилъ васъ о пещушкиномъ намѣренїи? . . . — „Онъ сказывалъ мнѣ, что Гжа. Бевиль желаетъ отдать васъ за Кавалера, однакожь батюшка вашъ ошибся: она сама имѣетъ склон-

ность къ этому молодому человѣку, которой васъ не любитъ, а занятъ только ею.“

Изора улыбнулась и хотѣла отвѣчать; но услышавъ, что кто-то идетъ, встала и, возвращаясь домой, встрѣтилась съ Гжею. Бевиль и Барономъ. Остановясь съ ними на минушу, съ поспѣшностію удалилась она въ свой кабинетъ и заперлась. Боже мой! вскричала она, бросаясь въ кресла: что я сдѣлала! . . . какъ не извинительны мои поступки! . . . Я не могу больше обманываться. . . Такъ, я люблю Гна. Феріоля; онъ заставилъ меня усыпидиться моего малодушія, которое я теперь презираю; такъ, одна только эта чистая, чувствительная душа отвѣтствуетъ моей; и однакожь я — сего дня еще — публично обязалась отдать руку мою другому! . . . Минута упоенія сдѣлала меня кокеткою и лгуньею! . . . Но что было причиною бѣдственнаго моего умозступленія? — самое глупое тщеславіе. . . . Въ одинъ день подала я надежду двумъ любовникамъ! Какъ могла я играть столь подлую и столь противную правиламъ моимъ роль? Вотъ до чего можешь довести гордость и суестьность большаго свѣта! . . . Ахъ! удалимся отъ этого развращеннаго свѣта, удалимся навсегда! . . . Но какъ от-

крышь такое намѣреніе? Сколь велико будетъ негодованіе тетушки, и какъ ужасаюсь я мщенія Кавалера д' Озамбри! Въ какую бездну нещастія погрузила меня неоспорожность моя и глупая суешность! . . . Я не могу возвратиться къ добродѣтели, не потерявъ доброй своей славы . . . не могу послѣдовать сердечной склонности, не преступивъ клятвъ своихъ! . . . О бабушка! на что оставлялъ ты меня въ этомъ опасномъ городѣ? Ты положился на мой разумъ: но можетъ ли разумъ существовать безъ опытности? . . .

Въ сію минуту Изора услышала стукъ у дверей своихъ; она оперла ихъ, отеревъ прежде слезы свои. Ее пришли звать кашаться: она сошла внизъ и сѣла въ коляску съ Гжею. Бевиль, съ двумя другими дамами, съ Барономъ и съ Гм. Феріолемъ. Они поѣхали на мызу, въ верстѣ отстоящую, куда часто ѣзжали ѣсть сливки и ягоды. Дочь мызника была шестнадцатилѣтняя дѣвушка, прекрасная собою; Изора очень ее любила, и Марѳа — такъ ее звали — почти каждое утро, когда Изора была въ городѣ, носила ей ягоды. Изора, возвращаясь домой, поцѣловала ее по своему обыкновенію, и сказала: „послѣ-завтра приходи на ве-

черѣ плясать къ Гжѣ. Бевиль: я буду имянинница.“ — Какъ, сударыня! мы съ вами въ одинъ день имянинницы? вскричала Марѳа. — „Такъ почно,“ отвѣчала Изора. Это причинило великое удовольствіе молодой крещьянкѣ, которая обѣщала непременно придти. По прїѣздѣ домой, Гжа. Бевиль, позвавъ Изору въ кабинетъ, спросила у нее, говорила ли она съ Гм. Феріолемъ? Смущенная симъ вопросомъ, Изора не знала, что ей отвѣчать; но мысль, загладитъ прежніе свои проступки великодушною откровенностію, въ одинъ мигъ ободрила ее. „Говорила, тетюшка!“ отвѣчала она. — Чпожь! описывается ли онъ отъ руки твоей? — „Нѣтъ, тетюшка!“ — На кого же онъ надѣется? — „На меня, сударыня... Я люблю Гна. Феріоля и чувствую всю неосновательность своихъ поступковъ... Не зная еще Гна. Феріоля, я сдѣлала неосторожную связь: въ этомъ очень я виновата; но молодость моя можетъ служить мнѣ извиненіемъ. Страхъ, стыдъ, а особливо суешность, заставили меня послѣ надѣлать множество глупостей; однакожь наконецъ я узнала сердце свое, и выборъ мой рѣшенъ.“ . . .

Этотъ выборъ доказываетъ твоей хорошей вкусъ, отвѣчала Гжа. Бевиль съ

презрительною улыбкою. . . . Но подумала ли ты, что не можешь разорвать связи съ Кавалеромъ д' Озамбри, не обезчестивъ себя? — „Г. д' Озамбри не можетъ почитать меня невозвратно съ нимъ обязанною, не получивъ согласія того человека, копорой одинъ только имѣетъ право располагать мною; а я почитаю себя за честь отдать преимущество Гну. Феріолю, какъ другу бапюшки моего.“

Гнѣвъ заставилъ Гжу. Бевиль безмолвствовать нѣсколько минутъ; но разные мысли, представившіяся ей въ самой скорости, побудили ее принять тонъ умѣренности. „По крайней мѣрѣ, сказала она наконецъ тихимъ голосомъ, дай мнѣ время приготовить Кавалера къ этой удивительной переменѣ; я не думаю, чтобъ ты хотѣла присоединить ругательство и презрѣніе къ непоспоянству.“ . . . — Ахъ, шепушка! я почитаю Гна. д' Озамбри; удивляюсь превосходнымъ его дарованіямъ; чувствую всю цѣну его ко мнѣ расположенія, и хочу не иначе ему отказать, какъ съ изъясненіемъ моей благодарности и дружбы. Удостойте, шепушка, помочь мнѣ въ этомъ; я сдѣлаю все, что вы мнѣ предпишете, и шѣмъ охотнѣе, что я смертельно спрашусь досады и мщенія Гна.

д' Озамбри. — „Не бойся, отвѣчала Гжа. Бевиль съ усмѣшкою пренебреженія: Кавалеръ хотя и предпочиталъ тебя первымъ невѣстамъ въ Парижѣ, но никогда не имѣлъ къ тебѣ страсти; а хотѣлъ на тебѣ жениться по одной только привязанности ко мнѣ, и думалъ сверхъ того, что ты въ него влюблена.“ — Вы меня чрезвычайно обрадовали, шешушка! вотъ все, чего я желала! — „Конечно, приюлвила Гжа. Бевиль, Кавалеръ очень удивится, что и натурально: но будь увѣрена, что впрочемъ будетъ онъ спокоенъ. Говорила ли ты съ отцемъ?“ — Нѣтъ, шешушка. — „Не съѣши же его объ этомъ увѣдомлять; потерпи еще двѣ недѣли; я обѣщаю тебѣ, что по прошествіи этого срока будешь ты совершенно свободна, безъ сценъ и безъ всякаго шума.“

Сіе увѣреніе несказанно обрадовало Изору; она тысячу разъ цѣловала руки у тетки своей, благодаря ее и прося у нее прощенія съ трогательнымъ иростодушіемъ. Невинная Изора не знала, что тридцати - осмилѣтняя кокешка никогда не прощаетъ того, кто хотя мало разстроилъ ея замыслы, или оскорбилъ ея тщеславіе. Гжа. Бевиль углубилась въ размышленія о семъ неожиданномъ ея произшествіи. Она потребовала отъ Изоры

времени только для того, чтобы сдѣлать хорошей планъ, и по оному расположить будущіе свои поступки. Она всегда завидовала прелесіямъ и молодости племянницы своей, слѣдовательно никогда ее не любила; но гордость и честолюбіе подали ей мысль выдать ее за знайнаго человека; потомъ безпрестанная лестъ Кавалера, которой старался увѣрить ее, что чувствуетъ къ ней нѣчто болѣе дружбы, вскружила слабую ея голову. Она думала, что играетъ героическую роль, и хотя раскаявалась въ томъ, для чего не свою собственную руку предложила Кавалеру; однакожь ее такъ умѣли упоить похвалами и честолюбивыми надеждами; она столько была увѣрена, что одна спанетъ управлять по желанію своему Кавалеромъ, и что Изора не будетъ надъ нимъ имѣть никакой власти, что въ самомъ дѣлѣ почитала сей бракъ необходимымъ для щастія своей жизни; но теперь надлежало оспавить сіе предпріятіе, потому что Изора наконецъ объявила съ твердостью склонность свою къ Гну. Феріолю. Гжа. Бевиль почувствовала, что можетъ извлечь большія для себя выгоды изъ неосторожнаго поведенія Изоры, которую можетъ она сдѣлать очень виновною, и на этомъ

основать новой своей планѣ. И такъ она рѣшилась явно жаловаться на Изору и на Барона; рѣшилась поссориться съ нимъ и выйти за Кавалера, естли онъ, какъ она не сомнѣвалась, откроетъ ей истинныя свои чувствованія. Она не боялась уже посмѣянія по тому, что Изора сама и одна подала поводъ къ разрыву съ Гм. д'Озамбри. Сверхъ того, имѣя справедливую причину на нее досадовать, она не была уже останавливаема мнимою своею къ ней нѣжностію, копорой одной, говаривала она прежде, довольно было для удержанія ее отъ вшоричнаго замужства. Наконецъ приверженность ея къ Кавалеру была столь сильна, что она забыла неравенство лѣтъ и всѣ другія неудобства, которыя за нѣсколько дней передъ тѣмъ ее устрашали. Но прежде изъясненія съ Кавалеромъ, хотѣла она узнать расположеніе его фамиліи, и вознамѣрилась ввѣрить тайну Изоры Дюшессѣ д'Озамбри.

На другой день всѣ поѣхали въ Парижъ. Гжа. Бевиль не видалась тамъ ни съ Кавалеромъ, ни съ Дюшессою, копорые на тотъ разъ были въ Версаліи. Г. Феріоль, по пріѣздѣ въ свой практиръ, нашель письмо, въ которомъ незнакомая Дама, живущая недалеко отъ него и называющаяся Маркизою Мельсанжъ, убѣ-

дительно просила его въ тотъ день къ себѣ. Слогъ письма былъ очень порядоченъ. Г. Феріоль немедленно къ ней поѣхалъ и нашелъ молодую, прекрасную и благовоспитанную женщину, которая, извиняясь, что его обезпокоила, рассказала ему, что мужъ ея былъ изъ хорошей дворянской фамиліи и имѣлъ Капитанской чинъ; но богатой и сильной при Дворѣ дядя гналъ его единственно за то, что онъ женился по склонности. Признаюсь, продолжала огорченная красавица, что я не богата и незнамнаго рода; но могу увѣрить васъ, что самые злѣйшіе мои враги не найдутъ ничего къ тому, чтобъ опорочить мое поведеніе. Я вышла тайно за Маркиза Мельсанжа тому уже чепыре года; наконецъ мы объявили свой бракъ въ прошедшемъ Маѣ, и очень скоро послѣ того посадили мужа моего по Королевскому повелѣнію въ Союрскую крѣпость. . . . — Боже мой! вскричалъ Г. Феріоль. Маркиза закрыла платкомъ глаза, и нѣсколько минушъ пробыла въ этомъ положеніи; потомъ продолжала: Такъ, сударь! недоброжелатели наши хотѣли уничтожить нашъ бракъ, потому что мужъ мой, будучи Офицеръ, не изпросилъ Королевскаго на женишбу соизволенія. Я жила всегда въ Провинціи

и не имѣю здѣсь ни друзей, ни знакомыхъ и никакого покровительства. . . Нечаянно дошло до свѣденія моего, что Военной Министръ вамъ родственникъ и, наслышась о рѣдкомъ вашемъ добродушіи, надѣюсь, что вы удостоите подать прозьбу мою Министру. . . — Не сомнѣвайтесь въ этомъ, сударыня! перервалъ съ живою Г. Феріоль: и располагайте мною. . . Я буду имѣть честь представить васъ Министру. . . — Нѣтъ, сударь! отвѣчала Маркиза: я боюсь дяди мужа моего, сдѣлавъ гласнымъ это дѣло; онъ такъ жестокъ, что въ состоянїи и меня посадить въ тюрьму. . . — Возможно ли? — Онъ на это способенъ, и потому я не хочу показываться въ Версалїи, а прошу васъ только взять мою прозьбу.

Г. Феріоль далъ слово не только подать прошеніе ея, но и всячески стараться о скоромъ рѣшенїи дѣла въ ея пользу. Маркиза сказала ему, что ожидаетъ нѣкоторыхъ важныхъ бумагъ, которыя намѣрена приложить къ своей прозьбѣ, и что черезъ нѣсколько дней ихъ получитъ, о чемъ дастъ ему знать. Она заключила изъясненїемъ ему своей признательности, и Г. Феріоль простился съ нею, будучи чувствительно тронутъ ея состоянїемъ.

Гжа. Бевиль возвратилась къ вечеру въ городской свой домъ. На другой день, по утру, то есть въ именины Изоры, Клара, одѣвая ее, сказала: „Я слышала, сударыня, отъ Якова, что Г. Феріоль привезетъ вамъ сего дня изъ Парижа горшокъ прекрасныхъ розановъ, копорые хотя въ этомъ мѣсяцѣ и рѣдки, но онъ, услышавъ, что вы ихъ очень любите, хотѣлъ непременно достать ихъ для васъ, чего бы то ни стоило.“ Г. Феріоль пріѣхалъ въ девять часовъ; Изора нетерпѣливо ждала розановъ, но Г. Феріоль подарилъ ей только анемонъ, сорванный въ саду. Она подумала, что онъ опідастъ ей розы тогда, какъ всѣ домашніе и крестьяне принесутъ ей по обыкновенію букеты, и желая показать, что не ожидаетъ такого подарка, не сказала ему о розаныхъ ни слова. Послѣ обѣда надали Изорѣ множество цвѣтовъ; но Г. Феріоль не подносилъ ей никакого другаго подарка. Черезъ нѣсколько минутъ входитъ пригожая Марса, съ другими молодыми крестьянками, и подноситъ корзинку цвѣтовъ, которую Изора приняла съ холодностію. Одинъ только предметъ обратилъ на себя все ея вниманіе; это былъ великолѣпной букетъ розановъ на груди — у Марсы. . . Она скоро примѣ-

шила, что Г. Феріоль поглядывалъ на эшотъ букетъ съ улыбкою удовольствія и дѣлалъ Марѳѣ знаки, показывающіе тайное съ нею согласіе. Пошли въ садъ, гдѣ, на пріятномъ зеленомъ лужку, дворовые и крестьяне расположились плясать. Изора подошла къ Марѳѣ, которая отстала нѣсколько отъ прочихъ крестьянокъ, и спросила, гдѣ она взяла такіе прекрасные розаны? Марѳа блѣднѣла, краснѣла и ничего не отвѣчала: Изора отошла отъ нее съ сильнымъ бѣеніемъ сердца. Она не приняла никакого участія въ пляскѣ; ~~начала жаловаться на жестокую~~ головную боль и сѣла подлѣ шейки. Черезъ часъ Изора, увидя, что Г. Феріоль, Марѳа и еще нѣкоторые другіе люди пошли въ ближнюю рощицу, встала и послѣдовала за ними. Начинало смеркаться: Изора остановилась, услышавъ за густымъ кустомъ сиринги голосъ Гна. Феріоля, который говорилъ слѣдующее: *Естьли мы долѣе здѣсь съ тобою пробудемъ, то это можетъ показаться странно; но будь спокойна, любезная Марѳа! Прости и не забудь, что завтра въ шесть часовъ по утра. . .* Изора, не желая подслушивать болѣе, поспѣшно выбѣжала изъ рощицы и, встрѣтясь съ Кларою, взяла у нее ключъ отъ своей спальни.

Клара не могла воздержаться, чтобъ не упомянуть о прекрасныхъ Марейныхъ розаняхъ. „Я приказываю тебѣ молчать, отвѣчала Изора, и еспьли ты хотя слово скажешь объ этомъ Якову, то сошлю тебя со двора!“ Послѣ сихъ словъ, ушла она въ свою комнату и заперлась, сказавъ людямъ, что она не здорова и хочетъ лечь. Негодованіе и удивленіе Изоры были чрезмѣрны. Возможно ли, говорила она сама съ собою, чтобъ человекъ, котораго я предпочла всѣмъ другимъ мужчинамъ, котораго почитала толь добродѣтельнымъ, въ которомъ предполагала толь нѣжныя ко мнѣ чувствованія, и котораго наконецъ я такъ искренно любила. . . возможно ли, чтобъ этотъ человекъ былъ разпутной, подлой обманщикъ, обольщитель и лицемеръ? . . . Я отрекаюсь отъ замужства, возвращаю себѣ свободу, и — никогда ею никому не пожертвую. . . . Жалуясь такимъ образомъ, Изора плакала: сердце ея жестоко было разшерзано; и могла ли быть болѣе оскорблена молодая, благородно мыслящая и чувствительная дѣвушка, удостоверенная въ такой измѣнѣ, почти въ ту самую минушу, какъ она призналась въ склонности своей къ невѣрному? . . .

Изора провела всю ночь въ мучительныхъ размышленіяхъ, которыя съ часу на часъ умножали досаду ея и гореснь.

По утру доложили ей, что Марѣинъ отецъ проситъ дозволенія поговорить съ нею. Изора, услышавъ имя Марѣы, почувствовала въ себѣ сильное волненіе; она встала немедленно и, сошедъ въ залу, увидѣла тамъ добраго мызника. Сударыня! сказалъ онъ ей: зная, сколько вы милосивы къ моему семейству, пришелъ я объявить вамъ — Напередъ скажи мнѣ, прервала Изора, не будешь ли ты мнѣ говорить чего нибудь о Гнѣ. Феріолѣ? — И очень много, сударыня, потому что онъ только одинъ — Довольно! я не хочу ничего больше слышать; сдѣлай мнѣ одно только одолженіе, не разглашай этой исторіи! — Это не возможно, сударыня, когда любовь поселилась въ голову молодой дѣвки — Она видно очень влюблена въ него? — До безумія, да и онъ не меньше. Сначала я очень было - разсердился; но Г. Феріоль такъ щедръ! даетъ такъ много денегъ! Раздраженная до крайности Изора встала, не сказавъ ни слова, и пошла съ поспѣшностію изъ залы. Отворивъ дверь, отступила она два шага на-

задъ, увидя Гна. Феріоля, которой усмѣхнулся, взглянувъ на выходящаго креспьянина, и вошедъ въ залу, спросилъ у Изоры: „Что, сударыня, рассказали ли онъ вамъ эшоу пріятной маленькой романъ? . . . Смущенная Изора молчала: слова, произнесенныя Гм. Феріолемъ съ тихимъ и покойнымъ духомъ, служили почти совершеннымъ для него оправданіемъ. Волненіе Изоры сполько было сильно, и ноги ея такъ дрожали, что она принуждена была сѣсть. . . — Вы узнали бы все это вчера ввечеру, продолжалъ Г. Феріоль, естли бы я могъ найти хотя одну минуту поговорить съ вами наединѣ. . . . Изора пошребовала отъ Гна. Феріоля подробнаго изъясненія; онъ сѣлъ подлѣ нее и сказалъ: „Прежде всего надобно вамъ знать, что я хотѣлъ вамъ подарить кустъ лучшихъ розановъ. . . — Любезный Феріоль! вскричала Изора, которую слова сіи вывели совершенно изъ заблужденія. Г. Феріоль, изумденный и пронупый симъ восклицаніемъ, остановился; но Изора просила его продолжать. Онъ поцѣловалъ съ нѣжноспію ея руку и рассказалъ слѣдующее: „Вчера по утра былъ я почти у всѣхъ лучшихъ садовниковъ, но ни одинъ не согласился продать мнѣ цѣлаго куста, и я принужденъ былъ

довольствовались только нѣсколькими цвѣтами. Я поѣхалъ изъ Парижа въ коляскѣ съ Яковомъ, держа розаны, которыя хотѣлъ вамъ подарить. Въ половинѣ девяятаго часа по ушпру мы поровнялись съ домомъ школьнаго учителя, которой, какъ вамъ извѣстно, не далѣе пяти сотъ шаговъ отъ деревни. Мостовая въ этомъ мѣстѣ такъ дурна, что мы не могли иначе ѣхать, какъ шагомъ. Вдругъ услышалъ я стонъ и рыданіе, и велѣвъ остановить лошадей, увидѣлъ за заборомъ молодаго кресстьянина, которой ушопалъ въ слезахъ. Лицо его и горестъ меня тронули. Вышедъ изъ коляски, я велѣлъ Якову ѣхать къ Гжѣ. Бевиль, и сказалъ, что приду пѣшкомъ. Яковъ поѣхалъ: я подошелъ къ забору, подозвалъ къ себѣ молодаго человека, и спросилъ у него: „Что съ тобою сдѣлалось, другъ мой! не прибиль ли кто тебя?“ — Нѣтъ, сударь! — „О чемъ же ты такъ горько плачешь?“ — Ахъ! мнѣ не лзя этова сказать. — Я сталъ его такъ усиленно просить, что онъ открылъ мнѣ наконецъ причину своей печали, а именно, что кто-то оборвалъ всѣ цвѣты съ розоваго куста, которой берегъ онъ, какъ сокровище. — Это еще не большая бѣда, сказалъ я: вошь тебѣ луидоръ; ты мо-

жешь купить другіе. — Ахъ, сударь! еспьли бы вы часомъ ранѣе сюда пожаловали! . . . теперь уже поздно. . . — Почему? — Я хотѣлъ подарить розаны. . . одному человѣку, которой скоро мимо насъ прѣдетъ. . . — Вѣрно дѣвушкѣ? — Да, сударь, и она севодни имянинница. . . — Ее зовутъ Марѳою? — Точно шакъ, она дочь мызника. Всякой день по ушрамъ возитъ она по эшой дорогѣ молоко и зелень на продажу въ деревню. . . . Она поетъ каждой разѣ, и я издалека еще слышу голосъ ея, и. . . — И всѣ швои розаны сорваны? — Злодѣи не оставили ни одного цвѣточка; и я шолько сей часъ это увидѣлъ. . . . вчера было ихъ шесть! По крайней мѣрѣ хотъ бы одинъ оспался, я былъ бы доволенъ; но подумайте, въ имянины ея. . . нѣтъ у меня для нее ни цвѣточка! — и молодой человѣкъ началъ опять плакать. Я споялъ шакъ, что за высокою забора не лзя было ему видѣшь ничего, кромѣ лица моего, и онъ не примѣшилъ прекрасныхъ моихъ розановъ, которые держалъ я въ рукѣ. Сдѣлаемъ его шасптивнымъ! сказалъ я самъ въ себѣ: Изора не ждетъ эшихъ цвѣшовъ; и еспьли бы она была здѣсь, шо вѣрно приказала бы мнѣ ими пожерпивовать: это все будешъ данъ любви. . . . Между

тѣмъ , какъ я думалъ такимъ образомъ , молодой крестьянинъ вскричалъ : Боже мой ! вопль она ! послушайте . Дѣйствительно я услышалъ очень пріятной и звонкой голосъ : тогда , поднявъ руку сверхъ забора , показалъ я великолѣпные свои розаны Крестьянинъ вскричалъ отъ удивленія , перелѣзъ черезъ заборъ , и бросясь на колѣна : любезный , милостивый господинъ ! сказалъ онъ , сложивъ руки . — Я тебѣ дарю ихъ , перервалъ я , подавая ему цвѣты . Онъ принялъ ихъ съ неопысаннымъ восторгомъ и осыпалъ меня благословеніями ; дѣвушка была уже близко , и я пошелъ . Въ именины ваши говорилъ я въ саду съ Мареою о ея любовникѣ , которому только еще семнадцать лѣтъ . Отецъ ея , по причинѣ такой его молодости и недостаточнаго состоянія , запретилъ дочери своей объ немъ думать ; но это легче приказать , нежели исполнить : Марѳа все думала о Сильванѣ — имя ея любовника — и увѣряла меня со слезами , что она точно какъ приворожена къ нему . Наконецъ сего дня въ шесть часовъ по утру ходилъ я на мызу , видѣлся со старикомъ и насилу могъ уговорить его , чтобъ онъ согласился отдать дочь свою за Сильвана , съ которымъ я послѣ также видѣлся . Теперь всѣ согла-

сны, всѣ довольны, и свадьба совершится черезъ шесть недѣль.

Можно представить, какое дѣйствіе произвела сія повѣсть въ сердцѣ Изоры: уваженіе и любовь ея къ Гну. Феріолю столько увеличились, что въ тотъ же день открыла она Барону склонность свою и, рассказавъ ему все происходившее между ею и Гжею. Бевиль, согласилась выпти за Гна. Феріоля, какъ скоро пешка ея предупредитъ Кавалера.

Спустя два дни, Г. Феріоль получилъ записку отъ Гжи. Мельсанжъ, которая просила его къ себѣ на другой день въ ~~шесть часовъ~~ вечера. Хотя онъ былъ ~~шасливѣйшимъ~~ изъ смертныхъ, бесѣдуя только съ Изорою и Барономъ: однакожь вырвался, такъ сказать, изъ нѣдръ блаженства для добраго дѣла, и въ назначенный день и часъ явился къ Маркизѣ.

Кавалеръ д'Озамбри пріѣхалъ къ Гжѣ. Бевиль черезъ часъ послѣ отъѣзда Гна. Феріоля въ щегольскомъ фэшонѣ, и предложилъ Гжѣ. Бевиль прокапиться въ Елисейскія поля (*одно изъ гульбищъ Парижскихъ*). Погода была прекрасная: предложеніе принято; и въ фэшонѣ, которой былъ трехмѣстный, сѣли: Гжа. Бевиль, Изора и Кавалеръ. Изора была задумчива и молчала; Кавалеръ, по обыкновенію сво-

ему, казался бытъ занятъ только Гжею. Бевиль, которая, горя желаніемъ ему понравиться, всячески старалась прельстить его. Разговоръ ихъ былъ очень живъ, и въ самомъ жару онаго Кавалеръ вдругъ вскричалъ: Ахъ, Боже мой! мнѣ кажется, что я вижу Гна. Феріоля въ этой желтой каретѣ. Изора еще прежде его увидѣла: влюбленная женщина далеко видитъ предметъ склонности своей. Это былъ дѣйствительно Г. Феріоль съ Гжею. Мельсанжъ, которая въ самую ту минуту, какъ онъ къ ней пріѣхалъ, садилась въ карету, чтобъ прогуляться для здоровья, какъ говорила она, и пригласила его съ собою. Г. Феріоль сидитъ съ какою-то красавицею! сказала Гжа. Бевиль. — Это невѣроятно! вскричалъ Кавалеръ: я вѣрно ошибаюсь. . . Въ сію минушу карета поровнялась съ фаэтономъ: Гжа. Мельсанжъ, прижавшись въ самой уголъ кареты, какъ бы желая спрятаться, сказала съ поропливостію Гну. Феріолю: „Слѣайте милость, опустите поскорѣе сѣкуру съ вашей стороны; я вижу одного изъ своихъ гонимель, и боюсь, чтобъ онъ меня не примѣтилъ.“ Г. Феріоль немедленно повиновался, хотя и съ неудовольствіемъ; ибо онъ увидѣлъ Изору, которую сей доминантъ удивилъ несказанно. Кавалеръ между тѣмъ

безпрестанно повторялъ: *это невѣроятно!* Гжа. Бевиль спросила у него наконецъ, чему онъ такъ удивляется? — Чудному сходству, отвѣчалъ онъ, женщины, которая сидитъ съ Гм. Феріолемъ, съ.... Если бы порядочной человекъ могъ отважиться показаться на гульбищѣ съ разпутною женщиною: то я поклялся бы, что это Селія... — Какая Селія? спросила Гжа. Бевиль: не та ли, что два года тому назадъ была Оперною танцовщицею? — Да, она сама. — Вы, безъ сомнѣнія, ошибаетесь! вскричала съ живостію Изора. — Нѣтъ, сударыня! я увѣренъ, что это она, отвѣчалъ Кавалеръ, припворяясь, будто не видитъ смятенія Изоры. Но вотъ Вильмеръ, примолвилъ онъ, которой знаетъ ее гораздо больше меня; онъ рѣшитъ наше сомнѣніе. Вильмеръ былъ верхомъ; онъ шотчасъ подѣхалъ къ фэпону, и на сдѣланной ему вопросъ о женщинѣ, сидѣвшей въ желтой каретѣ, отвѣчалъ немедленно, что это Селія, и примолвилъ: „я говорилъ съ нею; она съ какимъ-то незнакомымъ мнѣ мужчиною.“ Послѣ сего объясненія Вильмеръ, сказавъ нѣсколько словъ о другихъ предметахъ, уѣхалъ. Кавалеръ шоржествовалъ. Изора наблюдала глубокое молчаніе; Гжа Бевиль задумалась: новой планъ ея не

дозволялъ ей желать, чтобъ Изора пере-
 мѣнила еще разъ свое намѣреніе; напро-
 шивъ она очень боялась, чтобъ досада
 не побудила ее возвратиться опять къ
 Кавалеру. Такимъ образомъ сіе произше-
 ствіе, вмѣсто удовольствія, причинило
 ей сильное безпокойство. Возвратясь до-
 мой, нашли они тамъ Дюшессу д'Озамбри,
 копорая уже съ часъ ихъ дожидалась.
 Изора пошла въ свою комнату: Кавалеръ
 вышелъ за нею и, догнавъ ее въ маленькой
 галлерей, просилъ остановиться на ми-
 нуту и выслушать его, говоря, что хо-
 тѣлъ сообщить ей прежде, нежели Гжѣ.
 Бевиль, важное для него обстоятельство.
 „Имѣвъ щастіе, сказалъ онъ, быть на
 приватной аудіенціи у Королевы, полу-
 чилъ я отъ Ея Величества удостовѣреніе,
 что очень скоро получу значной чинъ,
 какого, признаюсь, я и ожидаю не
 смѣлъ. Этотъ чинъ доставитъ мнѣ все-
 гдашній входъ во Дворецъ, а будущей
 женѣ моей всѣ придворныя почести; изъ
 всѣхъ неожиданныхъ мною милостей, по-
 слѣдняя есть для меня пріятнѣйшая...
 Сіе сказалъ онъ съ видомъ нѣжнаго уми-
 ленія... Изора смотрѣла на него при-
 стально и холодно: это нѣсколько его
 смѣшало.

Коварные люди во многихъ случаяхъ могутъ ослѣпить и обмануть праводушныхъ и чувствительныхъ; но они не знаютъ сердца человѣческаго, или знаютъ однѣ только мѣлочныя движенія онаго; они слишкомъ много полагаются на суешность, или, лучше сказать, на нее одну полагаются, и часто обманываются. Минувшее упоеніе Изоры разсѣялось навсегда. Ничто такъ не просвѣщаетъ насъ, какъ истинное чувство; ничто такъ не удобно усовершенствовать характеръ, какъ любовь, основанная на почтеніи и добродѣтели. Изора не презирала Кавалера, но и не удивлялась уже ему съ тѣхъ поръ, какъ почувствовала склонность къ Гну. Фертолю. Могла ли она удивляться тому, кто такъ мало сходствовалъ съ ея любовникомъ? Милый намъ предметъ есть образецъ совершенства: все, что не сходно съ нимъ — непріятно; все, что противоположно ему — отвратительно. Изора начинала справедливо судить о Кавалерѣ единственно чрезъ сравненіе его съ любовникомъ своимъ. Начало его изъясненія не понравилось ей; она увидѣла въ немъ очень мало разборчивости; увидѣла намѣреніе обольстить ея самолюбіе и ошвѣчала самымъ холоднымъ тономъ. Кавалеръ хотя и очень удивился, но не

отспалъ отъ своего предпріятія. „Я хотѣлъ, продолжалъ онъ, поговорить съ вами о Гнѣ. Феріолѣ. Надежда, копорую вы мнѣ подали и послѣ подтвердили публично столь пріятнымъ для меня образомъ, кажется даетъ мнѣ право пребывать, чтобъ вы меньше снисхожденія оказывали такому человѣку, копорой хочеть быть моимъ совѣстникомъ. Уваженіе ваше къ волѣ родительской конечно очень похвально; но какъ Г. Феріоль доказалъ порочнымъ своимъ поведеніемъ, что онъ недостойнъ быть вашимъ мужемъ и моимъ соперникомъ: то я думаю, что должность ваша и честь предписываютъ вамъ объявить, безъ всякаго оплагательства и со всею откровенностію, предпочтеніе, которымъ вы меня удостоиваете. Благоразуміе и стыдливость безъ сомнѣнія не дозволяютъ вамъ увѣдомить Барона о томъ, что мы видѣли въ Елисейскихъ поляхъ; сверхъ того, подобная причина къ отказу будетъ похожа на жалобу, а преимущество, вами мнѣ отдаваемое, на мщеніе; но я желалъ бы получить вашу руку путемъ достойнѣйшимъ васъ и лестнѣйшимъ для меня. И такъ довольно будетъ, еслили вы сегодня же откроешесь въ истинной вашей склонности, или дозволите мнѣ погово-

ришь вмѣсто васъ съ Гм. Рисдалемъ.“ .. —
 Нѣтъ, сударь! сказала наконецъ Изора:
 всѣ ваши старанія безплодны. Свойство
 съ вами сдѣлало бы конечно много чести
 отцу моему, но оно разлучило бы меня
 съ нимъ; я теперь вижу ясно свои долж-
 ности и обѣщала батюшкѣ, никогда
 не оставляя его. — „А обязанности ваши
 со мною? . . .“ — Я не могла сдѣлать ни-
 какихъ обязанностей безъ родительскаго
 одобренія. — „Слѣдовательно вы предпочи-
 таете мнѣ разпутнаго *Провинціала*, у
 котораго нѣтъ никакихъ правилъ?“ — Во-
 ля отца моего разположитъ моею, кото-
 рая безъ его совѣтовъ можетъ только
 ввести меня въ заблужденіе. Сказавъ сіе,
 Изора оплелась Кавалеру, оставя его
 въ чрезвычайномъ изумленіи. Хотя онъ
 былъ увѣренъ, что Изора никогда его не
 любила, и примѣтилъ склонность ея къ
 Гну. Феріолю; но никакъ не воображалъ,
 чтобъ послѣ сцены, произшедшей на скач-
 кѣ, могла она предпочесть деревенскаго
 дворянина блистательнѣйшему Придвор-
 ному, котораго почитала она притомъ и
 самымъ случайнымъ. Дѣла его были въ
 крайнемъ безпорядкѣ, и онъ чрезмѣрно
 увеличилъ честолюбивыя свои надежды;
 ибо Королева очень слегка обнадежила его
 въ своемъ покровительствѣ — и вотъ что,

подобно многимъ другимъ, называлъ онъ вѣрными обѣщаніями! Онъ возвратился въ залу, гдѣ Гжа. Бевиль дожидалась его съ величайшимъ нетерпѣніемъ и безпокойствомъ; но несказанно обрадовалась, узнавъ по смущенному его виду, что Изора ему отказала. Кавалеръ, не имѣя нужды шайтаться отъ Дюшессы, разсказалъ подробно все происходившее между имъ и Изорою; отважился прямо сказать, что не былъ никогда въ нее влюбленъ, и что однако же онъ въ опчаяніи. Сіе увѣреніе ободрило и пронуло Гжу! Бевиль. Дюшесса, предупрежденная уже ею обо всемъ, сказала: „я давно примѣтила, что вы любите другъ друга; вы оба свободны.“ . . . При сихъ словахъ Кавалеръ бросился къ ногамъ Гжи. Бевиль. Сцена была сѣиграна мастерски; развязка угадывается. Кавалеръ отмстилъ Изорѣ, лишивъ ее богатаго наслѣдства; получилъ нѣжное признаніе отъ Гжи. Бевиль, и черезъ недѣлю положено бысть свадьбѣ. Въ тотъ же вечеръ поскакалъ онъ просить дозволенія у Короля, и началъ готовиться къ сему шоль поспѣшно заключенному и неожиданному союзу. Гжа. Бевиль торжествовала и предавалась всѣмъ восшоргамъ неограниченной радости. Ввечеру показалось ей въ зеркалѣ, что она

пятнадцатью годами спала моложе; ее предпочли юной и прелестной Изоръ: *безподобный* д'Озамбри пылаетъ къ ней любовью. Что скажутъ объ этомъ въ Парижъ? какъ удивятся и какъ станутъ ей завидовать всѣ тридцати осьми - лѣтняя женщины! Наконецъ будетъ она вздана ко Двору въ робъ! . . . будетъ имѣть *табуретъ* у Королевы! . . . съ ея умомъ и опытностію мудрено ли сдѣлаться любимицею? . . . Сими восхищительными мыслями занималась она всю ночь; по утру провела четыре часа за туалетомъ; надѣла розовыя ленты и нарядилась какъ Дама въ двадцать лѣтъ. И дѣйствительно, пожилая женщина, вскружившая голову 26 - лѣтнему красавцу, не имѣетъ ли права считать себя помолодѣвшею?

Баронъ, ночевавъ въ Парижѣ, прѣхалъ къ обѣду. Гжа. Бевиль, возгордившаяся славою блистательной своей победы, не показала ни малого замѣшательства и, отвѣдши къ сторонѣ брата своего, объявила ему, что Кавалеръ ни въ кого не бывалъ влюбленъ, кромѣ ее, и что наконецъ открылъ ей секретъ-свою. . . . Она примолвила, что, не мѣшя противиться полъ *истинной* и сильной любви, согласилась увѣнчать ее. — Чпожь? шѣмъ

лучше, сестрица! сказалъ Баронъ: шеперь, думаю, не будетъ тебѣ противно, естли мой доброй Феріоль женился на Изорѣ; мы всѣ будемъ довольны, и я увѣряю тебя, что Феріоль ни мало не станеть жалѣть объ имѣніи, которое назначала ты дочери моей: я имѣю 50 тысячъ ливровъ доходу, а онъ двенадцать; на что же намъ больше? Можно и съ гораздо меньшимъ достаткомъ быть щасливымъ. — Гжа. Бевиль, восхищенная такою умѣренностію, сбняла Барона, и хотѣла его увѣришь, что этотъ знаменитой союзъ будетъ весьма выгоденъ для всей ихъ фамиліи. Онъ отвѣчалъ, что не имѣетъ никакихъ честолюбивыхъ намѣреній, и пошелъ къ дочери своей.

Приключеніе съ розанами научило Изору не вѣришь впредь наружностямъ и не дѣлать заключеній по одному только виду. Сердце и даже самый разумъ увѣряли ее, что Г. Феріоль не можетъ быть разпутнымъ и безстыднымъ человѣкомъ: она легко понимала, что рѣдкое его добродушіе могло довести его до того, чпобъ показаться въ Публикѣ съ развратною женщиною, не зная, что она такая; но эта спора, опущенная имъ съ такою поспѣшностію, въ самую ту минушу, какъ онъ увидѣлъ фазтонъ Кавалеровъ! . . . это долговре-

менное пребываніе въ Парижѣ! . . . какъ все это изъяснить? . . . Изора чрезвычайно безпокоилась. . . Баронъ нашелъ ее въ такой задумчивости, что она почти безъ всякаго вниманія услышала важное извѣстіе о бракосочетаніи тетки своей: она не сказала ни слова отцу своему о чудной встрѣчѣ въ поляхъ Елисейскихъ; но поминутно вставала и подходила къ окну, когда слышала шумъ кареты, и потомъ садилась опять на свое мѣсто, вздыхая. . . Наконецъ Г. Феріоль пріѣхалъ и вошелъ. Баронъ спѣшилъ уведомить его о близкой свадьбѣ сестры своей. Это меня не удивляетъ, сказалъ Г. Феріоль: я давно вижу, что онъ ее любитъ; онъ всегда такъ ее хвалитъ! — Это значитъ, что онъ ей нагло льститъ: возможно ли такъ влюбиться въ женщину, которой скоро будетъ сорокъ лѣтъ? Дай Богъ, чтобъ сестра моя не раскаялась послѣ въ своемъ дурачествѣ! — Я думаю, отвѣчалъ Г. Феріоль, что она будетъ щасплива: мнѣ кажется, что Кавалеръ очень доброй человекъ. Но, продолжалъ онъ, обращаясь къ Барону, мнѣ поручено отдать вамъ эту записку: прочтите ее. Баронъ, развернувъ записку, нашелъ въ ней слѣдующее: „Покорнѣйше просятъ Гна. Барона Рисдаля пожаловать немедленно въ

домъ , которой укажетъ ему податель
 ей записки , и гдѣ будетъ сообщено ему
 очень важное дѣло , не терпящее ни ма-
 лѣйшаго оплагательства.“

Эта рука мнѣ не знакома , сказалъ
 Баронъ , и записка никѣмъ не подписана :
 въ чемъ состоить дѣло ? — Я этого не
 знаю , но знаю особу , которая къ вамъ
 пишетъ ; это Маркиза Мельсанжъ , моло-
 дая и очень интересная женщина , прѣ-
 ѣхавшая недавно изъ Провинціи . Она усер-
 дно меня просила , какъ можно постарать-
 ся уговорить васъ , чтобъ вы побывали
 къ ней хотя на одну минуту — Не
 обманщица ли она ? — О ! напрошивъ , очень
 добродѣтельная женщина . . . Возьмите мою
 коляску ; поѣзжайте не мѣшкая , и вы ус-
 пѣеи возвратитесь къ обѣду . . . Баронъ ,
 сдѣлавъ еще нѣсколько вопросовъ , согласи-
 ся ѣхать . Г. Феріоль , оставшись одинъ съ
 Изорою , спѣшилъ удовлетворить чрезмѣр-
 ное любопытство ея въ разсужденіи *добро-*
дѣтельной Маркизы Мельсанжъ , и расска-
 залъ ей , какимъ обра-омъ онъ съ нею позна-
 комился , какъ попалъ съ нею въ Елисей-
 скія поля ; опущенная сторя была также
 не забыта . Выслушавъ сіи подробности ,
 восхищенная Изора вскричала : „ Наилучшій
 изъ людей ! безстыднѣйшій порокъ употреб-
 ляетъ во зло свое добродушіе ; эта мни-

мая Маркиза есть ничто иное, какъ разпутная женщина, я твердо въ этомъ увѣрена. . . — Возможно ли? — Такъ точно; многіе знакомые ей люди называли ее по имени: она была Оперною шанцовщицею. — Повѣрите ли, что это меня не такъ удивляетъ, какъ бы вы могли себя представить? Я люблю удалять отъ себя всѣ невыгодныя мысли и подозрѣнія — какъ бы онѣ основательны ни были — о тѣхъ людяхъ, въ которыхъ принимаю участіе; я самъ не радъ этой слабости: она часто дѣлала меня посмѣшищемъ плутовъ и подвергала ихъ обманамъ. — Ахъ! не стыдись этого, отвѣчала Изора: такое добровольное легковѣріе есть самое истинное и трогательное доказательство добродушія! — Признаюсь, что я противъ желанія моего замѣтилъ въ этой молодой женщинѣ множество небольшихъ странностей, и очень иногда чудный тонъ: это заставляетъ меня вѣрить, что вамъ сказали объ ней правду. Но выслушайте остатокъ моего приключенія: Въ продолженіе прогулки въ Елисейскихъ поляхъ, она безпрестанно говорила со мною о дѣлахъ своихъ; сказала, что посылала звать меня къ себѣ, для врученія мнѣ всѣхъ своихъ бумагъ; недоставало только одной — но и ту,

примолвила она, мы вѣрно найдемъ, возвратясь домой, пошому что сего дня вечеру хотѣли ее непременно ко мнѣ пригласить. . . Съ нами въ каретѣ была прекрасная 4-лѣтняя дѣвочка, дочь ея. Въ сумерки Гжа. Мельсанжъ предложила мнѣ выйши и прогуляться пѣшкомъ — я согласился; но черезъ четверть часа нашла туча и пошелъ проливной дождь: всѣ толкали другъ друга, чпсбъ уйши поскорѣе въ кареты, или въ кофейные дома. Въ продолженіе общаго смятенія, дочь Гжи. Мельсанжъ вдругъ отъ насъ пропала. Никогда не видалъ я подобнаго стчаянія: слезы несчастной матери капали, такъ сказать, на мое сердце. Я поклялся сыскасть дѣвочку, и безъ нее не возвращаться, а ей присовѣтовалъ дожидаться меня въ каретѣ. Дождь, градъ, вѣтеръ, продолжались съ удивительною жестокостію, что однакожь не помѣшало мнѣ бѣганъ цѣлой часъ по полю; но труды мои были безплодны. Наконецъ вздумалось мнѣ войти въ одинъ кофейный домъ, гдѣ къ несказанному удовольствію увидѣлъ я дочь Гжи. Мельсанжъ, которая сидѣла очень спокойно и ѣла бисквитъ. Думаю, что не могъ бы я болѣе обрадоваться, если бы нашелъ родную свою дочь. Я представлялъ себѣ восхищеніе бѣдной ея ма-

тери, которой сердечной стонъ раздавался еще въ душѣ моей. . . . Взявъ дѣвочку на руки, побѣжалъ я съ нею къ каретѣ и кричалъ издали: *вотъ она! вотъ она! ей ничего не сдѣлалось!* . . . Мать — потому что какова бы впрочемъ ни была эта женщина, но все она мать; и какъ прогашельна она въ этомъ отношеніи! — мать отворяетъ дверцы и кидается ко мнѣ на встрѣчу, говоря: *Богъ да наградитъ васъ!* Мы сѣли въ карету, и я проводилъ ее домой. Вошедъ въ залу, велѣла она тотчасъ разложить огонь въ каминѣ, чтобъ посушить хотя не много мое платье, потому что я былъ вымоченъ до чрезвычайности. Она держала на рукахъ дочь свою и смотрѣла на меня съ неизобразимымъ умиленіемъ; и вдругъ, схватя чернильницу, написала записку, запечатала и, отдавая мнѣ, просила какъ можно уговорить Барона побывать у нее на другой день. Говоря со мною, имѣла она слезы на глазахъ и показывала сильное безпокойство. Я не зналъ, что думать, и сколько ни спрашивалъ о причинѣ ея волненія, но не получилъ отъ нее никакого объясненія. Мы разошлись съ нею въ одиннадцать часовъ, и какъ уже было поздно ѣхалъ въ вашъ домъ, то я и ночевалъ въ своемъ

тракширъ. . . . Но. . . . вы плачете. . . . добрая, несравненная Изора! — Плачу отъ радости и во всю жизнь мою буду благодарить Бога за низпосланіе мнѣ случаевъ узнать толь добродѣтельного чело-вѣка. . . . Не скажу, чшобъ я нашла въ васъ предметъ, котораго искала: нѣтъ! я никогда не воображала себѣ такого рѣд-каго и трогательнаго совершенства. Му-дрено ли, что такой характеръ овладѣлъ моимъ сердцемъ, когда изъ повѣсти ва-шей вижу, что одно толькo это без-примѣрное добродушіе обезоружило хит-рую и порочную женщину, которая за-манила васъ къ себѣ для того, чшобъ обмануть? Не сомнѣваюсь, чшобъ жела-ніе ея, поговорить съ батюшкою, не произ-ходило отъ честной и выгодной для васъ причины; можетъ быть, оставя ковар-ные умыслы свои и узнавъ связь вашу со мною, хочетъ она оправдать васъ въ томъ, что вы показались съ нею въ Публикѣ. Но я не хочу ничего болѣе та-ить отъ васъ, продолжала Изора: надоб-но вамъ знать всѣ мои слабости, отъ которыхъ однакожь я совершенно изцѣли-лась. Знайте, что эта женщина очень меня тревожила, и что, прежде ее, Марѳа подала мнѣ поводъ къ сильной ревности. Тогда Изора начала рассказывать подроб-

но всѣ свои безпокойства, и рассказывала долго; ибо, говоря о себѣ съ милыми сердцу, можно ли соблюсти краткость? Внимательный и чувствительный видъ слушателя ясно доказываетъ, что мы не говоримъ ничего лишняго. Изора не кончила еще повѣсти своей, какъ позвонили къ столу. Она сошла поспѣшно внизъ, и узнавъ, что Гжа. Бевиль была еще въ своей комнатѣ, вошла къ ней съ Гм. Феріолемъ. Гордая радость изображалась на лицѣ Гжи. Бевиль: въ самомъ щегольскомъ нарядѣ спояла она передъ зеркаломъ. Любовники поздравили ее съ наступающимъ бракосочетаніемъ, и добрый Феріоль присоединилъ къ сему искреннюю похвалу Кавалеру: это шакъ тронуло и удивило Гжу. Бевиль, что она обняла его дружески и осыпала ласками; потомъ вынувъ изъ ларчика богатыя бриліантовыя браслеты и шакія же серьги, подарила ихъ Изорѣ съ веселымъ видомъ. Пришли сказать, что столъ готовъ. Въ гостиной нашли трехъ, или четырехъ особъ, пріѣхавшихъ изъ Парижа. Гжа. Бевиль каждой изъ нихъ объявила за тайну о своемъ замужствѣ. Наконецъ сѣли обѣдать. Баронъ пріѣхалъ въ концѣ стола, сѣлъ подлѣ Изоры и сказалъ шихонько, что имѣетъ сообщить ей очень стран-

ное происшествіе, которое однако же, примолвилъ онъ, надобно какъ можно скрывать отъ добраго Феріоля. Вышедъ изъ за стола, Баронъ позвалъ сестру свою въ кабинетъ, и тамъ безъ всякаго предисловія сказалъ ей: „Я хочу, сестрица, предостеречь тебя; знай, что Кавалеръ д' Озамбри плушъ и — самой черной и злой чело-вѣкъ.“ Сіе начало произвело сильное негодованіе въ Гжѣ. Бевиль. „Это предостереженіе уже нѣсколько поздно, отвѣчала она съ сердцемъ: и могу ли я легко повѣрить, чтсбѣ чело-вѣкъ, котораго я такъ люблю и уважаю, былъ бездѣльникъ?“ — Я предвидѣлъ, что ты этому не повѣришь; но есть ли я докажу тебѣ. . . . Выслушай меня спокойно, если можешь. Селія, разпущная дѣвка, прежняя Оперная танцовщица, съ которой ты видѣла Гна. Феріоля въ Елисейскихъ поляхъ, была цѣлой годъ любовницею Кавалера; съ полгода тому назадъ уступилъ онъ ее другу своему Вильмеру; но какъ эта дѣвка очень не глупа и при томъ имѣетъ пріятные таланты: то Кавалеръ продолжалъ изрѣдка посѣщать ее и, желая очернить Феріоля въ мысляхъ Изоры, вздумалъ уговорить Селію, чтобъ она заманила его къ себѣ, назвавшись Провинціальною Дамою, перспѣвшею великія несчастія. Вильмеръ,

видя въ этомъ гнусномъ обманѣ только замысловатую и забавную шутку, вымышленную для того, чтобъ одурачить деревенскаго простака, очень хвалилъ эту выдумку, шѣмъ болѣе, что онъ пересталъ уже любить Селію, которая вступила въ шруппу Бордоскихъ комедіантовъ, и черезъ два дни хотѣла отсюда уѣхать: обстоятельство, которое опни-мало у Кавалера опасеніе, чтобъ она не сдѣлала какой нескромности и не открыла его плутовства. Сверхъ того нужно было единственно то, чтобъ раздражить Изору и заставить ее объявить мнѣ, что она предпочитаетъ и любитъ Кавалера. Наконецъ, какъ Селія завтра ѣдетъ, то какимъ бы образомъ Г. Феріоль могъ оправдаться, если бы опъ лъ онъ этотъ обманъ? Самое даже признаніе Селіи было бы тогда недостаточно къ совершенному обнаруженію его невинности: могли бы легко подумать, что онъ подкупилъ ее для разглашенія и подтвержденія сплетней имъ басни; и какъ бы доказать, что Кавалеръ былъ изобрѣтателемъ всего этого заговора? — Но какъ же ты мнѣ и теперь это докажешь? прервала Гжа Бевиль — „Выслушай до конца, отвѣчалъ Баронъ. Все шло такъ точно, какъ хотѣлось Кавалеру;

Селія очень хорошо играла свою роль: Феріоль дался въ обманъ; но одно произшествіе, котораго злодѣи не ожидали, разстроило всѣ ихъ мѣры. Селія опть природы чувствительна, сердце ея превосходно; совѣсть начала жестоко ее мучить: она просила меня къ себѣ черезъ записку — я былъ у нее, и она во всемъ мнѣ призналась! Теперь вотъ что совѣтую тебѣ сдѣлать: ты знаешь, что Англійской Посланникъ даетъ сего дня маскарадъ; Селія достала нѣсколько билетовъ; она должна тамъ видѣться въ послѣдній разъ съ Кавалеромъ и съ Вильмеромъ, которыми назначила тамъ свиданіе. Они думаютъ, что она хочетъ имъ сообщить что нибудь новое о Феріолѣ, и непременно поѣдутъ въ этотъ маскарадъ. Я предлагаю тебѣ ѣхать туда съ нею; ты одного росшу съ Маріаною, горничною ея дѣвкою; походи вмѣстѣ съ Селіею, и ты услышишь все, что спанутъ ей говорить. Я поѣду съ тобою въ этотъ маскарадъ и провожу оптуда; билеты у меня есть.“

Гжа. Бевиль, начиная беспокоиться, не знала, что отвѣчать; но Баронъ умѣлъ уговорить ее, согласишься на его предложеніе, и въ полночь поѣхали они туда только вдвоемъ. Остановясь у лавки, гдѣ продаются маски и берутся на про-

кашѣ маскерадныя плашья, вошли они въ нее, опустивъ карешу и людей. Селія дожидалась уже ихъ въ лавкѣ; они надѣли маски и поѣхали въ маскерадѣ. Селія, вошедъ, взяла подъ руку Гжу. Бевиль; Баронъ слѣдовалъ за ними издали. Черезъ четверть часа появился Кавалеръ съ Вильмеромъ; они были оба безъ масокъ и ходили вмѣстѣ. Гжа. Бевиль такъ встревожилась, что всѣ члены ея дрожали... Селія позвала къ себѣ Кавалера, которой немедленно подошелъ къ ней съ другомъ своимъ, и въпервыхъ спросилъ, указывая на Гжу. Бевиль: *это Маріана?* — Такъ точно, отвѣчала Селія. Послѣ сего Кавалеръ вступилъ въ такой откровенной съ нею разговоръ, что скоро не оспалось въ Гжѣ. Бевиль ни малѣйшаго сомнѣнія въ его обманѣ; ибо онъ много шутилъ надъ простою Г. Феріоля. Но на что, сказала ему Селія, на что всѣ это хитро-спи, когда дѣвушка отъ васъ ускользнула, и вы на ней не женились? — Да, отвѣчалъ Вильмеръ, дѣвушка хопя и ускользнула, но 700,000 ливровъ пойманы и все пепушкино имѣніе. — Клянусь честью, сказалъ Кавалеръ съ разсѣяннѣмъ видомъ, что я не знаю, какъ все это случилось!... — Влюблены ли вы въ Гжу. Бевиль? спросила Селія. — Безъ сомнѣнія,

опивчалъ . Кавалеръ зевая , *влюбленъ до безумія* . — Я гошова биться обь закладъ , чпо вы увѣрили ее въ этомъ ? — Божусь шебъ , чпо она и одна въ этомъ себя увѣрила ; однакожь надобно сказать правду : я питаю къ ней любовь *сыновнюю* . Но бросимъ это , любезная Селія ! ты завтра непременно ѣдешь къ Бордо ? — Непременно . — Сдѣлай одолженіе , не мѣшай . Сказавъ сіе , Кавалеръ отошелъ отъ нее ; но она позвала его опять , и онъ возвратился уже къ ней безъ Вильмера . „Послушайте , сказала Селія Кавалеру : вы меня сего дня подарили за то , чпо я обманула и одурачила этого добраго Гна . Феріоля ; я хочу возвратишь вамъ подарокъ вашъ . — Чпо это за глупость ? . . . — Мнѣ совѣстно . — Это странно ! ты вѣрно помѣшалась ? — Все , чпо я ни сдѣлала , не принесло вамъ никакой пользы ; вмѣсто того , чпобъ женишься на этой молодой дѣвицѣ . . . — Я женюсь на *старухѣ* — продолжай . . . — Я не услужила вамъ , и такъ возьмите назадъ вашъ подарокъ . Сказавъ сіе , подаетъ она ему прекрасную бриліантовую булавку ; онъ не беретъ : Селія поспѣшно прикалываетъ ее къ его кафшану и хочетъ уйти . Кавалеръ удерживаетъ ее , и обернувшись назадъ , видитъ себя между

ею и мнимою Маріаною, которая, оставя Селію, подаетъ руку Кавалеру. Селія между тѣмъ уходитъ и теряется въ толпѣ. „Сдѣлай одолженіе, Маріана! сказалъ Кавалеръ: отдай ей назадъ эту булаву. . . но что съ тобой сдѣлалось? ты вѣрно глуха, или нѣма? . . . — По крайней мѣрѣ я уже не слѣпа, отвѣчаетъ Гжа. Бевиль, скинувъ маску. . . Кавалеръ, приведенный въ крайнее замѣшательство, потерялъ на минушу все свое безстыдство; потомъ принудивъ себя улыбнуться, сказалъ: „Подлинно, сударыня! можно сказать, что вы были теперь очень въ честной бесѣдѣ!“ — Нѣтъ безчестнѣе и подлѣе той бесѣды, въ которой я нахожусь теперь, отвѣчала съ негодованіемъ Гжа. Бевиль. Сказавъ сіе, надѣла она маску и пошла искать брата своего. Не нужно сказывать, какія размышленія она сдѣлала: ихъ можно безъ труда угадать; но надобно объявить, что на другой день послала она богатой подарокъ Селіи, которая была такъ великодушна, что отказалась отъ него, отвѣчавъ, что естъли бы она его приняла, то доброе дѣло ея было бы ничто иное, какъ измѣна.

Гжа. Бевиль перестала носить розовыя ленты, отреклась навсегда отъ неприличныхъ лѣшамъ ея слабостей и сдѣла-

лась женщиною почтенною. Доброй Феріоль женился на любезной Изорѣ: оба они служили образцами супругамъ; и, когда Изора хвалилась благополучіемъ своимъ предъ Барономъ, то сей щастливый отецъ говорилъ ей: „Ты наслаждаешься справедливымъ награжденіемъ за то, что умѣла оцѣнить и предпочесть *добродуш-
наго* челоуѣка.

II.

Письмо къ Издателямъ Вѣстника.

Почтенные Издатели!

Иногда и самыя лучшія дѣла остаются неизвѣстными по тому только, что шѣ, отъ кого онѣ должны быть извѣщены. Публикѣ, налагаютъ на себя молчаніе. Но кто истинный другъ челоуѣчества, кто любитъ добродѣтель и восхищается ею: тотъ не долженъ молчать никогда. — Я, узнавъ на сихъ дняхъ о благородномъ поступкѣ Коллежскаго Секретаря Степана Михайловича Пропопова, служащаго въ Костромскомъ Дворянскомъ Собраніи Протоколистомъ, за священный долгъ себѣ поставилъ сообщить вамъ, прося васъ, дабы вы помѣстили оной въ вашемъ Вѣстникѣ Европы:

Костромской Губерніи Дворянинъ , покойный Генераль - Маіоръ Ѳедоръ Михайловичъ Купузовъ , въ жизнь свою дознавъ опытами доброе поведеніе и безпристрастіе вышеозначеннаго Протопопова , ввѣрилъ ему сдѣлать продажу родоваго своего имѣнія , слишкомъ *въ четырёхъ - стахъ душахъ* состоящаго , на имя Титулярнаго Совѣтника Яковлева , съ такимъ на словахъ завѣщаніемъ , чтобъ со временемъ обращено то имѣніе было малолѣпнымъ его Купузова дѣтямъ (*), до брака прижитымъ имъ. — Сіе довѣріе и завѣщаніе покойнаго дѣйствительно исполнено , и дѣти то имѣніе получили.

Наконецъ оставшаяся послѣ Г. Генераль - Маіора Купузова супруга , Антониди Никитишна , зная также безпристрастіе и добродѣпельныя свойства упомянутаго Протопопова , и будучи постигнута болѣзнію , вручила ему скрытно опо всѣхъ на сохраненіе деньги , золотую и серебряною монетою и Государственными ассигнаціями , *двѣ тысячи двѣсти восемьдесятъ пять рублей* , и значное имущество , въ жемчугѣ , бриліантахъ , золотыхъ вещахъ и серебряной посудѣ

(*) Когда сіе происходило , то они не были еще усыновлены законнымъ порядкомъ.

состоящее, съ тѣмъ, чтобъ по смерти
 ея предоставить сныя малолѣтнимъ дѣ-
 шямъ ея тогда, когда они будутъ въ
 совершеннолѣтїи. Когдажъ она сконча-
 лась: то онъ Протопоповъ, являсь къ
 опредѣленному опекуну, прежде упомя-
 нутому Г. Яковлеву, представилъ ему
 тѣ деньги и все имущество, которыя
 до того времени никому не были вѣдомы,
 объявивъ при томъ, что все это принад-
 лежитъ малолѣтнимъ дѣшямъ Кушуро-
 вымъ. — Г. опекунъ Яковлевъ, принявъ
 оныя деньги и имущество, благодарилъ
 его Протопопова (*) съ совершенною при-
 знапельностїю, и далъ ему въ ономъ
 одобрительной аптестатъ за своимъ под-
 писанїемъ и съ засвидѣтельствованїемъ
 трехъ Благородныхъ Особъ.

Вотъ благородный поступокъ, достой-
 ный подражанїя, и которому всякой Ру-
 ской долженъ порадоваться! Имѣю честь
 бышь и проч.

Вашъ покорный слуга
 А. Ч.

Кострома
 1804, Февраля 23 дня.

(*) Къ чести Гна. Протопопова еще прибавить
 можно то, что онъ не имѣетъ никакого
 состоянїя, кромѣ получаемого имъ жало-
 ванья по мѣсту.

Издашели *Вѣстника* съ удовольствіемъ помѣщаютъ сіе письмо и благодарятъ Особу, приславшую оное, прося и прочихъ почтенныхъ соотечественниковъ, доставлять имъ свѣденія о рѣдкихъ примѣрахъ правды, честности, благотворительности, для сообщенія объ нихъ Публичъ, дабы таковыя отличаящія чело-вѣчество дѣянія не погибали во мракѣ неизвѣстности и забвенія. —

III.

Романсѣ.

Въ убогой хижинѣ моей
 Я бѣдности не знаю —
 За тѣмъ, что съ милымъ сердцу въ ней
 Всѣ чувства раздѣляю.
 Любовь и онъ — мнѣ всякой трудъ
 Въ забаву обращаютъ;
 Меня съ наградой нѣжной ждущъ
 И радостью встрѣчаютъ.

*

Ахъ! кто на свѣтѣ не одинъ,
 Тотъ щасливъ въ каждой долѣ;
 Надъ тѣмъ и рокъ не властелинъ;
 Тому ничто онъ болѣ.

Любовь , любезный и покой —
 Вошь все , чего желаю ;
 Къ чему стремлюсь всегда душой ,
 Что щастьемъ называю !

К. III — вѣ.

IV.

На квартетъ Моцартовъ ,

*въ которомъ Г. Рачинской играла на первой
 скрипкѣ и пѣняла своимъ талантомъ.*

Ты могъ разрушиться (*): но духъ , но
 Геній твой
 Въ своихъ твореніяхъ жить будешь без-
 конечно ;
 Братъ дань души и сердца вѣчно —
 Воспоргами , слезой !

К. III — вѣ.

(*) Моцартъ былъ пораженъ идеею о раз-
 рушеніи , которая ускорила смерть его.

О Гишпанскихъ бесѣдахъ.

Въ Гишпанскихъ бесѣдахъ очень много церемоній; но нѣтъ той тонкой вѣжливости, которая опличаетъ Французскія общества.

Когда позовутъ Даму обѣдать, никто не подастъ ей руки, чтобъ проводить за столъ: за десертомъ всѣ мужчины начинаютъ курить табакъ. Послѣ обѣда, возвратясь въ гостиную, мужчины садятся всѣ на одной сторонѣ, а Дамы на другой; во многихъ домахъ бывающъ двѣ гостиныя комнашы: одна для Дамъ, а другая для Кавалеровъ. Подъ вечеръ входитъ множество лакеевъ: одинъ изъ нихъ подаетъ вамъ стаканъ воды съ льдомъ, другой тарелку, третій слугаровъ — родъ сахарныхъ конфектовъ, которыя разпускаются въ водѣ, для подслащенія ея — четвертой подноситъ шоколадъ. Это еще не все: послѣ подадутъ вамъ всякаго рода пироговъ. Сей полдникъ называется прохлажденіемъ (*rafresco*), и когда всѣ гости довольно прохладятся, то есть, напьются сахарной воды и накушаются пироговъ, тогда садятся играть въ карты. Сія собранія называются *тартуилла* (*tartouilla*). Гишпанскія Дамы одѣваются по-

Французски, когда ѣздятъ на сіи шарпуйллы, но не хорошо дѣлаютъ; ибо очень худо умѣютъ подражать Парижскимъ модамъ, и національная одежда гораздо болѣе имъ пристала. Онѣ обыкновенно очень стройны, пріятны лицомъ, имѣютъ величественную осанку; но Французской костюмъ лишаетъ ихъ всего этого. Мужья не такъ ревнивы, какъ объ нихъ думаютъ; во первыхъ по тому, что они очень безпечны, а во вторыхъ слишкомъ много было бы для нихъ труда. . .

VI.

Общество беззубыхъ.

Я посѣщаю часто общество, состоящее изъ осьми человекъ, мужчинъ и женщинъ, копорые всѣ вмѣстѣ имѣютъ только двенадцать зубовъ. Трудно вообразить радость, почувствованную сими беззубыми особами, когда прочитали они, не знаю, въ какомъ - то Журналѣ, объявленіе объ изобрѣтеніи новаго рода вставныхъ зубовъ. Съ самой сей минуты они ни о чемъ другомъ не думали; и въ слѣдующій же день всѣ осьмеро, какъ будто створясь, показались совсѣмъ съ иными лицами, нежели

наканунѣ. Носы и бороды, взаимно негодовавшія на досадное и безпокойное сосѣдство, не имѣли уже болѣе причинъ къ роппанію. Носы взмоглись опять на костяные свои престолы, а смиренныя бороды, никогда не имѣвшія честолюбія домогаться возвышенія, опустили съ радостію на свои мѣста. Щеки, прежде впаляя, воспріяли надлежащую полношу. Словомъ, я не узналъ бы ни одной изъ сихъ особъ, естлибъ онѣ не сказались. . . . Но, другое неожиданное чудо! голоса ихъ такъ перемѣнились, что когда произнесли имена свои, я съ трудомъ могъ повѣрить, что они не самозванцы.

Толь важная побѣда надъ Природою чрезвычайно развеселила одержавшихъ оную. Сверхъ того, какъ они имѣли уже зубы, то, желая щеголять ими, безпрестанно почти смѣялись ксташи и не ксташи. За обѣдомъ всѣ твердыя яства, попавшись подъ новые и крѣпкіе зубы, почти въ одну минушу были сжеваны. Любо было слушать, какъ трещали кости; но важнѣйшая выгода была та, что желудки сихъ моихъ знакомыхъ, давно уже худо варившіе, исправились вдругъ чудеснымъ образомъ, какъ скоро вступило

вѣ службу кѣ каждому изѣ нихѣ по тридцати по-два зуба.

(Изѣ Франц. Журнала.)

VII.

Брако - указатель.

Такѣ называется одинѣ новой Журналѣ, котораго заглавіе раждаетѣ вѣ умѣ полу-пріятную идею. Сѣ помощію его чело-вѣкѣ, нѣмой отѣ застѣнчивости, или отѣ того, что, справясь сѣ зеркаломѣ своимѣ, нашелѣ онѣ себя уже немолодымѣ и непригожимѣ, можетѣ говорить смѣло и стараться о своей пользѣ, будучи не иначе видимѣ до самой развязки, какѣ черезѣ отраженіе или опсвѣчиваніе. Контора сего Журнала подрядила нѣсколько Псэшовѣ, которые за назначенную и очень сходную цѣну дѣлаютѣ мадригалы и акроспихи.

Предлагающая себя особа должна объявить вопервыхѣ чрезѣ сей Журналѣ, сколько ей чистаго дохода сѣ движимаго и недвижимаго имѣнія, и не имѣетѣ ли какихѣ надеждѣ кѣ полученію наслѣдства. Чіобѣ придать шакому объявленію болѣе привлекательности, всшавливаютѣ вѣ него

сладкія слова и фразы, искусно вырабo-шанныя, которыя служатъ вмѣсто мині-апюрнаго зеркала и показываютъ ростъ, складъ, соразмѣрности и сложеніе или *темпераментъ*. Къ сямъ заманчивымъ предисловіямъ прилагаютъ небольшой списокъ пріятнымъ талантамъ, каковы суть: пѣніе, фортепіано, арфа, гитара и проч.; но что касается до хозяйства, скромности въ одеждѣ, склонности къ домашнимъ упражненіямъ, объ этомъ не упоминается ни слова, безъ сомнѣнія для того, что это само по себѣ разумѣется. Издатели Журнала, или *сваты*, очень вѣжливые люди: вы можете во всякое время и безъ малѣйшаго затрудненія войти въ ихъ Контору, гдѣ пошчасъ покажутъ вамъ каршу, въ которой очень скоро можете пріискашь, что вамъ надобно. Иногда предварительные пункты свадебнаго контракта совсѣмъ бывають готовы, хотя женихъ съ невѣстою еще ни разу не видались. Душею сихъ переговоровъ бываетъ не любовь, но шкапулка. Впрочемъ не лѣзя сказать, чтобъ этотъ способъ бракосочетанія болѣе подавалъ причинъ къ жалобамъ, нежели обыкновенной, то есть, сопровождаемый вздохами, восторгами, испышаніями, пламенемъ и проч. и проч.

Нынѣ всѣ почти начали вѣришь, что бракъ есть лотерея.

Читашель безъ сомнѣнїя увѣренъ, что во всѣхъ увѣдомленїяхъ и вопросахъ умъ ни мало не участвуетъ. Какой глупецъ захочетъ имѣть умную жену? какая жена потребуетъ отъ мужа другаго ума, кромѣ забавнаго? Геній не нуженъ для супружества. — Слишкомъ умные люди обыкновенно склонны къ кришикъ и въ обхожденїи тяжелы; они видятъ яснѣе другихъ недостатки всякой вещи, и рѣдко бывають довольны; бѣглость ума заставляетъ ихъ часто изъясняться насмѣшливо и язвительно, отъ чего спраждаетъ самолюбїе другихъ. Съ другой стороны, люди ограниченнаго ума, но думающїе о себѣ, что они Генїи, еще несноснѣе: какъ же быть? — Итти въ Контору Брако-указателя и жениться на выдержку.

(Изъ Франц. Журнала.)

VIII.

*Уложение для стараго мужа,
имѣющаго молодую жену.*

Членъ I. Старой мужъ обязанъ доставлять молодой своей женѣ всѣ удовольствія, способныя отвлечь ее отъ шумныхъ бесѣдъ большаго свѣта.

II. Онъ долженъ возить ее на всѣ первыя представленія новыхъ трагедій, дабы могла она замѣтить, что въ театрѣ, равно какъ и во многихъ семьяхъ, усилія понравиться не всегда увѣнчиваются успѣхомъ.

III. Онъ обязанъ превозносить похвалами ея прелести, такъ какъ иныя лицемеры хвалятъ Мораль а нѣкоторые Философы добродѣтель, то есть, не будучи сами ни мало имъ причастны.

IV. Онъ безпрестанно долженъ называть ее своею Авророю, хотя она и рѣдко будетъ расположена величать его своимъ *Тионолѣ*.

V. Когда увидитъ онъ ее задумчивою и не веселою, то съ печальнымъ видомъ скажетъ: *милая! я этому не пригиную.*

VI. Увидя же въ глазахъ ея нѣжную томность, станетъ шептать про себя: *уввы!*

VII. Онъ станетъ возить ее на балы, въ спектакли и во всѣ пышныя собранія, чтобъ отвлечь отъ прелестей уединенія и отнять у юнаго сердца ея досугъ, строить воздушныя замки.

VIII. Праздники, продолжающіеся почти до утра, долженъ онъ предпочитать прочимъ, чтобъ тѣмъ болѣе сократить время безсонницы.

IX. Никогда не долженъ онъ при ней кашлять; когда же будетъ не въ силахъ преодолѣть себя, то обязанъ стараться увѣрить ее, что простуда въ большой модѣ, и что кашель есть верхъ хорошаго тона для нынѣшнихъ мужей.

X. Онъ обязанъ купить ей опмѣнныхъ лошадей, самой щегольской экипажъ, лучшіе бриліанты и снабжать ее всегда новѣйшей моды платьями, чтобъ она никогда не имѣла причины завидовать пышной наружности своихъ подругъ и пріятельницъ.

XI. Онъ долженъ стараться равномерно, чтобъ и комнаты ея были убраны въ новѣйшемъ вкусѣ.

XII. Онъ долженъ одѣваться очень просто, но съ величайшею опрятностію,

чтобъ , когда вздумаешся женѣ похвалить его , могла она найти чтонибудь сказать.

XIII. Бесѣда его должна состоять изъ мужчинъ , которые спарѣе его лѣтами , и изъ женщинъ , сдѣлавшихся уже набожными. Супруги , желающіе остаться навсегда оригиналами , должны удалять отъ себя живописцевъ и образчики пригожихъ лицъ.

XIV. Еслили мужъ имѣетъ даръ Поэзіи , то ежедневно долженъ дѣлать женѣ своей по мадригалу , или прибавлять по стансу къ своей эпиграммѣ.

XV. Еслили же онъ не Поэтъ , то долженъ замѣнить бесплодность Музы своей модными конфетами.

XVI. Онъ будетъ ей безпрестанно твердить , что она прелестна , безподобна ; шанешъ хвалить всѣ ея поступки и находить умъ во всѣхъ ея словахъ , даже и въ самомъ молчаніи. Стрѣлы любви отскакиваютъ почти всегда отъ сердца , облеченнаго въ броню гордости и суешности.

XVII. Каждой вечеръ , прощаясь съ нею , онъ долженъ сказать ей съ нежностію: *добрая ночь , милая моя ! поживай покойно.*

XVIII. Каждое утро , какъ скоро она проснется , онъ долженъ спросить у нее , хорошо ли она почивала , видѣла ли прі-

ятные сны ; будетъ восхищаться ослабительной живописью глазъ ея и безподобною свѣжестію лица ; при чемъ безмѣрно спанетъ хвалить выгоды тихаго и безмятежнаго сна ; потомъ поцѣлуетъ ее ; потомъ . . . позвонитъ , чтобъ подавали завтракать .

(Изъ Франц. Журнала .)

IX.

Парижскія моды.

Новѣйшій женскій головной уборъ состоитъ изъ омытыхъ волосовъ : обвиваются вокругъ головы очень плоско косы на подобіе улитки ; сей уборъ называется Нѣмецкимъ (*à l'Allemande*). Щеголиха въ 36 лѣтъ не стара еще нынѣ для такого убора . Молодыя женщины употребляютъ гирлянды изъ повилки (*sensitive*), резеды и подсолнечниковъ . На каждую шляпку накалываютъ по 8 перьевъ . Съ нѣсколькихъ дней появились мозаическіе гребни , булавки , и даже мозаическія діаманты . Алмазы и жемчугъ еще въ модѣ . Шляпки по большей части розовыя ; начинаютъ носить и жонкилеваго цвѣта . Пукъ фіялокъ составляетъ украшеніе бѣлыхъ

атласныхъ шляпокъ; ленты почти на всѣхъ бархатныя. Длинные вышивные рукава по кружевной, или блондовой рѣшоткѣ, узкіе, также полуширокіе, должны быть собраны - наискось. Когда щеголиха не надѣваетъ длинной шали, то замѣняетъ ее суконною четверугольною, которая бываетъ алаго, или дикой козы цвѣта, съ золотою каймою, часто безъ киспей. Атласныя и креповыя платья украшаются бѣлымъ стеклярусомъ (*jais blanc*). Большой букетъ фіялокъ на груди почти во всеобщемъ употребленіи.

(Изъ *Journal de Paris*.)

Роскошь и строгость Парижскаго костюма отчасу увеличиваются. Въ собраніяхъ у перваго Консула, у двухъ другихъ Консуловъ, также у Министровъ и Государственныхъ Совѣтниковъ, Дамы не иначе могутъ показаться, какъ въ богатыхъ шпильныхъ золотомъ платьяхъ изъ Ліонскаго бархата, или атласа. Одинъ такой нарядъ стоитъ около тысячи рублей. Дѣвицы носятъ бѣлыя тафтяныя платья, выложенныя цвѣтами. — Иныхъ матерій не употребляютъ, кромѣ тканей на Французскихъ фабрикахъ. Давно уже носится слухъ, что Дамамъ будетъ пред-

писанъ особенной придворной костюмъ, а именно плаще съ длиннымъ шлейфомъ и родъ маншильи, называемой здѣсь *Juive*, Жидовкою; но по сіе время никакого еще рѣшенія не послѣдовало. — Мушкетеры бывають иногда въ черныхъ кафтанахъ, иногда въ богато-вышитыхъ бархатныхъ. — Въ башмакахъ съ ленточками не дозволено ѣздить въ помянутыя собранія, также и съ косою; но непременно должно имѣть кошелекъ, которой многіе, за недостапкомъ волосовъ, прикалываютъ къ кафтану, что производитъ очень смѣшной видъ; въ нѣкоторыхъ случаяхъ должно быть при шпагѣ. — —

Консульскія собранія были нынѣшнею зимою очень блистательны. Бонапарше давалъ недавно большой ужинъ и балъ, которой продолжался почти до утра. Прочія собранія не могутъ равняться съ прошлогодними, когда многіе богатые Англичане давали часто великолѣпные праздники и болѣе живости придавали Французскимъ обществамъ.

(Изъ Нѣмецкаго Журнала.)

ПОЛИТИКА.

I.

Письмо изъ Лондона.

Мы очень беспокоимся о судьбѣ Индіи: извѣстія, отсюда получаемыя, не пріятны. Марашы соединенными силами напали на область Низама, чтобъ принудить его разорвать союзъ съ Англичанами. Если бы сіе предпріятіе имѣло успѣхъ, то они разорили бы владѣнія Индійской нашей Компаніи. Къ счастью, изъ перехваченнаго письма узнали всѣ умыслы сихъ Марашовъ. Они были намѣрены напасть на Англичанъ вдругъ съ разныхъ сторонъ, упоминъ ихъ частыми ошибками, раздѣлишь ихъ силы и какъ можно избѣгать генеральнаго сраженія. Армія сихъ соединенныхъ Марашовъ состояла изъ 200,000 человекъ. Одна дивизія оной осадила Эшклейгъ, гдѣ былъ небольшой гарнизонъ, и черезъ три дни принудила его къ здачѣ. Гарнизонъ былъ весь порубленъ; потомъ армія опустошила Пуну и совершенно ограбила сей городъ.

Черезъ перебѣжчиковъ узнали, что между Марашами находятся многіе Фран-

цузскіе Офицеры ; и думаютъ, что Адмиралъ Линуа , имѣя оныхъ немалое число на флотѣ своемъ , переведетъ ихъ въ сіи войска. Болѣе всего опасаемся мы, чтобы сей Адмиралъ , узнавъ о разрывѣ нашемъ съ Франціею , и имѣя на корабляхъ своихъ 1500 человекъ отборнаго войска , не отважился сдѣлать какого нибудь смѣлаго покушенія на владѣнія наши , или , по малой мѣрѣ, не разослалъ бы разбѣзжихъ судовъ для перехватыванія кораблей Компаніи, что причинило бы намъ большой вредъ.

Одинъ Англійской Офицеръ пишетъ изъ Сп. Доминго отъ 9 Декабря слѣдующее : „Городъ нашъ теперь въ рукахъ Негровъ. Рошамбо захотѣлъ лучше трактовать съ Дессалиномъ, нежели съ Англичанами ; но сей трактиръ погубилъ бы всю его армію, потому что Негры хотѣли зашопить всѣ корабли въ пристани , какъ скоро сядутъ на нихъ Французскія войска ; но Рошамбо , узнавъ сей злодѣйской умыселъ черезъ одно судно нашей эскадры , рѣшился здаться. Мы взяли при фрегата , изъ которыхъ два еще очень новы. Одинъ изъ нихъ сѣлъ на мѣль, вышедъ изъ пристани, и Негры вѣрно бы умерщвили весь экипажъ, есльи бы Офицеры судна , отправленнаго мною для переговоровъ , не вступились за Францу-

зовъ , какъ здавшихся уже Англичанамъ. Съ великимъ трудомъ спасли мы фрегатъ съ мѣли: онъ былъ уже безъ руля. Я намѣренъ отправить его въ Ямайку.“

Изъ Нев - Йорка увѣдомляютъ отъ 20 Декабря, что путешественники, прибывшіе съ острова Ст. Яго - де - лос - Каваллерось, сказывали о взятіи города Каїя, и увѣряютъ, что сей городъ здался Англичанамъ не прежде, какъ выдержавъ долговременную осаду, и когда жители поѣли уже всѣхъ животныхъ, тамъ находившихся. Генераль Брюне, начальникъ гарнизона, передъ здачею изтребилъ все, что могло бытъ хотя мало полезно Неграмъ, и бросилъ весь свой порохъ въ море.

Нѣкоторые Американскіе Журналы увѣдомляютъ, что многіе пассажиры, прибывшіе недавно изъ Иль - де - Франса, встрѣтились съ Датскимъ кораблемъ. Датчане сказывали имъ, что, на пупи своемъ въ Кишай, приставали они къ одному необитаемому острову, гдѣ нашли Офицера и еще пять человекъ изъ свиты ла - Перуза. Датчане взяли ихъ на свой корабль, но они были такъ изнурены, что черезъ нѣсколько дней всѣ померли. Увѣряютъ, что въ Иль - де - Франсѣ имѣютъ объ этомъ подробнѣйшее свѣденіе.

Одинъ молодой Англичанинъ, ушедшій изъ Фэншенбло, прибылъ въ Фальмутъ и сказывалъ, что, говоря очень чисто по Французски, назывался онъ во всю дорогу Французомъ и благополучно достигъ до Байонны. Онъ встрѣтился съ арміею Генерала Ожеро, которая шла въ Брестъ и назначена въ Ирландію. Въ сей арміи, говорилъ онъ, находится очень много Ирландцевъ; они будутъ служить въ особой бригадѣ, которая сформируется по прибытіи ихъ въ Ирландію.

Нижній Парламентъ соберется въ будущую среду, а Верхній въ пятницу. Предметомъ первыхъ засѣданій будутъ разныя постановленія въ разсужденіи волонтерныхъ корпусовъ. О Государственныхъ доходахъ будутъ практиковать въ Маршѣ.

Военный Совѣтъ разослалъ циркулярныя письма къ Начальникамъ разныхъ Провинцій, для сообщенія имъ, что волонтеры, отправляющіе регулярную службу и получающіе жалованье и провіантъ, должны быть подчинены военной дисциплинѣ, и наказываемы по законамъ за ослушаніе и побѣгъ.

Регулярныя войска Ирландскія никогда не были такъ многочисленны, какъ теперь. Они состоятъ изъ двухъ драгун-

скихъ полковъ, изъ 55 баталіоновъ пѣхоты, изъ 7 баталіоновъ резервнаго войска, изъ 4го гарнизоннаго баталіона и изъ Нѣмецкаго Королевина полку, что все вмѣстѣ составляетъ около 50,000 человекъ, не считая милиціи какъ пѣшей, такъ и конной, которая простирается теперь до 90,000 человекъ.

II.

Письмо изъ Парижа отъ 8 Февраля.

Ворота Тюльерійскаго Замка были въ прошедшую пятницу заперты, и караульные цѣлой день простояли подъ ружьемъ. Говоряшъ, что Замокъ былъ въ тотъ день строго осматриванъ; ибо правительство извѣстилось, что многіе старинные Шуаны пріѣхали изъ Лондона въ Парижъ съ весьма дурными намѣреніями.

Аресты все еще продолжаются, и на сихъ дняхъ посажены въ тюрьму многіе подозрительные эмигранты. Шпіонъ Керель, которой не былъ расстрѣленъ съ Пикотомъ и съ ле Буржуа, за то, что обѣщаль открыть важныхъ заговорщиковъ, сдержалъ, какъ сказываюптъ, свое слово.

Теперь не дадутъ у насъ болѣе пропусковъ къ берегамъ Канала и Сѣвернаго моря. Жандармы съ величайшею строгостію осматриваютъ и обыскиваютъ путешественниковъ въ сихъ краяхъ, задерживая всѣхъ, не имѣющихъ пашпортовъ. Купцы, прѣзжающіе по дѣламъ своимъ въ сіи. прибрежные города, не могутъ проживать въ нихъ болѣе однихъ сутокъ.

Министръ морскихъ силъ отдалъ вчера весьма строгіе приказы на всѣхъ берегахъ Канала.

Курсъ вчера очень поднялся отъ разнесшагося на биржѣ слуха, что правительствѣу нашему сдѣланы новыя предложенія о мирѣ.

Первый Консулъ былъ на сихъ дняхъ въ Театръ, куда пришелъ онъ одинъ, въ сѣромъ сюртукѣ, и сидѣлъ въ ложѣ противъ Гжи. Бонапарте.

Государственный Совѣтникъ Реаль вступилъ въ должность Генераль-Директора Полиціи. Ему въ особливости подтверждено наблюдать строжайшимъ образомъ все то, что можетъ утвердить спокойствіе и безопасность Республики.

Первый Консулъ имѣлъ 6 числа сего мѣсяца продолжительную конференцію со многими Генералами, особливо съ Государственнымъ Совѣтникомъ, Генераломъ

Мармономъ , которому поручено главное начальство надъ Голландскою арміею.

Многіе корпусы войскъ идутъ въ Италію , и Генераль Журданъ , новой Начальникъ сей арміи , отправился уже къ своему мѣсту. Говоряиъ , что большая часть войскъ нашихъ въ Италіи соединися для нѣкоторой особливои экспедиціи.

III.

Письмо изъ Константинополя.

Увѣдомляють изъ Сиріи , что Абдуль-Вехабъ и братъ его убиты. Избавившій Порту отъ сихъ начальниковъ Аравійской секты , которые надѣлали сполько шуму , улучилъ для умерщвленія ихъ самое время ихъ молитвы , и поступилъ такъ дѣятельно , что никто не успѣлъ прийти къ нимъ на помощь. Однакожь убійца не могъ спастись : онъ попался въ руки къ ревностнымъ послѣдователямъ Абдуль-Вехаба , которые въ неистовствѣ своемъ изрубили его въ мѣлкія части. Сіе извѣстіе чрезмѣрно обрадовало городъ , а особливо Сираль : Татаринъ , привезшій оное , былъ щедро награжденъ; Порта надѣется , что тишина въ Аравіи возстановишся.

Начальникъ Ромелійскихъ бунтовщиковъ пойманъ: голова его прислана къ Султану и на три дни была выставлена для всенароднаго зрѣнія.

Говорясь, что многіе Англійскіе военные корабли развѣзжаютъ около береговъ Египта.

Казначей и дворецкой покойнаго Капитанъ - Паши лишились головъ за то, что употребляли во зло довѣренность своего господина.

Новый Капитанъ - Паша, получивъ сіе достоинство, былъ посвященъ всѣмъ Дипломатическимъ Корпусомъ. Онъ гораздо болѣе предшественника своего наблюдаетъ экономію, и отменилъ многія работы въ Арсеналѣ.

Изъ Египта получено достовѣрное извѣстіе, что всѣ Консулы Европейскихъ Державъ въ Александріи просятъ у Министровъ своихъ при Портѣ защиты и покровительства противъ Али-Паши, которой дѣлаетъ имъ многія личныя обиды и припѣшенія. Арнаушы и Мамелюки, въ числѣ которыхъ находится много Ренегатовъ и скрывающихся иностранцевъ, снова посорились съ Турецкими войсками, которыя въ Египтѣ очень малочисленны.

Извѣстія и замѣчанія.

Въ словесномъ объясненіи, которое Принцъ Валлійскій имѣлъ съ братомъ своимъ, Герцогомъ Йоркскимъ, говорилъ онъ такъ гордо и дерзко, что Король разсудилъ за благо приказать его арестовать; но Г. Аддингтонъ успокоилъ Его Величество, и приказъ сей отмененъ. — Сказали, что въ Гласковѣ соберется лагерь изъ 70,000 человекъ. Сіе справедливо что касается до лагерь; но въ счетъ людскй поставленъ одинъ лишній нуль.

*

Письма съ мыса Доброй Надежды содержатъ печальныя подробности о состояніи сей Колоніи. Какъ скоро получили тамъ извѣстіе о новомъ разрывѣ мира, то всѣмъ Англичанамъ запретили выходить изъ домовъ и секвестировали ихъ собственности; но сей приказъ скоро былъ уничтоженъ по настоянію Агента Индійской Компаніи, Г. Прингля, которой часто ссужалъ Батавское правительство деньгами, безъ чего весь бы гарнизонъ взбунтовался. Дано почувствовать правительству, что Англичане, находящіеся на мысѣ, не могутъ возпрепятствовать

вашь Брипанской націи завладѣтъ сего Колонією, и чію обиды, имѣ причиняемыя, послужатъ единственно къ возбужденію мести. Съ сей минуты перестали припѣснять Англичанѣ, и Голландцы ежедневно ожидаютъ Англійскихъ войскъ. Гарнизонъ состоитъ только изъ 2500 человекъ; корпусъ Гоппеншоповъ разпущенъ; въ гавани нѣтъ ни одного военного корабля; но шамъ снаряжаютъ, такъ какъ и въ Иль-де-Франсѣ, много каперовъ, для перехватыванія Англійскихъ купеческихъ судовъ, возвращающихся изъ Индіи. — Говорятъ, что Бапавское правительство поручило Г. Принглю сдѣлать Англійской Министеріи нѣкоторыя предложенія въ разсужденіи здѣшней Колоніи.

Шафгаузенское правленіе занимается возобновленіемъ Рейнскаго моста, коптой ссжгли Французы въ 1790 году. Сей мостъ, говоритъ Виліамъ Коксъ, по своему смѣлому и, можно сказать, чудесному строенію былъ предметомъ удивленія всѣхъ путешественниковъ. Рѣка течетъ по песчаному дну съ такою быстротою, что ни одинъ каменный мостъ не могъ долго пропитаться ея стремленію; наконецъ просьбой Аппенцельской папьяккѣ

предложилъ Начальству, что онъ берется построить деревянной мостъ съ однимъ сводѣ или дугѣ, хотя расстояние между берегами простирается болѣе, нежели на триста футовъ. Магистратъ хотѣлъ непременно, чтобы мостъ сей былъ по крайней мѣрѣ съ двумя сводами. Архитекторъ, будучи принужденъ повиноваться сему приказанію, умѣлъ однако же искусно уклониться отъ онаго, построивъ удивительной своей мостъ хотя и съ двухъ дугахъ, но такимъ образомъ, что средній столпъ или связь между дугами не была ни во что утверждена и висѣла на воздухѣ. Мостъ былъ оконченъ въ три года и стоилъ около 50,000 рублей. Онъ дрожалъ подъ ногами самаго легкаго человѣка, и однакожь тяжело нагруженные повозки ѣздили по немъ безъ всякой опасности. Его очень правильно уподобляли тугу натянутой струнѣ, которая сотрясается, уступая малѣйшему давленію, но по окончаніи онаго приходитъ немедленно въ прежнее напряженіе. — Два раза такъ не строятъ.

*

Едва несчастный городъ Маллага избавился отъ желтой лихорадки, какъ другое бѣдствіе его постигло: Января 15го чувствовано шамъ было сильное землетря-

сеніе, продолжавшееся почти цѣлую ми-
нушу. Четыре дома обрушились и мно-
гія другія зданія повреждены; люди же
очень мало отъ сего пострадали: но при
отъѣздѣ курьера весь городъ находился
еще въ великомъ безпокойствѣ; буря про-
должалась съ жестокостію, и жители,
боясь новаго удара, бѣжали толпами въ
поле.

Изъ Кракова пишутъ, что рѣка Висла
причинила въ концѣ Декабря великія
опустошенія. Страшныя ледяныя громады
угрожали разрушеніемъ Карлову мосту,
которой въ прошломъ году только от-
строены. Принуждены были вывезти за
милю ниже Кракова нѣсколько пушекъ,
чтобы разбить изъ нихъ сіи ледяныя
горы; но сильное стремленіе воды подѣй-
ствовало гораздо лучше пушекъ: оно раз-
дробило ледъ, которой прошелъ, не при-
чинивъ мосту ни малаго вреда. Набереж-
ные жители много пострадали отъ сего
бѣдственнаго приключенія.

Государственный Совѣтникъ, Пре-
фектъ Парижской Полиціи, отдалъ
6 Февраля слѣдующіе приказы: 1) Чтобъ
во время масленицы всѣ тѣ люди, кото-
рые покажутся на улицахъ, площадяхъ

и народных гульбищахъ въ маскахъ и переодѣтые, какимъ бы то ни было образомъ, были безъ шпаги, безъ всякаго другаго оружія и даже безъ палки; 2) чтобъ никто не ходилъ по городу въ маскѣ, какъ скоро начнетъ смеркаться; 3) запрещается наряжаться въ такое платье, которое хотя мало можетъ нарушить общественный порядокъ, или возмутить спокойствіе; 4) всякой маскированной человекъ долженъ непрекословно слѣдовать за Полицейскимъ Офицеромъ, какъ скоро сей позоветъ его въ Управу для какого нибудь объясненія.

*

Почти всѣ наружныя стѣны Парижскихъ домовъ покрыты пышными объявленіями о балахъ, на которые приглашаемы будутъ однѣ только *пристойныя особы и хорошаго тона люди*. Билеты для входу въ сіи собранія покупаются по шести копѣекъ!! Это заставляетъ многихъ заключать, что помянутыя *пристойныя особы* будутъ не слишкомъ блистательны, и что *люди хорошаго тона* очень дешево будутъ платить за свои забавы.

*

Изъ Вашингтона пишутъ слѣдующее: «Капитанъ Рожеръ прибылъ сюда въ прошедшую пятницу и привезъ важное

Извѣстїи, что заключенъ миръ между Марокскимъ Владѣльцемъ и Соединенными Штатами. Фрегаты наши, въ продолженіе переговоровъ, стояли въ боевомъ порядкѣ въ 400 шагахъ отъ Тангера, чтобъ бомбардировать сей городъ, въ случаѣ, если не заключится миръ на предложенныхъ условїяхъ Посланникомъ нашимъ. Наши фрегаты стояли такъ, что изъ 105 пушекъ Тангерскихъ башарей только 15 могли причинить имъ вредъ. — Сей миръ заключенъ безъ всякаго для насъ убышка, и Марокцы отдали намъ бриггу, взятую ими въ Могадоръ. Самъ Владѣлецъ находился въ Тангерѣ съ 20,000 человекъ.

Въ Липовской Губерніи умеръ недавно одинъ весьма недоспающаго состоянія человекъ 163 лѣтъ отъ рожденія. Будучи уже 89 лѣтъ, женился онъ на 15-лѣтней дѣвушкѣ!!

Въ Парижѣ 25 Февраля, въ день Святой Цециліи, отправлена съ великолѣпнымъ торжествомъ Божественная служба въ церкви Св. Рока. Хоръ состоялъ изъ лучшихъ Оперныхъ пѣвцовъ; билеты для входу получали въ церковь и въ театрѣ! Такая странная смѣсь духовнаго съ мір-

скимъ подаѣла поводъ къ разнымъ шуткамъ. По окончаніи церемоніи, Оперные пѣвцы обѣдали всѣ вмѣстѣ, и отъ искренняго сердца пили за здоровье Архіепископа.

*

Въ одномъ изъ Англійскихъ Журналовъ помѣщено слѣдующее: „Говорятъ, что Государственные Совѣтники, назначенные сотовариществовать главному Консулу при высадкѣ, суть Господа Дюмасъ, Тибодо, Реаль, Бурьеннъ, Трельяръ и Франсуа - де - Нантъ. Еслили это дѣйствишельно правда: то вѣроятно, что Бонапарте въ такомъ слугѣ намѣренъ утопить Якобинцовъ своего Государственнаго Совѣта.“

*

Для знающихъ Французской языкъ помѣщаемъ недавно сочиненное опредѣленіе, или дефиницію Французскаго народа:

Définition du peuple.

Je fais tout & je ne suis rien ;
 Je fais le mal , je fais le bien ,
 J'obéis toujours , quand j'ordonne ,
 Je reçois moins , que je ne donne.
 En mon nom , on me fait la loi ;
 Et quand je frappe — c'est sur moi.

ВѢСТНИКЪ — ЕВРОПЫ.

МАРТЪ 1804.

№ 6.

ЛИТТЕРАТУРА и СМѢСЬ.

I.

Ипполитъ и Лора ().*

L'Amour est un maître excellent
Dans toutes les leçons qu'il donne. —

Regnier - Desmarais.

„Нѣтъ, другъ мой! сказалъ Командоръ Вальривъ Барону Ольмару: нѣтъ, не ищи дядьки для своего сына; не уступай никому этой должности, она принадлежитъ тебѣ одному.“ — Да я такъ худо учился, такъ мало свѣдуещъ въ наукахъ. . . —

(*) Комедія Шекспирова Catharina and Petruschio подаде мысль Гжѣ. Жанлисъ къ сочиненію сей повѣсти. Характеры и сцены перемѣнены; лица и вымыслъ повѣстствованія изобрѣшены; одно основаніе занято отъ Англійскаго Автора.

„Что нужды! для этого опредѣлишь къ нему учителей; но сердце образованъ долженъ ты самъ: ты имѣешь природный умъ, хорошія правила, знаешь свѣтъ, ты добрый отецъ — сего довольно.“ — Я люблю его шакъ горячо. . . — „Это - то и должно успокоить тебя; этого - то и довольно, чтобы воспитать надлежащимъ образомъ: горячая привязанность дѣлаешь столь проникательнымъ, столь осиромымнымъ! . . . Послушай, любезный Баронъ! я человекъ весьма обыкновенной; но развѣ худо воспитанъ мой племянникъ?“ — О, конечно! Ипполитъ рѣдкой молодой человекъ! — „Въ двадцать пять лѣтъ не сдѣлалъ ни одной шалости! При основательной разсудительности, при совершенномъ благоразуміи, какъ онъ чувствителенъ, какъ веселъ, какъ любезенъ! Съ такою крепостію, какая живость! съ такими обширными свѣденіями, какая скромность, какая простота, какая благородная, плѣнительная наружность!“ . . . Такъ добродушный Командоръ, съ радостными слезами на глазахъ, хвалилъ Графа Вальрива, и — хвалилъ справедливо. Ипполитъ Вальривъ украшался всѣми совершенствами своего возраста. Въ младенчествѣ лишился родителей, онъ остался единственнымъ наследникомъ бо-

гашснва и имени знатной фамиліи, и воспользовался выгодами самаго лучшаго воспитанія, подъ надзираніемъ Командора Вальрива, добродѣтельного своего дяди. Онъ получилъ отъ Природы счастливое свойство — угождать всякому, не показывая ни принужденности, ни ласкательства. Бывъ сговорчивымъ безъ униженія, вѣжливымъ по одной благосклонности, слѣдовательно безъ подлости, Ипполитъ не досадовалъ на недостатки другихъ; не только не огорчался ими, но даже извинялъ ихъ; могъ оскорбиться умышленною обидою, но не поступкомъ, зависящимъ отъ дурнаго характера; почиталъ несправедливымъ сердиться на то, что есть необходимымъ слѣдствіемъ долговременнаго навыка. Его преимущества никогда не раздражали щекошливаго самолюбія людей обыкновенныхъ; вмѣсто того, чтобы стараться скрывать ихъ (притворство, всегда неловкое!), онъ дѣлалъ гораздо лучше — совсѣмъ не думалъ о нихъ; но тѣмъ съ большимъ блескомъ сами онъ естественно обнаруживались. Этотъ способъ открывать достоинства не требуетъ никакихъ усилій, не напыщаетъ гордостію и не заставляетъ забываться; человекъ, одаренный имъ, не хочетъ ни удивлять, ни

опличатся. Ипполитъ почиталъ дарованія и свѣденія средствами снискавъ любовь и уваженіе, но не правомъ первенствовать; не имѣлъ честолюбія цѣнить достоинства другихъ, ни охоты выдавать себя въ обществѣ *покровителемъ слабыхъ*; умѣлъ наслаждаться пріятностями и восхищаться дарованіями, еслили гдѣ встрѣчался съ ними; находилъ удовольствіе хвалить то, что нравилось ему; любилъ больше, чтобъ забавляли его другіе, нежели блистать талантами передъ ними: вотъ способы сдѣлаться любезнымъ! Ничто столько не украшаетъ разума, ничто столько не извиняетъ его предъ завистью, какъ веселость. Ипполитъ не дѣлалъ шалостей, но рассказывалъ о нихъ такъ забавно, смѣялся имъ съ такою непритворною откровенностію, что самые вѣтреные верноподрахи находили удовольствіе быть съ нимъ вмѣстѣ. Не мудрость отвращительна, но вывѣска ея — педантизмъ: Ипполитъ не чернилъ, не ожесточалъ никого, снискивалъ благосклонность каждаго, словомъ — имѣлъ умъ единственный, образцовый. Въ мысляхъ его, впрочемъ всегда точныхъ и основательныхъ, вообще было что-то новое, даже необыкновенное, и это украшало разительною пріятностію разговоръ

его и обращеніе. Дядя очень занимался намѣреніемъ женить его. Изъ числа предлагаемыхъ невѣстъ, больше всѣхъ полюбилась Ипполисту дочь Маркиза Алибра. Онъ увидѣлъ ее на балѣ. Лорѣ — такъ называли ее — исполнилось только шестнадцать лѣтъ; она была мила, какъ Ангелъ, и показалась Ипполисту прелестною. Лора съ своей стороны замѣтила прекраснаго молодого человѣка, которой ростомъ превышалъ другихъ полуголовою; она удивилась, какъ могло быть лице столь пріятное на высокомъ, мужественномъ станѣ. „Онъ бы испугалъ меня, говорила она, естълибъ видѣ его и улыбка не были такъ милы.“ Въ самомъ дѣлѣ, Ипполитъ имѣлъ станъ Геркулеса, голову Аншиноя; протанцовавъ съ нимъ два контрданса и повстрѣчавшись нѣсколько разъ съ его взорами, Лорѣ показалось, что дѣвушка не прилично дичится передъ такимъ мужчиною.

Плѣненный Ипполитъ объявилъ дядѣ, что Лору предпочитаетъ всѣмъ невѣстамъ, и добродушной Командоръ съ радостію обѣщался идти въ ночь же день къ старому Маркизу Алибру съ предложеніемъ. Дѣло кончено по желанію, и на другой день совершена помолвка. Спустя немного времени, Баронъ

Ольмаръ , родственникъ и другъ обоихъ Вальривовъ , приходитъ къ нимъ въ одно утро поговорить о семъ дѣлѣ. Послѣ нѣкотораго вступленія , обращаясь къ Графу Вальриву: „Любезный Ипполитъ! сказалъ онъ , теперь отъ тебя еще зависитъ уничтожить сіе обязательство ; Бога ради не вступай въ союзъ съ этою дѣвушкою ; я знаю , знаю на - вѣрное , что она была бы причиною твоего несчастія.“ . . . — Какъ ! вскричалъ Командоръ съ живостию : не уже ли въ такой молодости она потеряла доброе имя ? — „Совсѣмъ нѣтъ ! отвѣчалъ Баронъ : напротивъ того всѣ увѣрены , что въ ней не только не видно ни малѣйшаго расположенія къ кокетству , но что она обладаетъ превосходными качествами ; въ ней вообще хвалятъ искренность , благородную душу , доброе сердце ; но всѣ добродѣтели ея помрачаются однимъ недостаткомъ , или , лучше сказать , порокомъ непростибельнымъ , а особливо въ женщинѣ. Она такъ сердита , такъ вспыльчива , что нѣтъ примѣра подобнаго.“ . . . — Право ? . . . — „Она подвержена весьма частымъ припадкамъ настоящаго бѣшенства , и тогда все рветъ и мечетъ , во что ни попало. Ни одна горничная не можетъ съ нею уживаться долѣе недѣли ; она не только

бранишъ ихъ, но даже бьетъ.“... — Возможно ли? ... — „Такъ точно, дядюшка, прервалъ Ипполитъ съ холодноспію: все это справедливо, и мнѣ извѣстно. Жермень, развѣдавъ у людей Гна. Алібра, разсказалъ мнѣ всѣ подробности.“ — Какъ! вскричалъ Командоръ: съ такими прелестями, при такомъ прекрасномъ личикѣ, подъ такою дѣшскою, милою наружноспію столько злости! Ты зналъ объ этомъ, Ипполитъ! и мнѣ не сказалъ ни слова! Тутъ я не узнаю ума твоего. Послушай, другъ мой! не надобно плѣняться, не надобно обманываться пригоженькимъ личикомъ: думаю, что выкинешь изъ головы охоту женишься на ехиднѣ, которая заспавила бы бѣсишься всѣхъ насъ. — „Какъ, дядюшка! подхватилъ Ипполитъ съ усмѣшкою: вы совѣщаете мнѣ разстаться съ тою, которую люблю, и — что болѣе — опіказаться отъ нее изъ трусости, изъ опасенія быть битымъ?“ — О! я увѣренъ, что ты въ состояніи удержатъ ее отъ того; но пріятно ли жить съ такою женщиною? . . . — „Ей только шестнадцать лѣтъ; она лишилась матери почти при самомъ рожденіи, и осталась единственною, обожаемою дочерью у отца; ей никогда не пропиво-рѣчили, никогда не удерживали ее,

и — сдѣлали ребенкомъ избалованнымъ; но она откровенна, чувствительна, умна, и меня любитъ; не безпокойтесь, мы съ нею уживемся.“ — Съ своимъ тихимъ характеромъ выбрать жену своенравную и вспыльчивую! . . . — „По этому-то и надобенъ ей такой мужъ.“ — Но для тебя? для твоего благополучія? . . . — „Я думаю о ея счастіи.“ — Можно ли сумазбродную сдѣлать счастливою? — „Она исправится.“ — Надобно начать снова воспитывать ее. — „Это и сдѣлаю.“ — Мужъ наставникъ, Менторъ! . . . — „Для чегожь нѣтъ? Сильнѣйшій долженъ помогать слабому; не долженъ ли и наставлять его, еслили слабой имѣетъ въ томъ нужду?“ — Она требуетъ любви. . . — „Тѣмъ лучше.“ — Любовникъ становился смѣшонъ, когда вздумаетъ давать уроки. — „Да, еслили вздумаетъ давать уроки по методѣ.“ Разговоръ кончился по желанію Ипполиша; положено свадебной договоръ подписать на другой же день. Спустя два дни, Графъ Вальриръ женился на Лорѣ, и немедленно отправился съ нею въ одно изъ своихъ помѣстьевъ, находящееся въ Пикардіи, въ тридцати миляхъ отъ Парижа. Командоръ, Баронъ съ женою и десятилѣтнимъ сыномъ, поѣхали съ ними же. Ипполитъ предварительно увѣдомилъ о своемъ планѣ

дядю , добрата Жерменя , своего камерди-
 нера , и кучера , находившагося съ давняго
 времени въ его службѣ. Жермень , спа-
 рикъ веселаго нрава , пользовался въ домѣ
 всѣмъ уваженіемъ , пріобрѣтаемымъ у доб-
 раго господина долговременною службою ,
 совершенною вѣрностію и безпредѣльною
 привязанностію. Онъ служилъ еще при
 покойномъ Графѣ ; тридцать пять лѣтъ
 находился въ одномъ домѣ , и почиталъ
 его своимъ собственнымъ ; зналъ наизустъ
 всѣ произшествія жизни опца Ипполитова
 и дѣда ; любилъ разсказывать о такихъ
 обспояшельствахъ , которыя показывали ,
 какую они имѣли у Двора довѣренность —
 объ ихъ острыхъ словахъ , о забавныхъ ,
 или благородныхъ отвѣтахъ покойной
 Королевѣ , Лудовику XV , Лудовику XIV ,
 и даже Лудовику XIII ; ибо память его
 простирается до самой сей эпохи ; ему
 извѣстно было , что Лудовикъ XIII но-
 чевалъ въ замкѣ Вальривѣ еще во времена
Онуфрія Вальрива , Посланника и Кавалера.
 Онъ всегда готовъ былъ показывать пор-
 третъ этого *Онуфрія* , изображеннаго въ
 огромномъ рыжемъ парикѣ , въ лапахъ ,
 съ голубою леніпою. Это былъ , говорилъ
 Жермень , прекраснѣйшій теловѣкъ своего вре-
 мени ; хотя портретъ , написанной не
 лучше трактирной вывѣски , представ-

ляль нескладную, сухощавую и самую странную каррикашуру. Жермень, отправляя должности и камердинера, и дворецкого и управлятеля, имѣль шишуль *надзирагья замка*, хопя по большой часпи жилъ съ господиномъ въ Парижѣ; за то супруга его всегда уже пребывала въ Пикардїи. Первая и главная забота его по прїѣздѣ въ замокъ обыкновенно была — осмотрѣть *Королевское отдѣленіе* (комнашу, въ которой ночевалъ Лудовикъ XIII); онъ благоговѣйно хранилъ старыя мебели; выносилъ ихъ на дворъ; съ крайнимъ стараніемъ вытряхивалъ и выбивалъ хлыстами *Королевскія пресла*, *Королевскія ширмы*, и проч.; выставлялъ на показъ остатки обоевъ, на которыхъ изображены лица знатныхъ людей, и твердилъ безпрестанно, что этому убору больше ста сорока лѣтъ — въ чемъ никто и не сомнѣвался. Жермень, любимый молодымъ господиномъ, которой выросъ на его рукахъ, и которому онъ былъ душевно преданъ, пользовался правомъ *благоремежно и безремежно* пересказывать ему одно и то же. Какъ онъ восхищался, когда слушали его! Графъ былъ очень снисходителенъ; Жерменева неутомимость повторять то, о чемъ было говорено уже много разъ, забавляла Иппе-

лиша ; онъ смѣялся отъ всего сердца , и Жермень съ радостію хвастался , что *илѣтъ* отличной даръ всегда смѣшитъ *Его Сіятельство*. Еще до свѣдѣбы своего господина , онъ не пропустилъ развѣдать о невѣстѣ у всѣхъ ея горничныхъ , у всѣхъ слугъ Маркиза Алибра , и ужаснулся , услышавъ о ея вспыльчивомъ нравѣ : однако , послѣ многихъ представлений , согласился на этотъ бракъ , коимъ впрочемъ казался ему весьма невыгоднымъ. Но въ какое пришелъ онъ восхищеніе , когда Ипполитъ сообщилъ ему планъ свой , тѣмъ болѣе , что этотъ планъ показался ему очень забавнымъ , и гдѣ назначено ему играть немаловажную ролью ! Не было нужды уведомлять другихъ слугъ объ этомъ ; ибо всѣ они были новые , исключая двухъ или трехъ , которые не входили во внутреннія комнаты.

Лора любила своего мужа до безумія : сколько казался онъ ей милымъ ! Первые три дни , по пріѣздѣ въ деревню , протекли во взаимныхъ восторгахъ. Всѣ старались угождать молодой Графинѣ , которая съ своей стороны со всѣми обходилась съ пріятною вѣжливостію , съ веселою любезностію. Всѣ обожали ее за доброту сердца , за снисходительность , за ласковость къ подчиненнымъ въ домѣ.

Жермень увѣрялъ, что люди Гна. Алибра оклеветали ее, и Командоръ не сомнѣвался въ томъ; но Ипполитъ, которой не выпускалъ изъ виду узнавать ее лучше, надѣялся, что много прибавлено лишняго къ тому, что объ ней говорили; нѣсколько своенравныхъ поступковъ, нѣсколько случаевъ, показавшихъ прихотливую нетерпѣливость, примѣчательнымъ глазамъ его открыли въ ней нравъ вспыльчивой и властолюбивой.

На четвертой день, послѣ обѣда, Ипполитъ поѣхалъ навѣстить одного больного сосѣда. Лору попросили сыграть чтонибудь на гитарѣ; она согласилась. Едва начала играть, вдругъ лопнула струна: навязала другую; спустя минушу струна опять лопнула: Лора опять навязала съ нарочитымъ хладнокровіемъ. Лишь только стала играть романсъ, вдругъ перервались при струны. Тогда Лора, пришедъ въ себя, сорвала всѣ струны, ухватила гитару въ обѣ руки, ударила о мраморной каминъ, разбила ее, остатки бросила на полъ и кинулась стремглавъ въ свою комнату, оставивъ зрителей въ изумленіи. Послѣ сего перваго подвига, Лора опѣ спыда сидѣла запершись въ своей комнатѣ цѣлые четыре часа. Она вышла къ ужину

съ изъявленіемъ досады „пѣмъ лучше! сшва: ей ни о чемъ не удивленъ и храбръ; дились съ нею по прежнему образомъ дершала опять веселою и любезною.

На другой день, по утру, Лора, сидя съ мужемъ въ своей уборной, расположилась передъ зеркаломъ и потребовала у Юстины, своей горничной, бѣлой креповой чепецъ съ синими перьями, котораго еще ни разу не надѣвала. Юстина приноситъ коробокъ; открывъ его, находятъ прекрасной чепецъ весь измятой и изпорченной, также какъ и перья. . . . Лора покраснѣла; глаза ея засверкали. . . . Она начала ругать Юстину за нерадивой присмотрѣ. Горничная увѣряетъ, что чепецъ можно поправитъ; но Лора вырываетъ его изъ рукъ ея, бросаетъ на полъ и топчетъ ногами. Юстина наклоняется, чтобы поднять его, и въ ту минушу получаетъ пару пощечинъ отъ прекрасной маленькой ручки, но весьма опытной въ семъ родѣ упражненій, и умѣвшей съ ловкостію показывать свое искусство. Въ продолженіе этой сцены Ипполитъ, сидѣвшій въ нѣсколькихъ шагахъ, повторялъ съ видомъ удивленія: *браво! . . . это я! . . . настоящій я! . . . это другой я! . . . вотъ мой обычай! . . .* Странныя восклицанія остано-

Жермень увѣрялъ, перестала ругать бѣдоклевешали ее, и въ изумленіи смотрѣлася въ потолокъ. Между шѣмъ Юстина скрылась, а Графъ, не вснавая съ мѣста, продолжалъ съ веселымъ видомъ: *да, да! это я! точно я!* — Что вы хотите сказать? спросила удивленная Лора. — О-милая моя! отвѣчалъ Графъ, кинувшись въ ея объятія: вижу, что мы сотворены другъ для друга. Какая симпатія! какое рѣдкое сходство въ нравахъ! . . . — Какъ? — Такъ, такъ; я самъ точно таковъ: нетерпѣливъ, горячъ, вспыльчивъ, опрометчивъ! . . . — Ты шутишь! — Ни мало, отвѣчалъ Графъ важнымъ тономъ: это совершенная правда. Послушай, другъ мой! я не хочу ничего скрывать; ты все узнаешь. — При сихъ словахъ, тронутая Лора замолчала, и сдѣлалась весьма внимательною. — Надобно признаться тебѣ, продолжалъ Графъ, что я воспитанъ съ крайнимъ нерадѣніемъ; дядюшка избаловалъ меня. . . . По-давая впрочемъ мнѣ хорошія наставленія, онъ не только не старался обуздывать чрезвычайной опрометчивости моего нрава, но даже часто говаривалъ: „пѣмъ лучше! шѣмъ лучше! онъ будетъ молодецъ опважной.“ Я колошилъ маленькихъ моихъ сверстниковъ, всѣхъ безъ разбору, а людей взрослыхъ царапалъ, кусалъ. . . .

и дядюшка повпоралъ : „шѣмь лучше ! шѣмь лучше ! онъ будетъ силенъ и храбръ ; это доброй знакъ !“ Такимъ образомъ дерзость моя , не бывъ укрощаема , возраслась лѣшами и превратилась въ привычку — непреодолимую. Однакожь , когда я женился на прекрасной Лорѣ , дядюшка сдѣлалъ мнѣ такія представленія , которыя поразили меня. Чшо по-думаетъ молодая жена , говорилъ онъ мнѣ , узнавъ о швоей вспыльчивости ? Не будучи увѣренною , чшо съ такимъ неукротимымъ нравомъ можно быть , въ то же время , очень хорошимъ мужемъ , она спанетъ почитать тебя чудовищемъ , станетъ ненавидѣть тебя ! . . . Мысль эта привела меня въ препетъ и заставила подуматъ объ исправленіи ; ты видѣла , какъ я велъ себя въ минувшіе четыре дни ; видѣла , чшо я не обнаружилъ никакого знака своенравія — и это очень дорого стоитъ моему перпѣнію ; но примѣшивъ , чшо любезная Лора имѣетъ шу же слабость , я весьма обрадовался и позволялъ себѣ надѣяться , чшо она и во мнѣ извинитъ ее ; теперь я избавился отъ мучительнаго безпокойства. — Это очень странно ! сказала Лора : я почитала тебя такъ тихимъ !.. — О ! нѣтъ , мой Ангелъ ! отвѣчалъ Графъ : огонь ше-

четь въ жилахъ моихъ! . . . — И въ моихъ; когда кровь закипитъ во мнѣ, когда сердце забьется, тогда сама собою не владѣю: но это поочасъ проходитъ. — Въ одну минуту. — И я прихожу въ крайнее огорченіе отъ того, что сдѣлала другимъ неудовольствіе. — И я также очень досажую; но часно черезъ двѣ минуты опять забываюсь и начинаю горячиться. — Это несносно; постараемся лучше исправиться. — Это стоило бы великихъ усилій. Остаемся по прежнему, пока будемъ снисходительны одинъ къ другому; а хопя и пошумимъ — за то какъ пріятно примиреніе! . . . — *Примиреніе!* Не уже ли, *Ипполитъ*, надѣешься ты поссориться со мною? — *Вѣдь* знаешь, *милая моя*, что гнѣвъ не зависитъ отъ управленія разсудка и сердца: когда кровь закипитъ, въ то время не владемъ собою; но будь увѣрена, что по прошествіи перваго жара, ты увидишь меня у ногъ своихъ. Говоря слова сіи, онъ цѣловалъ руки у Лоры, и притворился, будто не примѣчаетъ печали, въ кощорую сія довѣренность погрузила ее. Онъ шутилъ очень забавно; но Лора была въ замѣшательствѣ и задумчивости.

За вечернимъ столомъ, по обыкновенію, подавали все холодное. Ипполитъ, придвинувъ къ себѣ блюдо съ жаркимъ, чтобы разрѣзать, и увидѣвъ, что оно не дожарено, закричалъ спрашнымъ голосомъ: Что это? опяшь по вчерашнему!... позвать повара!... Успокойся, другъ мой! сказала ему Лора препенущимъ голосомъ. — О! конечно! но не прежде, какъ велю опсчитать сто палочныхъ ударовъ негодяю, которой кормитъ насъ такимъ образомъ... Скорѣе позовите повара! слышите ли?... Командоръ, Баронъ и жена его, тщетно старались уговорить Ипполита, которой съ ужаснымъ воплемъ требовалъ къ себѣ повара; наконецъ въ бѣшенствѣ вскочилъ, опрокинулъ столъ со всѣмъ, что было на немъ, и ушелъ съ поспѣшностію... Боже мой! вскричала Лора въ опчаяніи: что онъ хочетъ дѣлать!... — Богъ знаетъ!... отвѣчалъ Командоръ жалкимъ голосомъ, хотя многого труда стоило ему удерживаться отъ смѣха, также какъ Барону и женѣ его... — Что онъ хочетъ дѣлать? повторяла Лора со слезами на глазахъ; пойдѣмъ къ нему!... Ахъ! сохрани васъ Богъ! сказалъ Командоръ: онъ никого не узнаетъ въ минуты припадка... Лучше подо-

ждемъ въ залѣ, пока онъ возвратится. — Говоря это, подалъ руку плачущей Лорѣ, которая едва держалась на ногахъ. Пришедши въ залу, она бросилась въ кресла и дала полную свободу лишью слезамъ. . . Является Жермень. — Что, Жермень? говоритъ Лора: гдѣ онъ? что онъ дѣлаетъ? — Онъ на кухнѣ; мы спрятали бѣднаго повара въ погребъ. Графъ, прогнѣвавшись, что не нашелъ его, теперь все бьетъ, ломаетъ очаги, вершелы. . . — Вершелы? — Да, сударыня! Ахъ, Боже мой! онъ переломилъ вершелъ двумя пальцами, какъ сѣрную спичку; это настоящій Сампсонъ, когда разсердился. . . — Видно, сказалъ Командоръ, что намъ бытъ сего дня безъ ужина; это непріятно. — Въ сію минушу слышался вдали ужасной Ипполитовъ голосъ. Устрашенная Лора тотчасъ, собравъ послѣднія силы, побѣжала чрезъ крышную дверь въ свою комнату и заперлась въ ней. Между тѣмъ, какъ она, умирая отъ страха, разсуждала тамъ о невыгодахъ запальчивости, оставшіеся друзья забавлялись этою шумкою и поздравляли Ипполита съ счастливою удачею. Поужинали наскоро, и Командоръ, которой любилъ сидѣть за столомъ подолѣе, просилъ племянника впредь давать женѣ

своей уроки другимъ образомъ. Лоръ не мѣшали разсуждать до одиннадцати часовъ. Тогда Ипполитъ постучался къ ней въ дверь, и тихимъ, ласковымъ голосомъ просилъ отпереть. Она послушалась. Вошедшій Графъ кинулся передъ нею на колѣна и неопступно умолялъ извинить его въ безразсудномъ поступкѣ. Лора изходатайствовала повару прощеніе; потомъ, ободренная нѣжными ласками мужа, котораго страстно любила, осмѣлилась преподать ему маленькое наставленіе. Ипполитъ, выслушавъ ее терпѣливо, отвѣчалъ съ усмѣшкою: „я исправлюсь, если милая проповѣдница докажетъ опытомъ, что гнѣвъ побѣждаетъ не трудно.“ — Съ охотою докажу тебѣ это! сказала Лора съ твердостью. Ипполитъ, засмѣявшись громко, перемѣнилъ разговоръ. Въ двенадцать часовъ Лора стала жаловаться на сильной голодъ. „Какъ досадно, вскричалъ Графъ, что я въ бѣшенствѣ выбросилъ все, что ни было на кухнѣ; теперь нѣтъ ничего приготовленнаго! однакожь поищу молока и овощей.“ Ипполитъ вышелъ. Спустя четверть часа, Лора слышавъ чрезвычайной шумъ и, узнавъ страшной голосъ разъяреннаго Ипполита, испугалась до смерти. Онъ входитъ, крича

громко: „все съѣли; когда я испортилъ ужинъ, то, вмѣсто того, чѣмъ приготовить что нибудь, они сожрали послѣднее: вотъ все, что могъ я найсти“ — и показалъ кусокъ черстватаго хлѣба, которой не много обѣщаль для вкуса. — Этого довольно! сказала Лора: мнѣ больше ничего не надобно. — „Тотчасъ принесутъ плоды, подхватилъ Ипполитъ: я разослалъ въ садъ всѣхъ людей.“ — Да на что же? говорила Лора: хлѣбъ очень хорошъ. — Ипполитъ твердилъ, что не хочетъ, чѣмъ она легла спать не съѣвши, по крайней мѣрѣ, двухъ или трехъ сочныхъ персиковъ; беспокоился, сердился на медленность слугъ, кликалъ, кричалъ изо всей силы, звонилъ во всѣ колокольчики — и это крайне огорчало бѣдную Лору. Во второмъ часу принесли корзинку съ персиками. Ипполитъ шумѣлъ и бранился до трехъ часовъ по полуночи. Наконецъ Лора легла спать, бывъ крайне упомянута сценами сего грознаго вечера.... Это первой урокъ, данный *мужемъ наставникомъ*. Слѣдующій день провели съ удовольствіемъ; никогда Ипполитъ не былъ столько любезенъ. Лора, восхищенная его веселостію, его пріятностію, его разговорами то наставительными, то забавными, повторяла шихонько: „какъ жаль,

что при такихъ дарованіяхъ онъ имѣетъ
этомъ недостатокъ! . . . Уважая свою особу,
она не смѣла сказать: гнусной недостатокъ.

На другой день, въ восемь часовъ
по утру, Жермень, по обыкновенію, при-
несъ молодымъ супругамъ завтракъ на
богатомъ фарфоровомъ приборѣ, которой
Командоръ недавно подарилъ Лорѣ.
Опасаясь, чпобы не разшибли, она за-
пренила употреблять его; но увидя его
въ рукахъ Жерменя, вдругъ вспыхнула,
начала браниться. . . . Тогда Ипполитъ,
подошедъ къ ней съ сверкающими глаза-
ми, сказалъ: „все это относится ко мнѣ;
потому что я приказалъ подавать въ
этихъ чашкахъ.“ . . . Устрашенная Ло-
ра, смягчивъ тонъ, отвѣчала: прости
меня, милой мой! я совсѣмъ не знала объ
этомъ. . . . Ипполитъ, притворившись,
будто въ сильномъ гнѣвѣ не слышитъ
словъ ея, ухватилъ подносъ съ прекрас-
нымъ приборомъ и — выбросилъ его за
окно. . . . Лора, дрожащая, блѣдная,
вся въ слезахъ, падаетъ на колѣна, про-
спирая сложенные руки къ грозному
Ипполиту, которой, посмотрѣвъ на нее
около минуты, бывшую въ семъ унизитель-
номъ положеніи, лепитъ къ ней, сжимаетъ
ее въ объятіяхъ и раскаявается въ своей
запальчивости. Въ самомъ дѣлѣ прими-

реніе было сладостно, какъ онъ предска-
 зывалъ. Лора, осыпая поцѣлуями Иппо-
 лита, говорила: ахъ, другъ мой! намъ
 надобно исправиться! — „Я весьма бы
 хошѣлъ этого, отвѣчалъ онъ, а особливо
 видя, сколько ты, милая моя, терпишь
 отъ крушаго моего нрава.“ — Прекрасныя
 чашки! . . . Что скажетъ дядюшка, уз-
 навъ объ этомъ? . . . — „О! онъ привыкъ
 къ такимъ поступкамъ; недавно, бывъ
 у него и разсердясь на одного чело-
 вѣка, кошорой шамъ случился, я раз-
 билъ въ дребезги прекрасное зеркало,
 стоявшее въ залѣ; тебѣ не мудрено по-
 нять, какъ сдѣлалось это дурачество;
 ты сама не разбила ли гитары? а?“ —
 Такъ чтожъ? она не твоя, мой сердечной
 другъ! — Этотъ отвѣтъ стоилъ Лорѣ
 одного нѣжнаго поцѣлуя. — „Я и не упре-
 каю тебя въ запальчивости. Кому лучше
 меня знать ее? Кромѣ того, что ты
 слышала, я разбилъ — десять скрипокъ
 и столько же флейтъ.“ . . . — Не ужь ли? . . . —
 „Точная правда; естлибъ не мѣшала эта
 проклятая горячка, я былъ бы очень
 изрядной музыкантъ; но то бѣда, что
 при каждомъ встрѣчающемся затрудненіи
 рву копы, опрокидываю столики и ло-
 маю инструменты.“ — Такъ ты сердитѣ
 меня. . . — „Натурально; страсти въ му-

щинахъ гораздо стремительнѣе, нежели въ женщинахъ. Ахъ! когда бы только эшимъ можно было упрекать меня!“ .. — Тутъ Графъ вздохнулъ, казался пронутымъ и принялъ на себя важный видъ, которой расположилъ Лору ко внимательности. — Что такое еще, другъ мой? спросила она съ безпокойствомъ. — „Ты легко представишь себѣ, отвѣчалъ онъ, что, имѣя такой несчастной нравъ, не одинъ разъ случалось мнѣ драться на поединкахъ!“ . . . — Ахъ, жизнь моя! Бога ради впредь удержишься отъ этого! Я не перенесу, умру. . . . — „Такъ исправь меня.“ .. — Что же мнѣ должно дѣлать? — „Не знаю, и повторяю тебѣ, что трудно, очень трудно преодолѣть себя.“ .. — Напрошивъ, очень легко; я увѣрена теперь. . . — „Какъ же, милая моя! не ты ли сего дня сердилась на Жерменя?“ — Это въ послѣдній разъ. — „Я не имѣю права удивляться такому поспунку. Бѣдной Жермень! . . . Не примѣшила ли ты, что у него одинъ глазъ красенъ? Это также моя работа: бывъ еще робенкомъ, я ударилъ его рукою, и ногтемъ.“ . . — Ахъ, это ужасно! . . . — „Тутъ еще не все; три мѣсяца назадъ, въ припадкѣ бѣшенства, я имѣлъ несчастіе переломить ему руку.“ .. — О Боже! . . . — „Со всѣмъ тѣмъ

я люблю его, люблю какъ отца.“ . . . —
 Переломить руку! . . . — „Послѣ этого
 изступленія, жестокаго, варварскаго, я
 хотѣлъ — было заколоться; дядюшка, ко-
 торой шунь случился, вырвалъ изъ мо-
 ихъ рукъ шпагу.“ . . . — Боже мой! . . .
 ты въ ужасъ приводишь меня! . . . Пра-
 вда, любезной Ипполитъ, что и я вспыль-
 чива, однако же никогда не дѣлала похо-
 жаго на это. — „Суди же изъ того, милая
 моя, какая разность въ физическихъ на-
 шихъ силахъ! Въ изступленіи моемъ безъ
 умысла часто бываю причиною великихъ
 золъ. Не уже ли ты подумаешь, что я
 имѣлъ намѣреніе переломить руку этого
 почтеннаго старика? Я хотѣлъ только
 вышолкнуть его изъ комнаты; ярость,
 овладѣвшая мною, усугубила силу мою,
 какою и безъ того рѣдкой можетъ по-
 хвалиться; я ухватилъ его за руку,
 и стиснулъ съ такимъ напряженіемъ,
 что“ . . . Перестань! вскричала Лора,
 поблѣднѣвъ: Бога ради перестань; ты
 дѣлаешься душно! . . .

(*Окончаніе впродъ.*)

II.

Два письма къ Персидскимъ вельможамъ отъ Клеандра, Агента, живущаго въ Аѣинахъ по шайнымъ препорученіямъ отъ Царя Персидскаго (*).

1.

Клеандръ къ Мегабизу, одному изъ семи Государственныхъ Совѣтниковъ.

Законъ Аѣинскій повелѣваетъ, по окончаніи военнаго похода, отправлять торжественное погребеніе гражданъ, убитыхъ на сраженіи за отечество, и дѣтей ихъ воспитывать на иждивеніи Республики.

(*) Изъ книги, подъ названіемъ: *Аѣинскія Письма*. — Въмѣсто повторенія похвалъ, съ которыми иностранные Литтераторы отзывались объ этой книгѣ, довольно сослался на мнѣніе Парижскаго Журнала, помещенное въ шестой книжкѣ Московскаго Меркурія (стр. 200). Прочитавъ *Аѣинскія Письма*, еще больше я увѣрился въ ихъ достоинствѣ, и — рѣшился переложить ихъ на языкъ отечественный. Переводъ почти окончанъ. Если содержаніе сихъ двухъ Писемъ понравится Публикѣ, если слогъ мой одобрятъ просвѣщенные Читатели — тогда осмѣлюсь напечатать и всю книгу.

№ 6. 4

Этотъ обрядъ былъ совершенъ не давно. Искренне признаюсь тебѣ, что пышность и разпоченіе Двора Сузскаго никогда не дѣйствовали на меня столько, сколько простота и порядокъ сего республиканскаго обряда.

За три дни до погребенія, кости военныхъ жертвъ выставлены были подъ намешомъ, съ поднятыми занавѣсами, для всеобщаго зрѣнія, и чтобы всякой могъ безпрепятственно подходить къ нимъ. Пространство вокругъ намеша усѣяно было цвѣтами, и каждый гражданинъ, пришедшій отдать храбрымъ защитникамъ послѣдній долгъ, держалъ въ рукѣ связку оныхъ, которую посвящалъ особенно памяти того, кого оплакивалъ. Въ четвертый день, всѣ племена города прислали по одному кипарисному гробу, для помѣщенія въ нихъ смертныхъ останковъ своихъ собратій. Въ слѣдъ за ними несли одинъ накрытой пустой гробъ въ память тѣхъ, которыхъ тѣла не отысканы. Шествіе состояло изъ множества жителей и чужестранцевъ; родственники убитыхъ окружали гробы; глубокая печаль, видимая на лицѣ каждого, выражала истинныя чувства всѣхъ вообще.

Кладбище, называемое *Карамикъ*, находится внѣ города. Памятникъ, воз-

двигнутый въ честь храбрыхъ гражданъ, украшенъ столбами, трофеями, надписями — отличія, предоставляемая такимъ людямъ, коихъ память хотятъ почтить особливимъ образомъ. Печальное торжество заключено Словомъ къ народу: самъ Перикль произнесъ его. — Я былъ пораженъ силою всепобѣждающаго краснорѣчія, удивлялся мужественной твердости мыслей, пріятной важности шлодвиженій, неизъяснимымъ, благоговѣйный ужасъ поселяющимъ, красотами этой надгробной рѣчи. Сограждане имѣли справедливую причину назвать его Орапоромъ Олимпійскимъ. Пріятной голосъ, благородная осанка, простая, но приличная одежда, еще болѣе возвышали сей величественный, торжествующій тонъ, коимъ изумляетъ, плѣняетъ и обворождаетъ слушателей.

Главной предметъ Слова состоялъ въ томъ, чтобы — прославляя храбрость мужей, пожертвовавшихъ жизнью на брани — возбудить въ душахъ согражданъ любовь къ отечеству. „Храбрые защитники, говорилъ онъ, умирая, лишаются только бытія временнаго; но память ихъ живетъ вѣчно въ похвалахъ благодарныхъ соотечественниковъ. Не столько прославляютъ ихъ воздвигнутые

мавзолей, сколько воспоминаніе въ вѣкахъ будущихъ. Вселенная есть гробница заслужившихъ славу безсмертную; всѣ племена земныя окружаютъ ихъ. Почести, воздаваемыя въ надписяхъ и трофеяхъ, не столько важны, сколько громкія хвалы, отъ поколѣній къ поколѣніямъ переходящія — и сіи хвалы суть надежнѣйшіе поручители безсмертія, нежели тлѣнные памятники. Граждане! поревнуемъ героямъ. Счастіе наше да будетъ основано на вольности, вольность на мужествѣ!“ При семъ случаѣ Периклъ не пропустилъ польстить Аѳинянамъ, приписывая могущество Республики единственно ихъ благоразумію, строгому наблюденію воинскаго порядка, храбрости и успѣхамъ оружія. Онъ превознесъ мудрость и независимость ихъ узаконеній, копорыхъ покровительство, простираясь равно на бѣднаго и богатаго, на слабого и сильнаго — оплачиваетъ заслуги каждаго гражданина, и хранитъ его права, безъ произвольнаго различенія.

Периклъ, сошедъ съ кафедры, отправился домой, послѣдуемый громкими восклицаніями. Чувство печали уступило мѣсто похвалямъ, воздаваемымъ въ шумномъ смѣшеніи голосовъ оплакиваемымъ жертвамъ. Самые соперники на

полѣ славы, съ досадою завидовавшіе жизни убіенныхъ, непришворнымъ сокрушеніемъ сердца почтили память ихъ, и старались наперерывъ помогать вдовамъ и сиротамъ любезныхъ согражданъ. Общество Аѳинское съ родственною нѣжностію изъявило дѣшамъ храбрыхъ воиновъ чувство той признашельности, которой не могло оказать имъ самимъ.

Это обыкновеніе столь почтенно, на такихъ мудрыхъ правилахъ здоровой Политики основано, что я прихожу въ искушеніе предоставишь твоему разсужденію рѣшить, не слишкомъ ли недостаточны узаконенія Персіи въ семъ отношеніи, и не можно ли намъ занять у Грековъ онаго? Извини жаръ моего выраженія, естли осмѣлюсь утверждать, что награды и ободренія такого рода больше всего помогли бы одушевить ослабѣвшія войска Азіи, и поселить въ нихъ благородную ревность къ подражанію храбрымъ предкамъ. И такъ, перестанемъ вмѣняшь въ стыдъ занятіе полезныхъ обычаевъ отъ нашихъ непріятелей! Какой воинъ — будучи увѣренъ, что сограждане почтять смерть его шоржеспивнымъ сѣшваніемъ и похвалами, что друзья благословятъ память его, что благодарное правительство будетъ пецися о дѣ-

сяхъ его — какой воинъ усомнится жертвовать жизнью, сколько бы она ни была для него драгоценна, за свою славу, за благоденствіе семейства, за безопасность опечесства?

Мудрый Мегабизъ! ..еслибъ это обыкновеніе было принято нами, оно утвердило бы престолъ Монаршій — не на скудельномъ основаніи пышности и роскоши, власши и принужденія, притворства и хитрости — но на любви народной къ Государю, на усердіи подданныхъ. Сіи основанія власти самодержавной столь незыблемы, что Царь, воздвигшій на нихъ могущество свое, не будетъ имѣть нужды прибѣгать къ другимъ средствамъ; въ противномъ случаѣ — дѣйствія его будутъ несогласны со счастіемъ народа, съ правилами разума, съ истинными началами Полипики, съ цѣлюю благонамѣреннаго управленія. Прощай!

2.

*Клеандръ къ Гидаспу, первому
Царедворцу.*

Нѣкошорые изъ пріятелей моихъ недавно имѣли жаркой споръ о качествахъ обоихъ половъ, сравнивая ихъ между собою;

причину къ тому подалъ вопросъ: какія права имѣемъ на превосходство, которое съ давняго времени мы себѣ присвоили? Одинъ изъ собесѣдниковъ относилъ его къ образу нашего воспитанія, и утверждалъ, что женщины равно были бы способны къ великимъ предпріятіямъ, ко многотруднымъ подвигамъ, равно одушевлялись бы тѣми добродѣтелями, кошорыя, по видимому, исключительно принадлежатъ намъ однимъ — естли бы прилагалемо было стараніе къ тому приготовить ихъ.

Онъ думалъ также, что силы душевныя совсѣмъ не зависятъ отъ крепости нашего сложенія. „Не только, говорилъ онъ, нашъ полъ служитъ тому яснымъ доказательствомъ; ибо часто видимъ, что въ тѣлахъ слабыхъ и немощныхъ обитаетъ духъ бодрый, пронзательный и дальновидный; но другіе примѣры еще убѣдительнѣе увѣряютъ насъ въ сей истинѣ. Посмотримъ на славную Аспазію. Она еще жива, и хотя уже лишилась своихъ прелестей, хотя счастье оставило ее, но слава пребываетъ съ нею. Для удовольствованія вашего любопытства, расскажу вамъ о сей удивительной женщинѣ, кошорая — въ такомъ вѣкѣ и въ такой странѣ, въ коихъ успѣхи ума человеческого достигли до высочайшей степени —

заслуживаетъ стояшь на ряду съ знаменитыми мужама, спличившимися дарованіями, любовію къ Наукамъ и Искусствамъ и превосходствомъ знаній.

Аспазія родилась въ Милетѣ — городѣ, прославившемся великими людьми, имъ произведенными. Симъ преимуществомъ обязанъ онъ, безъ сомнѣнія, не столько дѣйствію климата, сколько тщательному воспитанію и благотворному вліянію изящныхъ Наукъ и Искусствъ, которыя ревностно въ немъ ободряются.

Порода этой необыкновенной женщины не совсѣмъ извѣстна; нѣкоторыя особы ея пола съ гордостію поносятъ мнимую незнашность ея произхожденія, которую почитаютъ обстоятельствомъ, усугубляющимъ блескъ личныхъ качествъ ея, и выгоды того уваженія, которымъ опличаютъ ее современники.

Не знаютъ также главной причины, заставившей ее поселиться въ Афинахъ. Нѣтъ сомнѣнія, что она почла городъ сей мѣстомъ благопріятнымъ для любви своей ко славѣ, и театромъ, на которомъ ея дарованія должны были увѣнчаться блистательными опличіями. Можно думать также, что одно желаніе научиться повлекло ее въ такой городъ, которой изобиловалъ всѣми способами къ тому, и

снискалъ славу всеобщую. Какъ бы то ни было, въ Аспазіи удивляются соединенію всѣхъ красотъ душевныхъ и тѣлесныхъ, ловкости, снискиваемой обращеніемъ въ большомъ свѣтѣ, и талантамъ, усовершенствованнымъ въ обществѣ знаменитѣйшихъ мужей Греціи.

Аспазія не ограничила вниманія своего мѣлочными подробностями домашней жизни, ни тѣми поверхностными свѣденіями, кои обыкновенно видимъ въ женщинахъ. Она съ пользою занялась Словесностію, и особливо Философіею и Политикою.

Анаксагоръ, мужъ, снискавшій славу обширными познаніями въ Наукахъ Естественныхъ, не могъ бы похвалиться превосходствомъ предъ этою удивительною женщиною въ такой части, на изученіе которой посвятилъ всю жизнь свою. Она знаетъ, столь совершенно, какъ и самыя искусныя Политики, узаконенія различныхъ Государствъ Греческихъ, съ такою же прозорливою точностію разбираетъ и тѣ непредвидимыя обстоятельства, отъ коихъ зависятъ ихъ относительныя пользы.

Кажется, она поставила для себя образцемъ Трагелію — также въ Милетѣ рожденную — которая ловкостію; дарова-

ніями, искусством прельщать, умѣла пріобрѣсти довѣріе многихъ правительствующихъ особъ Греціи, умѣла, мало по-малу, поселить въ нихъ выгодныя мнѣнія о намѣреніяхъ великаго Царя, и наконецъ достигла до того, что заставила ихъ быти ему преданными.

Въ число рѣдкихъ достоинствъ Аспазіи должно включить и то удивительное краснорѣчіе, которое много способствовало ей овладѣти умами и снискать всеобщую любовь собиравшихся слушать ея нравственные поученія. Не удивительно ли, почтенный Гидаспъ, что эта знаменитая Аспазія, которая знала и доказывала съ такимъ искусствомъ пользы добродѣтели, весьма рѣдко слѣдовала своимъ наставленіямъ? не удивительно ли, что та, которая сполько имѣла власти надъ страстями другихъ, покорялась своимъ собственнымъ? Со всѣмъ тѣмъ, знаменитѣйшіе граждане усердно посѣщали ее, имѣя въ виду сдѣлаться лучшими чрезъ ея наставленія. Можно ли не имѣть высокаго мнѣнія о достоинствахъ Аспазіи, когда извѣстно, что Сократъ, мудрѣйшій изъ Философовъ, котораго почти можно сравнивать съ нашимъ великимъ Зердустромъ, учился у нее новымъ правиламъ мудрости! когда Перикль, искус-

нѣйшій Полистикъ, пользуясь ея совѣтами и даромъ краснорѣчія, обогатился познаніями о выгодахъ своего отечества!

Сими преимуществами Аспазія итакую пріобрѣла власнѣ надъ Перикломъ, что супруга его чувствительно была шѣмъ тронута; дѣло кончилось взаимнымъ согласіемъ разорвать узелъ брачный и предоставивъ каждой сторонѣ свободу вступить въ новыя обязательства; ибо строгіе законы Аѳинскіе запрещаютъ многоженство.

Скоро послѣ развода, Аспазія сочелась съ Перикломъ, которой навсегда сохранилъ къ ней любовь непришворную. Она умѣла удержатъ надъ нимъ власнѣ свою, но употребляла ее въ такихъ только случаяхъ, которые клонились къ его чести и къ пользѣ отечества. Многіе думаютъ и, какъ кажется мнѣ, не безъ основательной причины, что по ея наущенію Периклъ вовлекъ Аѳинянъ въ такую войну, которая не имѣла прямыхъ отношеній къ ихъ выгодамъ, и предприняша для вспоможенія Милезіянамъ противъ Самоскаго народа. Извѣстно, что она сотовариществовала ему въ походѣ и соорудила нѣсколько памятниковъ въ честь побѣдъ его. Думаютъ также — но это нелѣпость — будто она имѣла нема-

лое участіе въ славной рѣчи, произнесенной Перикломъ при торжественномъ погребеніи Аѳинянъ, убитыхъ въ теченіи перваго года войны.

Скоро послѣ того, Перикль увидѣлъ себя принужденнымъ употребить не только всѣ усилія своего краснорѣчія, но даже неотступныя прозбы, чшобы преклонить судей въ пользу Аспазіи, когда, по доносамъ Гермиппа, публично обвинили ее въ нечестіи и дурномъ поведеніи, тѣмъ болѣе соблазнительномъ, что она явно споспѣшествовала развращенію нравовъ. Первая снатья обвиненія не можетъ вредить Аспазіи въ Аѳинахъ, гдѣ иногда изслѣдованіе такихъ преступленій почитали оскорбленіемъ боговъ.

Хотѣли также лишить ее всеобщаго уваженія, разглашая, что непомерная возвышенность духа препятствуетъ ей заниматься домашними дѣлами; но сіи подозрѣнія — которыя коварная клевета вымышляетъ подъ благовидными предлогами, будто бы усиливаясь оправдать ее — не имѣютъ никакихъ основаній. Тѣ, которые знаютъ ее, увѣряютъ, что способности къ дѣламъ государственнымъ не препятствуютъ ей исполнять частныхъ обязанностей, и что отъ высокихъ созерцаній, отъ наблюденія кругообращеній тѣль не-

бесныхъ, она умѣетъ спуститься къ домашнему хозяйству, къ управленію семейственнаго порядка.

По смерти Перикловой она вышла замужъ за Лизикла, человека весьма обыкновеннаго. Хотя это обспояпельство жизни ея не подаетъ выгоднаго мнѣнія о ея свойствахъ, однакожь заставляетъ замѣтить въ ней рѣдкую изворотливостъ и удивительную способность управлять людьми и — самыми происшествіями. Новой мужъ, безъ знатности, безъ дарованій, безъ богатства, безъ друзей, покровительствуемый своею женою — достигъ до первыхъ степеней въ Республикѣ!

М. К — й.

Съ удовольствіемъ помѣщаемъ въ Вѣстникѣ сіи Письма, взятыя изъ книги, заслужившей опъ всѣхъ Любителей Литтературы и ученыхъ мужей опличное одобреніе. Засвидѣтельствовавъ нашу благодарностъ Господину К — му, сообщившему намъ оныя, сердечн радуемся, что Руская Словесностъ вскорѣ украсится новымъ прекраснѣйшимъ феноменомъ. Наши просвѣщенные соотечественники, имѣющіе вкусъ и даръ цѣнить хорошее, а особливо копорые читали описаніе достоинствъ *Авинскихъ Писемъ* во Французскихъ, Англійскихъ, или Нѣмецкихъ Жур-

налахъ , вѣроятно будутъ ожидать сей книги на Рускомъ языкѣ — съ нетерпѣніемъ. Чистота и правильность перевода помѣщаемыхъ изъ нее здѣсь отрывковъ удостовѣряютъ , что переводить оную предпринялъ человекъ съ талантомъ и свѣденіями. Это обстоятельство дѣлаетъ насъ еще болѣе довольными.

Примѣт. Издатель.

III.

Подушка и рука.

Подушка.

Когда свѣчка погашена , когда голова на подушкѣ и когда , заглянувъ въ глубину души своей , не находишь въ ней ничего прискорбнаго для ближнихъ — ахъ! какой сладостной бальзамъ разливается тогда по всему существу нашему! . . . Сонъ подобенъ въ то время небесной жизни!

Никогда не бываетъ онъ пріятнѣе , спокойнѣе , какъ по прошествіи дня , въ которомъ сдѣлаешь нѣсколько добра , или послѣ того , какъ можешь сказать самому себѣ: „я употребилъ день мой на важное и полезное упражненіе!“

Минута, въ которую ложится голова на подушку, есть та минута, въ которую совѣсть произноситъ приговоръ свой. Голова, имѣвшая какое нибудь дурное намѣреніе, находитъ себя окруженною терніемъ; подушка изъ пуху-самаго нѣжнаго дѣлается жесткою подъ непокойною головою злобнаго. — Чтобъ быть щасптивнымъ, надобно быть въ пріязни съ подушкою; въ противномъ случаѣ должно каждую ночь выслушивать ея упреки.

Бесѣда подушки съ человѣкомъ государственнымъ, съ человѣкомъ свѣтскимъ, съ интригантомъ, съ Авторомъ сапиръ, могла бы имѣть много замѣчательнаго... сколько бы было любопытныхъ открытій! и чего бы не сказала намъ подушка Владѣтелей, подушка Министровъ!

Въ эту минуточку говоритъ съ нами истина; ибо совѣсть, когда захопимъ хорошо слышать ее, сказывается намъ, каковы мы.

Нероновъ отецъ говаривалъ: *я знаю Агриппину — знаю себя: не возможно, чтобы дитя, рожденное ею, не было гудовищемъ.*

Мы щаспливы или нещаспливы воспоминаніями. Память, во время ночи, представляетъ намъ наши ошибки, наши глупости — кажется для того, чтобы

научились избѣгать ихъ; иначе онѣ не потеряюпъ насъ изъ виду, будутъ удалять сонъ, являясь въ сновидѣніяхъ, дѣлають ихъ мучительными въ наставленіе, что покой и щастіе заключаюпся шолько въ гармоніи добраго поведенія и въ исполненіи нѣжной благости.

Другіе угадываютъ, но мы себя видимъ; намъ извѣстно, кто мы. — Монтанъ говоритъ: „не смотрите на заключеніе людей; смотрите на свое собственное.“

Подушка предвараеть насъ, что намъ должно дѣлать завтра: кто умѣетъ спрашивать свою подушку, пошъ получишъ опъ нее мудрыя отвѣты. Ежели она опшпалкиваетъ вашу голову — пере-мѣните свое предпріятіе; но ежели она съ миромъ принимаетъ ее на мягкія свои округлости — совершайте его.

Блаженъ, кто можетъ сказать самому себѣ, положа голову на подушку: „Никто не укоритъ меня своею горестью, своимъ несчастіемъ; я не сдѣлалъ пятна на добромъ имени ближняго, свято почипалъ собственность его, какъ залогъ семейственнаго спокойствія, и плапа рабшнику не оставалась за мною по захожденіи солнечномъ, какъ выражаетъ Священное Писаніе.“

Сїи свидѣтельства совѣсти, сїе удовольствїе сердца, доставляютъ сладостной сонъ и пробужденїе еще сладостнѣйшее!

Не худо перечитывать, имѣя голову на подушкѣ, сочиненїе свое. Душа находится тогда снова въ томъ состоянїи, въ которомъ находилась она при сочиненїи. — но лучше видитъ себя и бываетъ собственнымъ своимъ судьей. . . Прїятно встрѣчаться съ собою въ хорошихъ чувствованїяхъ! . . . То, что внушала намъ страсть минутная, будетъ казаться въ сїе время мѣлкимъ, ничтожнымъ; но ежели вы имѣли щастїе пожертвовать мщенїемъ, неудовольствїемъ — сочиненїе ваше утѣшитъ, укрѣпитъ васъ; вы извините всѣ ошибки, за которыя должно стыдиться передъ однѣми Музами. Авторъ, который былъ добрымъ въ такой-то день, найдетъ себя добрымъ въ другой разъ. . . Онъ не будетъ чувствовать сего смятенїя, которое ожидаетъ Автора язвительныхъ сочиненїй, разшерзавшихъ душу противника его.

Сатирикъ и человѣконенавидецъ никогда не перечитываютъ произведенїй своихъ — даже тѣхъ, которыя принесли имъ славу — съ тою роскошью, которую вкушаетъ Авторъ любезной, рассматривая сочиненїе, гдѣ кришика можетъ на-

ходитъ несовершенства, но гдѣ нѣжная нравственность не оскорбляется.

Бьетъ полночь. . . часъ торжественной! Сокрывая отъ взоровъ моихъ землю, ночь дѣлаетъ меня обладателемъ небесъ. Сїи милліоны солнцевъ и міровъ, разсѣянныхъ Предвѣчнымъ съ такою щедростію, даютъ человѣку свободу наблюдать ненарушимые законы, которымъ покорены они.

Ночи обязаны Кассиніи, Галилеи прекраснѣйшими своими открытіями. Комета, шедшая передъ усыпленнымъ свѣтомъ, встрѣтила бодрствующій глазъ швей, Мессье неупомимой! Будучи внимательнымъ стражемъ чудесъ небесныхъ, ты узнаешь ее, извѣщаешь объ ней и стводишь ей мѣсто между великими звѣздами, плавающими въ эфирѣ.

Всѣ сущесва превосходныя, украшающія разумъ свой, бодрствуютъ, болѣе или менѣе, во время ночи. Ея безмолвіе и спокойствіе благопріятствуютъ размышленіямъ и заступаютъ мѣсто сего добровольнаго мрака, на которой нѣкогда осуждали себя мудрецы Греціи — для шото, что видѣшь одну истину.

Ночь есть общая благодѣтельница всего, что имѣетъ дыханіе. Во время ея владычества составляетъ большая поло-

вина суммы щастія, разсѣянной по землѣ. Жестокія страсти перерываются; тяжелые труды не удручаютъ болѣе человѣчества; невольникъ, обремененный цѣпями деспотизма, паритъ мыслями далеко отъ темницы своей, и обвиняетъ тирана своего передъ собраніемъ всего міра; роскошь упоеваетъ своими прелестями молодыхъ супруговъ и заглаживаетъ преступленія войны кровопролитной.

О ночь! продли для меня молчаливые часы свои; споспѣшествуй мирнымъ трудамъ моимъ, и дай мнѣ свободу изливать на бумагу чувства и мысли, пріятныя не развлеченной душѣ моей!

Р у к а.

Рукѣ человѣческой одолжена вселенная безчисленностію искусствъ, отъ звуковъ музыкальнаго инструмента до ударовъ молотка. Нужда, удовольствіе — все обязано сему удивительному органу, оплечающему человѣка: съ нимъ приходитъ онъ въ недра земли, ставитъ горы на - равнѣ съ холмами, роетъ каналы на днѣ моря, полагаетъ ему оплоты и царствуетъ надъ поработеннымъ міромъ.

Буквы, начертанныя рукою человѣка, переживаютъ паденіе Государствъ, и сіе

обстоятельство дѣлаетъ ихъ чѣмъ - то божественнымъ. . . Умъ человеческой не погибаетъ — напротивъ, онъ растетъ. Душа мудраго объемлетъ огнемъ своимъ того, которой долженъ родиться черезъ тысячу лѣтъ послѣ него.

Анаксагоръ сказалъ: „рука дѣлаетъ мудрымъ человека; безъ нее душа его была бы для него бесполезна.“

Движеніе руки столь же краснорѣчиво, какъ и движеніе глазъ; это общій языкъ всѣхъ народовъ: рука зоветъ, опшсылаетъ, обѣщаетъ, грозитъ, боится, допрашиваетъ, отрицается, сомнѣвается, льститъ, клянетъ, означаетъ числа, выражаетъ характеръ радости, печали, раскаянія; наконецъ руки говорятъ, когда уста должны безмолвствовать.

Желѣзо есть истинной скипетръ, съ копорымъ человекъ повелѣваетъ Природѣ. . . Щастливъ бы онъ былъ, ежели бы не обратилъ его прошивъ самого себя!

Сіи обитатели неваго свѣта имѣли основательную причину уважать желѣзо, мѣняя золото свое на безцѣнные орудія земледѣльческія.

Желѣзо выкапываетъ камень, дѣлаетъ его гибкимъ и покорнымъ какъ воскъ; отворяетъ входъ въ рудники, возвышаетъ зданія, связываетъ части корабля, раз-

сѣкающаго море ; желѣзо даетъ плодородіе полямъ , снимаетъ жатву и производитъ спасительныя операціи надъ плѣломъ человѣческимъ.

Въ то время , какъ мы удивляемся чудесамъ въ искусствѣ часовъ , дикой споншь въ изумленіи передъ простымъ и полезнымъ изобрѣпеніемъ гвоздя. — Посредствомъ сего швердаго и крѣпкаго металла, человѣкъ, покорившій его прежде волѣ своей для дѣйствія надъ самыми упорными плѣлами , произвелъ работы , которыя причинили перемѣны на земномъ шарѣ : онъ сравнялъ высоты, возвысилъ равнины, заключилъ въ цѣпи Океанъ, снялъ роуци, выкопалъ озера , перемѣнилъ теченіе рѣкъ и вѣтровъ.

Съ Французскаго — К. Ш - вѣ.

IV.

Объ удовольствіи , изъ Лантге.

Удольствіе есть такое ощущеніе, которое каждой испытываетъ , но котораго никто описать не можетъ; подобно легкому пару , оно тотчасъ улѣтаетъ , какъ скоро захопите раздроблять его. Человѣкъ свѣтской наслаждается имъ, и не знаетъ

его; знаетъ — и не можешь его постигнуть. Кажется, что оно по свойству своему противится всякому размышленію и уклоняется отъ всякаго изслѣдованія... истинной хамелеонъ, принимающій всѣ виды и не удерживающій ни одного. . . . Удовольствіе есть произведеніе страстей, цѣль и пища ихъ. Скупой полагаетъ его въ разсмаприваніи своихъ сокровищъ; честолюбивой въ идеѣ о власти; роскошной въ забавахъ. Будучи попеременно предметомъ ихъ желаній и раскаянія, оно кажется необходимымъ для чловѣка, бѣгущаго за нимъ, подобно изступленному, бѣгущему на извѣстную погибель. . . Мы видимъ одни цвѣты, и падаемъ въ бездну прежде, нежели подумали объ ней.

Таково ложное удовольствіе, и таковы вообще всѣ удовольствія чувствъ!

Есть одно истинное, которое можетъ быть вкушаемо только сердцами очищенными и постоянными: то, которое рождается отъ согласія дѣйствій нашихъ съ законами Природы и добродѣтели — удовольствіе единственное, за которымъ не слѣдуетъ раскаяніе, которое продолжительно и которое въ душѣ чувствительной составляетъ изъ наслажденій своихъ непрерывную цѣпь счастья.

Сіе истинное удовольствіе, и одно, заслуживающее имя свое, столь же трудно описать, какъ и другое. Надобно испытать его — чшобы чувствовать; надобно чувствовать — чшобы узнать его; а весьма не многіе дошли до сего знанія.

Ежели бы что нибудь могло дать идею о сихъ двухъ родахъ удовольствія, то надлежало бы сказать, что одно есть удѣломъ любви, другое наградою дружбы.

Любовь есть страсть слѣпая и мятежная, копорая объемлетъ душу посредствомъ чувствъ, копорая, подъ прелестью удовольствія, причиняетъ горести, ослабляетъ сердце и ввергаетъ нещастливца, ею одержимаго, въ такое состояніе, изъ котораго онъ не можетъ выйти по своей волѣ. — Онъ желаетъ, боится, огорчается и утѣшаетъ себя попустому. Тысяча различныхъ и противныхъ между собою чувствованій господствуютъ надъ всѣми способностями души его. . . Уничтоженіе разсудка слѣдуетъ за симъ необходимо — и что же виною зла сего? Часто одинъ взглядъ! Такъ слабая искра производитъ ужасной пожаръ.

Дружба, напротивъ, есть чувство тихое и спокойное, которое наполняетъ душу безъ всякаго волненія, которое ~~усла-~~

ждаетъ горести жизни, помогаетъ сносить ихъ и облегчаетъ бремя, налагаемое ими. Это сипрасть сердце добродѣтельныхъ; она раждаетъ и питаетъ изліянія сокровенныя, источникъ множесипва неизвѣстныхъ другимъ пріятностей; она продолжаетъ жизнь, удвоиваетъ ея цѣну и подкрѣпляетъ человека въ несчастіяхъ, такъ какъ радуется его въ благополучіи.

Восторги любви суть мечты скоро-преходящія, которыхъ возвращеніе разсудка тотчасъ разсѣиваетъ; наслажденія дружбы суть истинныя удовольствія, которыя время усиливаетъ, и которыхъ возмутить ничто не можетъ. Любовники ссорятся, оставляютъ другъ друга и разрываютъ связь свою по самой легкой причинѣ; друзья сносятъ великодушно погрѣшности, не разлучныя съ существомъ нашимъ, и сожалѣютъ одинъ въ другомъ о слабостяхъ человѣческихъ, не стараясь увеличивать ихъ.

Снизхожденіе есть истинное основаніе дружбы; сходство въ чувствахъ — узы ея; а совершенное согласіе въ добродѣтеляхъ кладетъ послѣднюю печать на сію благороднѣйшую страсть сердца.

Молодые люди и женщины безъ сомнѣнія никакъ не повѣрятъ, чтобы дружба могла имѣть преимущество надъ

любовью — и не мудрено: Природа, прелесть роскоши, сила примѣровъ — все увлекаетъ юность на противоположной путь. . . только въ возрастѣ зрѣломъ — тогда, какъ неумѣренность въ забавахъ прищипитъ чувства ея, она приноситъ на олтарь дружбы сердце истощенное и не способное уже вкушать ея сладости.

Что касается до женщинъ — это другое дѣло. По тому ли, что температура ихъ холоднѣе отъ природы, или воспитаніе пріучаетъ къ нѣкопорому принужденію, отъ котораго не возможно имъ вдругъ отвыкнуть — только извѣстно, что онѣ менѣе нашего склонны къ своевольству, особливо въ первомъ возрастѣ; но онѣ отъ этого не болѣе способны вкушать сладость дружбы. Самолюбіе, врожденное и почти всегда господствующее чувство души ихъ, не дозволяетъ имъ видѣть въ подругахъ своихъ ничего инаго, кромѣ соперницъ — а это лишаетъ ихъ всякаго единодушія.

Женщины, которымъ Природа отказала въ энергіи чувствованій, и которыя принуждены замѣнять силу, не достающую имъ, искусствомъ, дѣлающимъ ихъ славу — женщины, по этой причинѣ, гораздо непроницаемѣе мужчины. Очень видно, что все осуждаетъ ихъ на молча-

нїе, и что, не бывъ лкбсвникомъ, трудно
узнать тайну женщины.

К. Ш — вб.

V.

КЪ ЧЕЛОВѢКУ.

Напрасно разумомъ гордишься, человекъ!
Безъ пользы опъ Небесъ ты даръ сей полу-
чаешь,
Хотя для разума ты все пренебрегаешь;
Но въ разлученїи съ нимъ проводишь краш-
кїй вѣкъ.
Въ дни юности — тебѣ онъ въ слабости по-
добенъ;
Несовершенъ — какъ ты, едва являетъ свѣтъ,
И означаетъ тѣмъ твоихъ незрѣлость лѣтъ,
Для пользы же твоей ни мало не удобенъ.
Пришедши въ возрастъ, ты утѣхами плѣненъ;
Въ забавахъ молодость съ восторгомъ про-
вождаешь;
Разсудку своему ни мало не внимаешь:
Посыдно разумъ твой спраснямъ пора-
бощенъ.
Упившись роскошью, судьбою сбереженный,
Прешелъ ты пятьдесятъ, спраснямъ пре-
давшись, лѣтъ;
Разуменъ, но уже ни малой пользы нѣтъ.

Крушишься, мучишься, разсудкомъ озаренный.
 Въ раскаяніи свой оканчивая вѣкъ,
 Глубокой старости едва лишь достигаешь,
 Тебя разсудокъ твой навѣки оставяешь —
 Напрасно разумомъ гордишься человекъ!

VI.

Ахъ! какъ она мила!

„Ахъ! какъ она мила!“ я долго самъ съ собою
 Тихонько говорилъ — и не спуская глазъ,
 Смотрѣлъ всегда, вездѣ, гдѣ только могъ,
 на Хлою;
 Внималъ словамъ ея въ восторгѣ каждой разъ.

„Ахъ! какъ она мила!“ съ другими я все-
 часно —
 И даже съ Хлоями — о Хлоѣ говорилъ.
 Будь скромнѣе! мнѣ шепталъ разсудокъ —
 но напрасно:
 Я чувствѣ души моей ни мало не шайлъ. . .

„Ахъ! какъ она мила!“ восторгомъ не владѣя,
 Въ ея присутствіи однажды я сказалъ. . .
 И Хлоя слышала! . . Я, глазъ поднять не смѣя,
 Невольной дерзости рѣшенья ожидалъ.

„Ахъ! какъ она мила!“ о Хлобъ стану вѣчно
 Съ душою пламенной повсюду говоритъ. . .
 Она за искренность простила мнѣ сердечно,
 И искреннимъ съ собой дозволила мнѣ быть.

К. Ш — вѣ.

VII.

Э П И Т А Ф І Я

М и л л і о н щ и к у.

Онъ умеръ! . . . нѣтъ его! . . . вздохнемъ
 о нашей долѣ! . . .
 Сей мужъ любилъ делѣжь — вотъ памяш-
 никъ ему!
 Онъ нажилъ миллионъ; дѣлилъ по доброй
 волѣ:
 Себѣ бралъ золото, другимъ давалъ суму.

М.

*Парижскія моды.**Марта 14 го.*

Въ послѣднiе 5 или 6 дней гулянье на булевахъ и на Фельянской террасѣ вышло изъ моды. Хорошій вкусъ требуетъ, чтобы щеголиха являлась каждый день, исключая Воскресенья, по крайней мѣрѣ на полчаса, въ Марсовой аллеѣ въ Тюльери; а за верхъ добраго вкуса почитается пробѣжать Елисейскія поля во всю ихъ длину. Вообще въ продолженiе прогулки ходящъ весьма скоро, и щеголиха на Елисейскихъ поляхъ, пускась въ свое поприще, кажется болѣе предпрiавшею весьма трудной походъ, нежели прiятную прогулку.

*

Рединготъ у пешиметра долженъ бытъ не долѣе его фрака, а фракъ не долѣе егерской куртки.

*

Парижане пристрастны нынѣ къ ропозейству болѣе, нежели прежде когда либо. Доселѣ останавливались они только передъ лавками, въ которыхъ продающся дѣтскія игрушки, передъ великолѣпнымъ Бершелемошовымъ магазиномъ, передъ

прекрасными парикмахерскими вывѣсками; а нынѣ, когда они увидятъ въ спектаклѣ, или въ кофейномъ домѣ, или на гуляньѣ Даму, прославившуюся красою, или именемъ, или талантами своими: то останавливаются и толпятся вокругъ нея даже до того, что она задыхается отъ тщесловія. Рассказываютъ, что недавно дѣвица Д* * *, славная Актриса Французской Комедіи, принуждена была удалиться съ Фельянской оперы отъ множества собравшихся вокругъ нея почитателей дарованій сей превосходной Комедіантки.

Запрещается впредь всякому щеголю и щеголихѣ жаловаться на нервныя болѣзни, вапёры и мигрень; въ хорошихъ обществахъ жалоба на сіи болѣзни вышла уже изъ употребленія, а только позволено кашлять. Насморкъ также въ модѣ; но только недостаетъ прекрасной женщины, которая захотѣла бы назвать оный своимъ именемъ, поелику всѣмъ наскучили уже слова: Коклюшъ, Гриппъ и проч.

Наступающая весна и отъѣздъ двухъ превосходныхъ танцовщиковъ изъ Парижа приводятъ въ уныніе всѣхъ Любительницъ танцовъ. Воображая себѣ вечера,

въ которые не лъзя будетъ уже про-
шанцовать какого-нибудь славнаго коншр-
танца, большая часть женщинъ, которыя
не охотницы ни до чпенія книгъ, ни до
пріятныхъ и умныхъ разговоровъ, а по-
чищаютъ за низость заняться какимъ-
либо пристойнымъ для нихъ рукодѣліемъ,
предаютъ себя отчаянію, и не знаютъ,
въ чемъ онѣ время свое провождаютъ бу-
дущь. Извѣстно, или можетъ быть и
не извѣстно, что двое славнѣйшихъ тан-
цовщицковъ въ Парижѣ прозваны, одинъ,
за пригожество и легкость, *Зефиромъ*, а
другой, за пріятный и мужественный
видъ, *Эломъ*; и такъ въ большой части
бесѣдъ всѣ женщины восклицаютъ нынѣ,
подходя одна къ другой: „Ахъ, милая
моя! какое несчастіе! *Эломъ* возвращается
въ Бордо, а *Зефиръ* ѣдетъ въ Пешербургъ:
что намъ остается дѣлать!“

*

Вмѣсто сѣрой бумаги, булавокъ и
свинца, щеголихи наши завиваютъ нынѣ
себѣ волосы особеннаго рода прозрачною
бумагою, называемою: *papier lucidonique*.
Она бываетъ розоваго, лиловаго и голу-
баго цвѣту. На папильотѣ изъ сей же
самой бумаги пишутся и билеты упрен-
ніе, не перомъ и не карандашемъ, а очи-
ненною изъ наликсандроваго (фіолешоваго

цвѣту) дерева спичкою. А какъ на сію бумагу удобно переводить и всякіе слѣпки, то на ней и рисуюшъ, не учась сему искусству. Слогъ модныхъ билетовъ есть писать *ребюстами*; на примѣръ: лошадиная голова, древесная вѣтвь и No 12, означающъ: *Приходите въ Булоньской лѣсъ въ полдень*. Нуль, число 7 и число же 2 означающъ: *въ Оперу, ложа 7 я, во второмъ этажѣ*. Поднеся сей билетъ къ огню, буквы написанныя исчезаютъ; и такъ не рѣдко отвѣтствуютъ на одномъ и томъ же самомъ папильотѣ. Сія бумага употребляется также и на билеты зазывные; ибо можно при, четыре, десять, двадцать разъ вымарать все написанное на ней, и листочикъ не потерпитъ отъ того никакого поврежденія. Наконецъ Медики приписываютъ ей преимущество передъ всѣми пластырями и мазями для изцѣленія ранъ, осадненій, обожженій и мозолей. Всѣ сіи сокровища дѣлаются въ Парижѣ на фабрикѣ Гжи. *Коссеронъ*, улица Ст. Гоноре.

*

Розовой, лиловой и жонкилевой супъ модные цвѣты, а наипаче послѣдній. Съ нѣсколькихъ дней появилось много Вуалей; ихъ носятъ, подобно занавѣскѣ, на боку; маленькіе же Вуали,

пришиваемые къ нѣкоторымъ атласнымъ шляпкамъ, опускаются на все лицо. Шляпки желтыя соломенные входящъ также въ великое употребленіе. Долимань изъ всякихъ бумажныхъ матерій употребительны для прогулокъ въ Тюльери; они простираются до пятъ; нѣкоторые изъ нихъ обшиваются кружевами, а другіе кисеею съ мѣлкими накладками. Рукавчики у сихъ Долимановъ шьются *à la Mamelukъ* съ кружевомъ по краямъ, которое заступаетъ мѣсто манжетъ. — Бѣлыя батистовыя перчатки опять носятъ много. — Модныя Дамскіе башмачки должны быть двѣшу сѣровашаго, или миловаго.

Марта 20 го.

Желтый жилетъ, желтое изподнее плашье и желтые же опвороты у сапоговъ, при синемъ фракѣ съ желтыми пуговицами: вотъ въ чемъ состоить нарядъ щеголевашаго Парижскаго пешиметра на гуляньѣ, пѣшкомъ, или на лошади!

*

Очки, привязываемыя къ запылку, нынѣ не шакъ уже необходимо нужны для молодаго человѣка, какъ прежде; шеперѣ

можно имѣть весьма зоркіе глаза и — слыть однакожь модникомъ. Близорукіе не пренебрегающае однакожь въ бесѣдахъ, но они должны имѣть при себѣ лорнетъ, спрятанный въ своей ладонѣ, или повѣшенный на золотой цѣпочкѣ вокругъ шеи, съ помощію котораго они смотрятъ пристально и непринужденно на всѣхъ находящихся вокругъ ихъ мужчинъ и женщинъ.

Сидя подлѣ пригожей женщины, можно смотрѣть на нее въ лорнетъ, или подойти къ ней, для разговариванія, такъ близко, чшобъ только едва не коснувшись до лица ея концомъ своего носа; это принятой уже обычай, а для того-то и вышли изъ употребленія подвязываемыя на запылкѣ очки!

Принято за правило, чшобъ свѣтскій мужчина ходилъ на гулянье одинъ и пѣшкомъ; а супруга его, одна же, или съ компаніею, ѣздила по тому же самому гулянью въ экипажѣ мужа своего. Иногда видають мужа и жену, прогуливающихся вмѣстѣ по гулянью пѣшкомъ, а между шѣмъ какую-нибудь прекрасную Даму, разѣвжающую съ надменнымъ видомъ въ экипажѣ ихъ.

Самая утѣшительнѣйшая мода и которую мы возвѣщаемъ съ великимъ удовольствіемъ, есть та, что мать не разлучается нынѣ уже съ дѣтьми своими и, сядясь въ карету, чтобъ ѣхать куда-нибудь, не посылаетъ уже ихъ гулять пѣшкомъ съ нянькою. Нынѣ она сажаетъ ихъ подлѣ и насупротивъ себя, и считаетъ, какъ кажется, подобно нѣкоторой прославившейся Римлянкѣ, дѣтей своихъ въ числѣ драгоценнѣйшихъ своихъ каменьевъ.

Прежде сего брали здѣсь на прокатъ мебели, а покупали книги; нынѣ же вошло въ употребленіе брать книги изъ прокату, а мебели покупать. Большая часть рисователей фронписисовъ сдѣлались отъ того живописцами, нынѣ разписывающими будуары; книгопродавцы приходятъ въ банкротство, а обойщики набогащаются.

Когда щеголиха идетъ пѣшкомъ на гулянье одна, или съ дѣтьми своими, по всегда провожаетъ ее туда по крайней мѣрѣ одинъ лакей; но мода требуетъ, чтобы свита ея состояла изъ двухъ комнатныхъ слугъ, а верхъ щегольства состоитъ въ томъ, чтобъ имѣть за собою

двухъ бѣлыхъ служителей и одного Араба, одѣшаго, какъ можно странноѣе. — То же число лакеевъ нужно имѣть и за каретою щеголихи.

Въ Концертахъ не дѣлаютъ уже рукоплесканій за превосходное какое-либо сочиненіе, а особливо оныя запрещены женщинамъ; онѣ должны въ такомъ случаѣ ударять вѣеромъ по указательному пальцу лѣвой своей руки, крича громко: *Браво! брави! брава!*

ПОЛИТИКА.

I.

*Перечень извѣстій изъ Лондона, по
27е Марта.*

Самое важнѣйшее и всѣхъ вѣрныхъ сыновъ Великобританнїи въ наибольшее уныніе приводившее происшествїе — была приключившаяся Его Величеству, Королю, 14го минувшаго Февраля тяжкая и продолжительная болѣзнь, отчасти похожая на ту, которой Его Величество два раза прежде былъ подверженъ. Противу-Министерская сторона въ Парламентѣ дѣлала уже намеканїя объ избранїи Регентства, или правительствва, на все время продолженїя Королевской болѣзни, которое состоять могло бы изъ 4 Особъ, подъ предсѣдательствомъ Наслѣдника Престола, Принца Валлійскаго: но Министры разными тонкими своими оборотами умѣли отклонить сїе предложенїе, а между тѣмъ здравїе Его Величества начало поправляться такъ, что Король около 10го числа Марта находился внѣ всякой опасности, а пошомъ началъ еже-

дневно проѣзжаться, и приступилъ по прежнему къ управленію Государственныхъ дѣлъ.

Важныхъ военныхъ новостей въ мѣчненіе послѣдняго мѣсяца не послѣдовало никакихъ. Британскіе корабли, въ великомъ числѣ исправнѣйше вооруженные и съ отличными раченіемъ дополняемые, во всѣхъ водахъ Европы содержатъ въ заперти Французскія и другихъ союзныхъ съ нею Республикъ гавани, такъ что никакое судно, а не только цѣлый военный флотъ выпти изъ онаго не можетъ. Тройной морской болверкъ, такъ изъяснялся недавно одинъ Членъ Нижняго Парламента, составляетъ защиту нашу противъ Французскаго нашествія на берега Великобританіи, а именно: флотъ Лорда Корнваллиса, простирающійся до 45 линейныхъ кораблей и множества фрегатовъ; другой флотъ, состоящій большею частію изъ трехпалубныхъ кораблей, изготовленъ, для отраженія непріятеля, въ Дюнахъ; а третья флотилія разѣзжаетъ подлѣ нашихъ береговъ, для недопущенія ихъ непріятельскихъ судовъ, которые могли бы ускользнуть отъ наблюденія обоихъ вышесмяннутыхъ флотовъ. — Сверхъ того флотъ Лорда Нельсона въ Средизем-

номъ морѣ; другая эскадра, разбѣзжающая передъ Испанскою гаванью Ферролемъ и блокирующая тамъ пришедшіе изъ Вестъ - Индіи Французскіе линейные корабли и нѣсколько Голландскихъ; эскадра, разбѣзжающая при берегахъ Голландіи; всѣ сіи морскія ополченія ручаются ежели не за невозможность выхода Французскихъ флотилій, изготовленныхъ къ перевозу высадныхъ войскъ, то по крайней мѣрѣ за ненадежность успѣха таковаго слишкомъ отважнаго предпріятія! Хотя же Французскимъ мѣлкимъ вооруженнымъ судамъ и удается иногда пройти небольшими отрядами подлѣ самыхъ береговъ, куда Аглинскіе большіе корабли подойти близко не могутъ, изъ Флориссингена и другихъ гаваней въ сборное мѣсто, Булонь, гдѣ накопилось уже ихъ до 1000 судовъ: однакожь самая сія гавань недреманно наблюдается разбѣзжающими передъ оною Великобританскими линейными кораблями. Сколь же мало думаютъ Агличане о непріятельскихъ богахъ, сіе заключить можно изъ публичнаго отзыва нѣкоторыхъ опытныхъ въ мореходствѣ Парламентскихъ Членовъ, кои утверждаютъ, что одинъ 74 хъ - пушечный Аглинскій линейный корабль достаточенъ быть можетъ для

запопленія артиллерією своею цѣлою кучи непріятельскихъ судовъ. — Вообще Великобританская морская сила не бывала никогда въ такомъ страшномъ и изправномъ соспояніи, какъ нынѣ; ибо, по представленному въ Нижній Парламентъ оффисіальному списку, состоитъ она теперь всего на все: изъ 511 линейныхъ кораблей, слупъ, бомбардирныхъ и канонерныхъ судовъ; изъ 9 сторожевыхъ кораблей; изъ 375 малыхъ судовъ и боповъ съ Королевскихъ верфшей; изъ 19 вооруженныхъ судовъ Остъ-Индской Компаніи и изъ флотиліи прибрежныхъ ботовъ, простирающейся до 624 судовъ; а всего на все изъ 1536 военныхъ и оборонительныхъ кораблей.

Укомплектованіе сухопутныхъ войскъ; образованіе многочисленныхъ добровольнослужащихъ корпусовъ; упражненіе ихъ въ воинскихъ экзерциціяхъ; расположеніе всѣхъ сихъ военныхъ силъ такъ, чтобъ онѣ въ короткое время могли собраться въ шомъ пунктѣ, гдѣ послѣдовать можеть непріятельская высадка; принятіе потребныхъ мѣръ къ остановленію дальнѣйшихъ усилій непріятели, естли бы гдѣ онѣ и прорвался сквозь всѣ сіи едва ли преодолимыя преграды: вотъ въ чемъ

состояли занятія правительства нашего въ теченіе послѣдняго мѣсяца!

Никто въ Великобританніи не вѣритъ помѣщенному въ разныхъ иностранныхъ Вѣдомостяхъ извѣстію, будто бы Французской флотъ ускользнулъ отъ наблюденія Великобританскихъ линейныхъ кораблей въ то время, когда Лордъ Нельсонъ съ частію эскадры своей ходилъ къ Алжиру — убѣдитъ тамошняго Дея дружественными представленіями, чпобъ онъ загладилъ нѣкоторыя, причиненныя имъ Великобританніи, оскорбленія, и возобновилъ прежнее свое съ нею доброе согласіе, хотя и не имѣлъ въ томъ успѣха — и вышедъ изъ Тулона въ море, пробрался въ Ферроль, предъ которою гаванью однакожь все еще разбѣзжаеиъ Англическая эскадра, которая на - вѣрное употребила бы всѣ свои усилія не впустишь его туда. По крайней мѣрѣ правительство наше не получало о выходѣ сего флота оффисіальнаго донесенія.

Дѣла наши въ Вестъ - Индіи находятся въ наилучшемъ состояніи, а только въ Остъ - Индіи продолжается война съ Маратами и съ Кандійскимъ Владѣтелемъ на островѣ Цейлонѣ. Въ Бенгалахъ, по послѣднимъ опшуда извѣстіямъ, соби-

рается 6 - тысячный корпусъ , для усиленія войскъ нашихъ въ Цейлонѣ.

Марта 23 го вышла изъ Дунгенесса эскадра , назначенная для попопленія 6 большихъ кораблей, камнями нагруженныхъ , передъ Булонью , дабы чрезъ то заградить Французской флотиліи выходъ изъ помянутой гавани.

Россійскій , Датскій и Неапольскій Посланники имѣютъ нынѣ весьма частыя съ Министерствомъ нашимъ сношенія.

Перегенъ извѣстій изъ Парижа, Марта по 26 е.

Въ Парижѣ открытъ въ половинѣ Февраля страшный заговоръ , имѣвшій , по увѣренію оффисіальныхъ тамошнихъ листовъ , цѣлю свою : умерщвленіе перваго Консула , изроверженіе нынѣшней Французской Республиканской Конституціи и возвращеніе ей Монархическаго правленія чрезъ возведеніе на Престолъ одного изъ Бурбонскихъ Принцовъ — и все сіе производило было въ дѣйство по наущенію , проискавъ и подкрѣпленію Великобританніи. Кто бы могъ подумать , что въ числѣ заговорщиковъ славчены и посажены въ тюрьму Генералы Моро и Пишегрю, два величайшіе нашихъ временъ Тактика , пріобрѣвшіе на военномъ по-

прицѣ опличнѣйшіе лавры, оказавшіе Отечеству своему самыя знаменитыя услуги и увѣнчавшіе неувядаемою славою успѣхи Французскаго оружія? Оставя Пишегрю, котораго насильственное правленіе Директоріи сослало въ заточеніе въ бесплодную и пагубную для здоровья Область Гвіану, откуда онѣ, спасая жизнь свою, перебрался въ Англію; послѣ того скипался нѣсколько лѣтъ по Германіи и недавно возвратился опять въ Лондонѣ, а изъ онаго прсбрался въ Парижѣ, и котораго по тому самому обвиняють въ измѣнѣ своему Отечеству — кто могъ вообразить, чѣмбы Моро, котораго папіризмъ и честность правилъ вознаграждены были всеобщимъ уваженіемъ его согражданѣ, прельстился, находясь теперь самъ въ избыточнѣйшемъ со стороны достатка состояніи, на золото Британцовѣ, и вошелъ въ связь съ заговорщиками, изъ которыхъ большая часть принадлежитъ къ самой подлѣйшей и опчаянной сволочи? Завѣса неизвѣстности покрываетъ на первый случай всѣ обспоятельства сего заговора, пока публичное судопроизводство надъ обвиняемыми объяснитъ всѣ подробности онаго. — — Сверхъ сихъ знаменитыхъ арестантовъ взяты также подъ спражу Жоржѣ, преждебывшій Шефѣ,

или Генераль Роялистовъ, и множество другихъ людей, частію переправившихся изъ Англїи во Францію, частію же перепискою и эмиссарами пригопвленныхъ уже къ принятію участія въ семъ злоумышленїи прошивъ теперешняго правительства. Читатели *Вѣстника* уповательно извѣстны уже изъ Московскихъ Вѣдомостей о достойнѣйшихъ замѣчанїа произшеспвіяхъ, случившихся въ Парижѣ со времени открытія заговора, то есть съ 15 го Февраля по 25е Марта; по чему не повпоря уже того, что довольно всѣмъ извѣстно, скажемъ, что число арестованныхъ заговорщиковъ есть нарочито уже велико и умножается со дня на день по новымъ показанїямъ, извлекаемымъ изъ предварительныхъ тайныхъ допросовъ содержащихся въ пюрьмахъ колодниковъ. Арестованїа сїи разпространились не только по всей Франціи, Голландїи и Французскимъ Департаменпамъ, въ Германїи при Рейнѣ лежащимъ, но даже коснулись и посшороннихъ владѣнїй. Такъ на примѣръ схваченъ въ Эпшенгеймѣ, что въ Курфиршескомъ Баденскомъ владѣнїи, высланною изъ Спразбурга Французскою вооруженною силою, жившїй тамъ въ послѣдніе 2½ года одинъ изъ Бурбонскихъ Принцовъ, по имени Дюкъ д' Ангіенскїй,

со многими другими Французскими эмигрантами, перевезенъ отсюда въ Стразбургъ и въ Парижъ, а изъ сей столицы отправленъ въ Замокъ Венсанъ, гдѣ наряженная для произведенія надъ нимъ слѣдствія Военная Коммисія приговорила его, какъ измѣнника своему Отечеству и заговорщика пропивъ внутренней и внѣшней безопасности онаго, къ смертной казни. Приговоръ сей совершенъ надъ несчастнымъ Принцомъ въ ночи съ 21 го на 22е Марта, въ 2 часа по полуночи, въ Венсанскомъ лѣсу и — онъ *разстрѣленъ*.

Въ Моншёрѣ отъ 26 го Марта помѣщена слѣдующая оффисіальная спашья:

„Всѣ интриги непріятелей Франціи изпровергнуты. Имъ не пощасливилось нарушить спокойствіе на твердой землѣ, и они вознаграждаютъ себя за то, наполняя Европу ложными слухами, какъ по:

„Въ Вѣнѣ разсѣваютъ они чрезъ своихъ вѣстовщиковъ, что Франція посылаетъ значное число войскъ въ Италію, и что шамъ собирается 40 - тысячный лагерь Французовъ при рѣкѣ Адигѣ.“

„Въ Константинополѣ: Что Французскій флотъ съ высадною арміею идетъ въ Морею, и что много Французскихъ войскъ прошло уже чрезъ сторону Таренна.“

„Въ Берлинѣ : Что при Клевѣ собирается 50 - тысячный Французскій лагерь.“

„Въ Даніи : Что въ Ганноверѣ идетъ вновь 40 - тысячная Французская армія съ тѣмъ, чтобъ овладѣть Голштинією и запереть Зундъ.“

„Въ самомъ Парижѣ : Что въ Морею прибыла уже Турецкая армія, и что она атакуетъ наши кантонирь - квартиры въ Нижней - Италіи ; что вооруженный въ Черномъ морѣ Россійскій флотъ пойдетъ въ Средиземное море, чтобъ подкрѣпить военныя дѣйствія Турокъ ; что одна Австрійская армія идетъ въ Швабію, между тѣмъ какъ другая дивизія оной выступила изъ Австріи въ Тироль ; что въ Польшѣ назначены уже лагери, въ коихъ соединятся Россійскія и Прусскія арміи, чтобъ идти оттуда въ Ганноверское владѣніе.“

„Цѣль всѣхъ сихъ, съ намѣреніемъ разсѣваемыхъ, слуховъ есть та, чтобы, совокупя съ ними все, что писано было подобнаго тому, но только подъ другими видами, въ Нѣмецкихъ и Французскихъ Вѣдомостяхъ, могло выведено быть слѣдствіе, что военное пламя угрожаетъ цѣлой Европѣ. Но мы, вопреки Англіи, чистосердечно утверждаемъ, что никакія

новыя Французскія арміи не переходили черезъ Альпійскія горы; да еще оныя и выступили изъ Швейцаріи, что вѣроятно не послѣдовало бы, естлибъ мы опасались открытія новой войны. Въ Неапольское Королевство не вступали также новыя войска, равно какъ и въ Ганноверское владѣніе, но еще 6 полковъ Французской арміи, находившихся въ семъ послѣднемъ, возвратились во Францію. — Султанъ не дѣлаетъ въ Морѣ никакихъ другихъ вооруженій, кромѣ шѣхъ, которыя нужны тамъ для соблюденія внутренняго спокойствія и для потушенія мятежа нѣкоторыхъ тамошнихъ Пашей. — Россія не собираетъ въ Польшѣ лагерей и не производитъ никакихъ вооруженій въ Черномъ морѣ, кромѣ нѣкоторыхъ движеній войскъ и запасенія арсеналовъ, которыя употребительны между мудро-управляемыми націями, чтобъ соблюсти флоты свои въ хорошемъ соспояніи, а войска въ дѣятельности. — Прусскій Король повелѣлъ арміи своей сдѣлать только такія движенія, которыя обыкновенны между оною при наступленіи ежегодныхъ ревью; и ежели Римскій Императоръ повелѣлъ выступить въ походъ одному, или двумъ полкамъ: то всякому извѣстно, что это

случилось единственно по поводу дѣла о Нѣмецкомъ Рыцарствѣ, которое теперь приведено уже къ окончанію своему.“

„Такимъ образомъ суматоха сія существуетъ только въ перьяхъ писакъ, которыхъ непріятели наши содержатъ, какъ-бы зажигателей. Тщетно Французское правительство, Вѣнскій и Россійскій Дворы помѣщаютъ иногда въ чужестранныхъ Вѣдомостяхъ оффисіальныя статьи, для опроверженія сихъ выдуманныхъ слуховъ о безпокойствахъ и вооруженіяхъ, коихъ не имѣетъ въ виду своемъ ни единое правительство на твердой землѣ; все то, что онѣ ни утверждаютъ, остается бесполезнымъ прошивъ искусства и вліянія сихъ наемныхъ бумагомарателей; хотя же мы на-вѣрное знаемъ то, что утверждаемъ: однакожь должны повторять то же самое при каждомъ новомъ, сими сплетниками разпространяемомъ, слухѣ! Мы дѣлаемъ сіе теперь, для оказанія нашихъ услугъ коммерціи, спекулантамъ и всѣмъ друзьямъ человечества, которые должны предостеречь себя отъ вѣрованія таковымъ сумазбродствамъ.“

Въ ономъ же Монитёрѣ помѣщены акты переписки Гна. Драке, Министра Его Британскаго Величества при Минхен-

скомъ Дворѣ, писанные собственною его рукою, коихъ цѣль есть, подѣ-благопріятствованіемъ занимаемаго имъ дипломатическаго характера и сосѣдства съ Франціею, поддерживать тайныя и измѣнническія злоумышленія во внутренности Республики; набираніе Агеншовъ для подкупленія и мятежа, и изпроверженіе теперешняго правительства. Число оныхъ актовъ простирается до 10, и въ одномъ изъ оныхъ сказано между прочимъ: „Мало до того нужды, кѣмъ звѣрь низложенъ будетъ; лишь только вы будьте всѣ готовы присоединиться къ правлѣ онаго.“ (Il importe fort peu, par qui l'animal soit terrassé; il suffit que vous soyez tous prêts à joindre la chasse!) Копіи съ сихъ подлинныхъ бумагъ доставлены всѣмъ пребывающимъ въ Парижѣ Министрамъ иностранныхъ Державъ, оригиналы же оныхъ отправлены немедленно, по повелѣнію перваго Консула, къ Его Свѣшлости, Курфирсту Пфальцбаварскому, при Дворѣ котораго помянутый Министръ аккредитованъ отъ Великобританскаго правительства.

Объ экспедиціи противъ Англіи теперь опять ничего не слышно, и вѣрояшно, оная, по случаю теперешнихъ смутныхъ обстоятельствъ, опложена будетъ

до другаго удобнѣйшаго времени. Между тѣмъ флопили мѣлкихъ судовъ соединяются мало помалу въ Булони; но какъ онѣ, такъ и военные наши флопны содержатся въ блокадѣ отъ Англичанъ.

Поперя Ст. Доминга въ Вестъ-Индіи, копорымъ овладѣли Негры, весьма чувствительна для насъ какъ по важности произведеній помянутаго острова, такъ и по тому, что отправленная туда экспедиція, оказавшаяся безуспѣшною, стоила намъ множества денегъ и людей. Считаютъ, что изъ 18 тысячъ Поляковъ, посланныхъ туда, не осталось въ живыхъ и четвертой части. Главноначальствовавшей тамъ Генераль Рошамбо съ 60 тысячами Французскихъ войскъ, здался въ плѣнъ на капитуляцію Англичанамъ впредь до размѣна, и привезенъ уже въ Англію. Предводители Негровъ, Дессалинъ, Христофъ и проч., стараются теперь открыть нѣкоторыя торговыя связи съ Англичанами и Сѣверо-Американцами.

Генералы Дюрокъ и Раппъ, Адъютанты Буонапартевы, отправлены Марта 25го въ Берлинъ, черезъ 5 часа только одинъ послѣ другаго.

*Перечень извѣстій изъ Голландіи, по
27е Марта.*

Разоренная крамолами, военными бѣд-
ствіями и контрибуціями, содержаніемъ
на своемъ иждивеніи немалаго числа
Французскихъ войскъ и проч., Батавская
Республика, вовлеченная и въ нынѣшнюю
войну по союзу своему съ Франціею, при
разспроенныхъ своихъ финансахъ, долж-
на приспупать къ самымъ опчаяннымъ
мѣрамъ. Недостатокъ 40 милліоновъ гуль-
деновъ отъ приходовъ на расходы нынѣш-
няго году побудилъ Законодательный Со-
вѣтъ опредѣлить, чтобы сумма сія до-
ставлена была Государству посредствомъ
добровольнаго займа, съ плашежемъ $5\frac{1}{2}$
процентовъ. Взносъ капиталовъ, которые
позволяется предспавлять частію всѣ
наличными деньгами, частію же половину
только оными, а другую Государствен-
ными ассигнаціями, начнется съ 3го Мая.

Вооруженія мѣлкихъ судовъ въ гава-
няхъ нашихъ, для экспедиціи противъ
Англїи, все еще продолжаются. — Англин-
скіе военные корабли хотя и появляются
отъ времени до времени по близости бе-
реговъ нашихъ, но не предпринимали еще
доселѣ нигдѣ ни высадки, ни бомбарди-
рованія,

*Перечень извѣстій изъ Италіи, по 15е
Марта.*

Обласпи здѣшнія не имѣли въ теченіе послѣдняго мѣсяца никакихъ интересныхъ политическихъ новостей; а только разные разпускаемые слухи, которые доселѣ ничѣмъ еще не подтвердились, приводили насъ иногда въ опасеніе. Таковы суть извѣстія о нашествіи Французовъ на Сардинію, на Королевство Неапольское и проч.; но событіе доказываетъ, что оныя были только выдуманы злонамѣренными людьми!

*Перечень извѣстій изъ Германіи,
Марта по 24е.*

Тишину и спокойствіе въ Имперіи нашей поколебали частію въ нынѣшнемъ мѣсяцѣ припѣсненія, оказанныя нѣкоторыми сильнѣйшими Князьями Имперскому Рыцарству въ земляхъ, доставшихся первымъ по новому раздѣлу;—но Его Величество, Императоръ Римскій, не одобрилъ таковыхъ насильственныхъ мѣръ и обнадежилъ слабѣйшую сторону дѣятельнымъ своимъ защищеніемъ и покровительствомъ. А когда по сему же дѣлу поданы были Имперскому Сейму единогласныя

Ноты отъ Россійско - Императорскаго и Французскаго Посланниковъ, въ которыхъ дано знать, что Россія и Франція, какъ посредствовавшія въ семъ раздѣлѣ и поручившіяся за оныя Державы, не поустыятъ, чтобы Имперское Рыцарство оскорблено было въ правахъ своихъ: по помянутые Князья и перемѣнили намѣреніе свое, и возвратили все дѣло въ прежнее состояніе.

II.

Новое открытіе.

Учиненное за 21 годъ предъ симъ братьями *Монгольфьерами* изобрѣшеніе воздушныхъ шаровъ оставалось доселѣ одною только игрушкою и предметомъ любопытства для простолюдимовъ и не упражнявшихся въ Наукахъ по тому, что не изысканъ былъ еще способъ управлять оными по произволению и парить на нихъ по воздуху противъ стремленія вѣтровъ. Такова есть вообще участь всѣхъ новыхъ изобрѣшеній! Но время и дѣятельность ума человеческого, приводящая въ совершенство всѣ новыя открытія, имѣли благотворное свое вліяніе и на сію выдумку. *Г. Бланшардъ* открылъ безопаснѣй-

шій и удобнѣйшій способъ наполнять шары, для приведенія ихъ въ состоянїе, поднимающагося на высоту со всякою безопасностію; онъ же изобрѣлъ и ларашютъ, или зонтъ, для предохраненія отъ сильнаго удара, ежелибъ, по какимъ-либо обстоятельствомъ, случилась надобность опуститься съ высоты опять на землю. Въ нынѣшнемъ году Профессоръ *Денцель*, живущій въ Гамбургѣ, открылъ механизмъ для управленія воздушныхъ шаровъ, употребивъ на сіе изысканіе 20-лѣтніе свои труды и попеченія. Онъ увѣдомилъ уже находящагося теперь здѣсь въ Москвѣ прославившагося воздухоплавателя, Гна. *Гарнереня*, что способы его, которые доселѣ подтверждаемы были одною только теоріею, нынѣ одобрены и самою опытностію, и что Г. Денцель прїѣдетъ въ непродолжительномъ времени въ Санктпетербургъ, для показанія тамъ своего механизма. — Г. Гарнерень, принимая живѣйшее участіе въ семъ только важномъ изобрѣтеніи, отвѣчалъ Гну. Денцелю, что онъ употребитъ съ своей стороны всѣ возможные усилія, для облегченія Гну. Денцелю способовъ, чпобъ изобрѣтеніе его сопровождается было вождѣлннмъ успѣхомъ.

ВѢСТНИКЪ ЕВРОПЫ.

А П Р Ъ Л Ъ 1804.

№ 7.

ЛИТТЕРАТУРА и СМѢСЬ.

I.

Ипполитъ и Лора.

(Окончаніе.)

Разговоръ сей былъ прерванъ Баронессою, которая предложила гулять пѣшкомъ въ звѣринцѣ. Лора во весь день была задумчива. Послѣ обѣда, согласились ѣхать въ коляскѣ въ шесть часовъ вечера; но кучеръ, заранѣе назначенный, ушелъ со двора въ пять часовъ, и возвратился не прежде семи. Дожидались его; Графъ показывалъ сильное нетерпѣніе, грубилъ всѣмъ — и Лора съ ужасомъ предвидѣла страшную бурю. Наконецъ, въ семь часовъ съ половиною, докладываютъ, что коляска готова. Любезный Ипполитъ! тихо сказала преле-

шущая Лора : надѣюсь, что ты не ста-
 нешь бранишь его. Грозной взглядъ былъ
 отвѣтомъ Ипполита. Успрашенная Лора
 не смѣла говорить ни слова. Сошли на
 дворъ. Подошедъ къ коляскѣ, Ипполитъ
 оставляетъ поспѣшно Баронессу, колю-
 рую вель подѣ руку и, подбѣжавъ къ
 кучеру, спрашиваетъ ужаснымъ голосомъ :
 для чего не подвезена коляска въ шесть
 часовъ, какъ было приказано? Кучеръ
 отвѣчаетъ съ грубостію. Лора прере-
 щетъ и ожидаетъ страшнаго окончанія
 этой сцены. Въ самомъ дѣлѣ, Иппо-
 литъ вскакиваетъ на козлы, беретъ куче-
 ра въ охапку; прыгиваетъ съ своею ношею
 на землю, уходитъ съ нею и скрывается
 изъ виду. Лора кричитъ : *не умертви его!*..
 и, почти безъ чувствъ, падаетъ на руки
 Командора. Боже мой! сказалъ Баронъ :
 онъ несешь его къ водѣ!.. утопитъ его!..
 побѣжимъ за нимъ!..... Лору положили
 на ступенькахъ лѣстницы; Баронесса
 держала ее въ своихъ объятіяхъ, а Ко-
 мандоръ и Баронъ стремглавъ кинулись
 за Ипполитомъ. Спустя полчаса, Ко-
 мандоръ возвращается и ободряетъ Ло-
 ру, увѣряя, что ему удалось освободить
 кучера изъ рукъ племянника. Когда
 Лора пришла къ себѣ въ комнату,
 ей сказываютъ, что Ипполитъ занемогъ

и лежишь въ постелѣ. Въ крайнемъ безпокойствѣ, она лезишь къ нему, и находишь его въ жалкомъ положеніи. „Эта проклятая вспыльчивость уморишь меня прежде времени, сказалъ онъ слабымъ голосомъ: мнѣ очень дурно; чувствую лихорадку....“ — Другъ мой! отвѣчала Лора: чрезмѣрной гнѣвъ обыкновенно оканчивается болѣзнію... Я сама испытала много разъ... и это меня не безпокоило до сихъ поръ; но увидя, сколько ты страдаешь отъ этой слабости, я увѣрена теперь, какъ она опасна, ужасна!.. Любезной Ипполитъ! ты обѣщала мнѣ исправиться, естли подашь примѣръ собою; хочешь ли сдѣлать со мною договоръ? — „Изволь!“ отвѣчала Ипполитъ безъ вниманія. — Ты не надѣешься, чтобъ я исправилась? не такъ ли? — „Скажешь правду, нѣсколько сомнѣваюсь.“ — Хорошо же! ты увидишь. — „Ахъ, милая моя! желаю этого съ крайнимъ нетерпѣніемъ, особливо когда пришло мнѣ на мысль, что ты можешь сдѣлаться матерью, и что вспыльчивость будетъ стоить намъ диняши.“ — О Боже мой! эта мысль терзаетъ мое сердце! — „Мнѣ сего дня ввечеру только пришло это на умъ.“ — Клянусь тебѣ и увѣряю, что преодолѣю себя. — „Ты возвращаешь мнѣ жизнь.

Лора! не хочу быть недостойнымъ тебя. Скажу безъ околичностей: чувствую, что еслили не буду видѣть въ тебѣ этой слабости, могу побѣдить себя.“ — Я уже не имѣю ее. Любезный человекъ! какая похвальная рѣшимость! стану подражать ей. Ахъ! я нетерпѣливо желаю найтислучай доказать тебѣ, что могу владѣть собою! — „И я обѣщаюсь не предаваться запальчивости, еслили увижу твою твердость. Но признаюсь, что, когда ты разсердишься, я потеряю терпѣніе и скажу самъ себѣ: Симпатія между нами столь совершенна, что мнѣ не возможно надѣяться изкоренить такую слабость, которой она побѣдить не въ состояніи.“ — А еслили я преодолѣю себя? . . . — „Тогда увѣрюсь, что и мнѣ можно и должно сдѣлать то же.“ — Ты восхищаешь меня, другъ мой! произнесла Лора съ живостію: я увѣрена, что мы уже исправились. — Она говорила чистосердечно; ибо приняла твердое намѣреніе сдѣлаться столько же терпѣливою и тихою, сколько прежде была вспыльчива. Ужасное безпокойство объ Ипполитѣ, нѣжная любовь, самолюбіе, разумъ — все споспѣшествовало ей рѣшиться на сіе благородное предпріятіе. На другой день по утру, двенадцать слугъ, гор-

ничныя служанки и поварь, устращенныя наглостію и дурнымъ правомъ молодыхъ господь, пошребовали увольненія отъ службы, и всѣ вдругъ отошли. Это обстоятельство заставило Графиню еще болѣе заниматься полезными размышленіями, особливо по тому, что мѣсто проворныхъ горничныхъ дѣвокъ заступили двѣ толстыя Пикардскія креснянки, глупыя и неповоротливыя, а вмѣсто лакеевъ приняты два нескладные мужика, взятые отъ сохи. Служанкѣ, имѣвшей присмотрѣ за домашними пшцами, поручено исправлять должность повара. — Командоръ, Баронъ и жена его, которые отъѣзжали въ Парижъ, съ намѣреніемъ возвратиться оттуда не прежде шести недѣль, обѣщались привезти съ собою ловкихъ слугъ, а особливо служанку, искусную мастерицу убирать голову. Командоръ передъ отъѣздомъ имѣлъ продолжительный разговоръ съ Лорюю, и рассказывалъ ей о вспыльчивомъ нравѣ своего племянника. „Ты только одна, любезная племянница, можешь исправить его: онъ тебя обожаетъ, слѣдовательно тебѣ все возможно. Подумай объ ужасныхъ слѣдствіяхъ сего порока; подумай, что мужъ твой долженъ будетъ каждой годъ являться въ полкъ, гдѣ ни одна весна не проходитъ у него безъ

ссоры, безъ двухъ или трехъ поединковъ.“... — Боже мой!.. — „Кончатся тѣмъ, что убьютъ его.“ — Ахъ, дядюшка! будьте увѣрены, что все стараніе употреблю, на все рѣшусь, чтобы смягчить нравъ его; а чтобы лучше успѣшь въ томъ, постараюсь исправить свей... — „Какая для себя слава, милая племянница, когда ты достигнешь своей цѣли, въ чемъ я не сомнѣваюсь! Какую обязанность почтенія и благодарности наложешь на него! какую заслужишь любовь отъ всѣхъ его родныхъ, друзей!..“ — Послѣ сего разговора, Командоръ, обнявъ съ важностію Лору, отправился въ Парижъ, въ полномъ увѣреніи, что Ипполитова мещода воспитанія весьма хороша.

Наши молодые супруги остались одни въ замкѣ съ слугами новыми, неопытными и глупыми, которые подвергали терпѣніе ихъ жестокимъ опытамъ. Въ первые дни кушанье готовлено было такъ дурно, что кромѣ молочнаго и плодовъ ничего не ѣли; не смотря на это, все было тихо и спокойно. Посматривали другъ на друга, улыбались; *взвѣдное соревнованіе* придавало неизъяснимую прелесть ихъ воздержности. Сколь пріятно такое соревнованіе, когда любовь производитъ его! Какой вѣнецъ можно сравнить съ

похвалою любимаго предмета? Ипполитъ сдѣлалъ замѣчаніе, что весьма несправедливо было бы сердиться на повариху за то, что она не умѣетъ стряпать. Лора одобрила сіе разсужденіе; одинъ Жермень ропталъ на голодъ, и ропталъ неприхворно; онъ внутренно прсклиналъ этотъ способъ наставленія и, въ качествѣ столоваго дворецкаго, стыдился носить такія бѣдныя блюда; ставилъ ихъ на столъ съ явнымъ негодованіемъ, и со времени увольненія повара веселый нравъ его примѣшно измѣнился. Начали заботиться о средствахъ научить служанку стряпать; Ипполитъ вспомнилъ, что покойная мамушка его успѣла сдѣлать это съ помощію книги, подъ названіемъ: *Городская повариха*. Лора съ нетерпѣніемъ требуетъ книгу, и случайно находятъ ее въ библіотекѣ: обрадованная Лора, съ книгою въ рукахъ, идетъ — въ первый разъ въ жизни — на кухню, приказываетъ сдѣлать при себѣ нѣсколько блюдъ, возвращается съ торжествующимъ видомъ и поздравляетъ Ипполита съ тѣмъ, что онъ *будетъ имѣть хорошій обѣдъ*. Въ самомъ дѣлѣ столъ былъ очень сытной; аппетитъ и веселость приправляли кушанья; Лорѣ обязаны были симъ праздникомъ, послѣ четырех - дневнаго

сухояденія. Съ того времени Графиня, по необходимости сдѣлавшись доброю хозяйкою, ходила каждое утро на кухню, для осмотра порядка и для опданія приказаній на слѣдующій день.

Объ Пикардскія крестьянки, внезапно превращенныя въ горничныхъ дѣвокъ, въ первые дни были чрезвычайно неповоротливы, тѣмъ болѣе, что, при крайнемъ невѣжествѣ и неловкости, были еще напуганы, наслышавшись о безпокойномъ нравѣ молодой госпожи. Онѣ блѣднѣли и дрожали, когда примѣчали въ чемъ нибудь свои ошибки, или, по большой части, прятались, такъ что иногда нѣсколько часовъ надлежало ждать, пока опять появляшся. — Ипполитъ, всегда находясь при шуалетѣ Лоры, поминутно превозносилъ ея *нелостижимое терпѣніе*; упоивъ похвалами и ласками, забавлялъ ее острыми шулками, на счетъ неповоротливости домашнихъ служителей, и пріучилъ смѣяться отъ всего сердца тому, что прежде дѣлало ей великую досаду. Хотя Лора сначала весьма сожалѣла объ Юстинѣ, которая такъ хорошо умѣла убирать голову; но видя, что Ипполитъ находитъ въ ней тѣ же прелести и безъ нарядной прически, согласилась наконецъ, что, живучи въ деревнѣ, гораздо выгоднѣе, го-

раздо благоразумнѣе трапитъ меньше времени за шуваломъ. Когда дошло до того, что Перета и Магдалина боятся ея, какъ огня, Ипполитъ даль ей слегка почувствовашь, какъ невыгодно пропускашь о себѣ такую молву. „Новые слуги, прибавилъ Графъ, еще больше боятся меня, потому что мужчина съ моимъ роспомъ и съ моею силою страшнѣе прекрасной, шестнадцатилѣтней женщины.“ — О! конечно, отвѣчала Лора съ простосердечіемъ. — „Однакожь, продолжалъ Графъ, мнѣ пріятно ласкашь ихъ и удивляшь благосклонностію; кошорой они отъ меня совсѣмъ не ожидали, и которая теперь не стоить мнѣ никакихъ усилій.“ — И мнѣ также, отвѣчала Лора: я забавляюсь, видя изумленіе моихъ крестьянокъ; бѣдныя дѣвки очень рады, когда говорю съ ними ласково. Вчера Магдалина, уронивъ ящикъ съ пудрою, чуть было не упала въ обморокъ; представъ же себѣ удивленіе ея, когда, вмѣсто того, чшобы кричать и браниться, я обняла ее! Слезы показались на ея глазахъ; признаюсь, что я и сама была тѣмъ тронуша... — „Добрая, милая Лора!“ сказалъ Графъ, цѣлуя жену свою. — Ахъ, другъ мой! прервала она: хочу, чшобы всѣ называли меня *доброю*; хочу бытъ дѣйствительно такою: должно,

чтобы та, которую ты любишь, имѣла право на почтеніе!... — „И я, ошвѣчалъ Ипполитъ, ободренный твоимъ примѣромъ, исправленный любовью, скажу съ благородною гордостію: я былъ страшенъ, своенравенъ, сумазброденъ; полюбилъ Лору и — сдѣлался достойнымъ ея! О! теперь ничто не помѣшаетъ мнѣ наслаждаться спокойствіемъ, добродѣтелью, славою; тебѣ буду обязанъ сими неоцѣненными благами! тебѣ буду обязанъ счастіемъ! ты вдохнешь въ меня добрые нравы, неразлучные съ истиннымъ благополучіемъ.“

Послѣ столь пріятнаго разговора, ласковость была господствующимъ качествомъ въ сердцѣ Лоры. Ввечеру, ложась спать, она не только была снисходительна къ своимъ служанкамъ, но даже обласкала ихъ и наградила подарками. Переша и Магдалина, внѣ себя отъ чувства радости и признательности, перестали бояться, сдѣлались внимательными и усердными. Лора была довольна ихъ услугами, и говорила, что очень любитъ своихъ горничныхъ, тѣмъ болѣе, что сама образовала ихъ; она объявила, что не хочетъ разстаться съ ними, и писала къ Командору, чтобы не беспокоился о пріисканіи другихъ.

Шесть недѣль прошекли весело для нашихъ супруговъ: каждой изъ нихъ наслаждался упѣшительною увѣренностію, что имѣетъ искусство и удачу въ исправленіи любимаго предмета; каждой радовался своимъ дѣломъ. Пріятныя гулянья, восхищительные разговоры, полезное чтеніе, услаждающая музыка, занимали всѣ часы ихъ; дни летѣли съ быспропсю неоспимимою. . . . Союзъ священный, въ которомъ должность и склонность, сливаясь вмѣстѣ, любовь дѣлаютъ добродѣтелью, въ которомъ счастье не разлучно съ доброю славою! Союзъ священный, дающій право гордиться своимъ блаженствомъ и, только повинуюсь влеченію сердца, ожидать всеобщаго уваженія! . . . Ахъ! не станемъ презирать мнѣній свѣта, впрочемъ суешнаго и легкомысленнаго. Онъ говоритъ супругамъ: *будьте вѣрны другъ другу, будьте счастливы; добрая слава и поштеніе будетъ вашею наградою* — и сей голосъ никогда не обманываетъ; въ этомъ случаѣ свѣтъ въ точности выполняетъ свое обѣщаніе.

Наконецъ Командоръ, съ пятью или шестью другими особами, возвратился изъ Парижа. Съ какою радостію Ипполитъ рассказывалъ ему о всѣхъ подробностяхъ исправленія любезной Лоры! Съ какою гордостію Лора сказала Коман-

дору: *Иполитъ исправился!* Иполитъ сдѣлался настоящимъ Ангеломъ!... — „Ты Ангелъ, моя милая! ты теперь Ангелъ!“ отвѣчалъ ей Командоръ, съ мѣжною ласкою обнимая ее — и Лора плакала отъ радости. — „Знаешь ли, безцѣнный другъ мой! сказалъ Графъ супругѣ своей: знаешь ли, что всѣ теперь находятъ въ тебѣ новыя прелести?“ — Ахъ! я желалабы быть въ твоихъ глазахъ... — „Чудное дѣло! однакожь это правда, что ты несравненно прекраснѣе съ тѣхъ поръ, какъ перестала сердиться.“ — Въ самомъ дѣлѣ? — „Точно: гнѣвъ обезображиваетъ лицо, разналяетъ его, дѣлаетъ глаза дикими и свирѣпыми, и наконецъ, въ теченіи нѣкотораго времени, совсѣмъ измѣняетъ физіогномію: какъ любезны теперь черты лица твоего! какъ приспала къ тебѣ кротость! она представляетъ въ тебѣ сущаго Ангела!“

Всѣ сіи слова укрѣпляли Лору, воспаляли ее и полагали преграду всякому поползновенію.

Лора, привыкнувъ быть тихою, равнодушною и, слѣдовательно, любезною, въ концѣ осени возвратилась, вмѣстѣ съ мужемъ, въ Парижъ, проживъ въ деревнѣ шесть мѣсяцевъ.

Сказано выше, что Лора не любила кокетства; она обожала супруга, была умна и чувствительна. Графъ, не давая замѣчать ей своихъ намѣреній, не пропускалъ ни одного средства къ образованію ума и сердца ея по чтеніемъ и разговорами, по собственнымъ примѣрамъ; онъ наблюдалъ осторожность въ выборѣ знакомствъ, и молодую супругу ввелъ въ кругъ такихъ женщинъ, которыя были лѣтами старѣе ея, и которыхъ доброе имя всѣмъ было извѣстно. Лора вела себя такъ благопристойно, такъ цѣломудренно, что клевета ничего не находила опорочить въ ней; но молодость и неопытность имѣли нужду въ урокъ хозяйственной бережливости — и она скоро получила его. Не наблюдая никакихъ расчетовъ, не торгуясь при покупкахъ, не дѣлая никакихъ записокъ, не отказывая себѣ во многихъ вещахъ, совсѣмъ ненужныхъ, она крайне изумилась и испугалась, когда, по прошествіи трехъ мѣсяцевъ, увидѣла, что сумма долговъ ея возрасла до пятнадцати тысячъ франковъ. Какъ объявить Ипполиту о такомъ дурачествѣ? Ей извѣстна была щедрость Графа; однакожь знала она, что такая разпачительность раздражитъ его; какъ перенести неудовольствіе Иппо-

лиша? Какъ сильна власть кротости и снисхожденія надъ душею благородною! Съ какою непринужденностію сердце покоряется волѣ любимаго предмета, кою обожаетъ взаимно! какъ спрашно лишиться его уваженія! Видя въ глазахъ его однѣ выраженія нѣжности, какъ ужасно встрѣтитъ суровый взглядъ! . . . Супруги! матери! много вы теряете съ вашими строгими выговорами! усугубляя ихъ, подвергаетесь несчастію — заспавлять не любить себя! . . .

Лора, не смотря на свои опасенія, твердо рѣшилась во всемъ признаться мужу; она хотѣла лучше раздражить его, нежели обманывать. Въ одно утро, пришедши къ нему въ кабинетъ, съ краскою въ лицѣ, съ прелепомъ, призналась во всемъ съ полною откровенностію. — „Вотъ прекрасно! вскричалъ Графъ, когда она окончила рѣчь свою: Натура отлила насъ въ одну форму; это единственней, безподобной примѣръ! . . .“ и при каждомъ восклицаніи обнималъ съ восторгомъ Лору, которая въ восхищительномъ недоумѣніи смотрѣла на него пристально, и спрашивала. — „Такъ, такъ! отвѣчалъ Графъ: это единственно! Въ примѣсяца ты задолжала пятнадцать тысячъ франковъ; а я сего дня узналъ, что

самъ долженъ почти столько же портному, башмашнику и галантерейщику. Знаешь ли, отъ чего это? Отъ того, что не старался плашить; отъ того, что не повѣрялъ счетовъ: когда доходить до заплата за все вдругъ, то ничего не узнаешь въ запискахъ, и видишь обманъ и въ цѣнѣ и въ количествѣ. Вотъ счетъ денегъ за жиленшы! Повѣришь ли ты, чтобы я въ самомъ дѣлѣ столько износилъ ихъ?" — Невозможное дѣло! Моя модная торговка также прибавила въ счетахъ своихъ то, чего я совсѣмъ не брала. — „Это еще не все: поваръ принесъ мнѣ расходную тетрадь, и сумма издержекъ въ три мѣсяца простирается — до девяти тысячъ франковъ.“ — Слишкомъ много! — „Однакожь это справедливо. Наставляя повариху въ замкѣ, ты узнала, я думаю, цѣны разнымъ съѣстнымъ припасамъ. Пробѣги эту тетрадь изъ любопытства; посмотри на статьи: что ты думаешь объ нихъ? а?" — Ахъ, какой бездѣльникъ! вскричала Лора, просматривая тетрадь, въ которой, въ самомъ дѣлѣ, много лишняго было напутано, и которую сочинилъ самъ Ипполитъ: надобно сослать этого плута. — „Это было бы бесполезно, милая моя! отвѣчалъ Графъ: они всѣ шаковы, естли не повѣряешь

счетовъ каждой день.“ — Съ радостію беру на себя читать ихъ: развѣ я не занималась этимъ, когда были мы въ Вальривѣ? — „Правда; но разсѣянность Парижской жизни. . .“ — Она не должна бы мѣшать моей должности: признаю свою ошибку, и постараюсь загладить ее. — „Послушай, милая моя! кромѣ этого, мы въ три мѣсяца издержали тридцать тысячъ франковъ, и не иначе можемъ заплашить ихъ, какъ съ помощію крайней бережливости; мы очень скоро разоримся, естли не перемѣнимъ теперешняго образа жизни; но я не хочу требовать отъ тебя того, чего самъ не былъ бы въ состояніи сдѣлать. Я расшешеленъ, лѣнивъ, не люблю торговаться, беру все въ долгъ, не занимаюсь расчепами — вотъ какъ разоряются! Небу угодно было произвести насъ съ одинакими добродѣтелями, съ одинакими чувствами и — съ одинакими слабостями: ты точно такова, какъ и я. Теперь остается намъ, продавъ лошадей и кареты, ѣхать на цѣлые два года въ Вальривъ: какъ ты думаешь объ этомъ?“ — Любезный Ипполитъ! тебѣ лучше нравится жить въ деревнѣ? — „Съ тобою вездѣ буду счастливъ; но мнѣ бы хотѣлось шесть или семь мѣсяцевъ жить въ деревнѣ, а по-

слѣднее время года проводить въ городѣ.“ — Я очень рада этому. Буду считать повара каждой день, и не спану входить въ долги. . . — „Какъ! сказалъ Ипполитъ, смѣясь: ты откажешься отъ множества прихотей и спанешь покупать всегда на наличныя деньги? . . .“ — Даю тебѣ въ томъ мое слово. — „Полно, другъ мой, это не возможно!“ — *Не возможно* образумишься? — „Такихъ превращеній въ нравахъ не бываетъ.“ — Развѣ не изцѣлились мы отъ вспыльчивости? — „Какая розница! это отъ порока влечетъ за собою такія пагубныя слѣдствія! . . .“ — Разоришь себя, разоришь дѣтей! это не пагубныя слѣдствія? . . . — „Мы не разоримся живучи въ деревнѣ; ты берешь на себя смотрѣть за расходомъ; шамъ нѣтъ ни портныхъ, ни модныхъ торговокъ, ни галантерейщиковъ!“ — Ипполитъ! ты не полагаешься на мое слово? — „Охъ, нѣтъ! я знаю, что ты все сдѣлаешь, что только захочешь; въ этомъ имѣешь передо мною великое преимущество. Ты вылѣчила меня отъ вспыльчивости; но признаюсь, что не пріучишь къ хозяйственной бережливости: это до смерти несносно! . . .“ — Я сама спану вести расходъ. — „Въ самомъ дѣлѣ?“ — беру на себя дѣлать всѣ покупки. — „Ты могла бы . . .“ — Рѣшусь

на все, чтобы доказать, какъ люблю тебя. — „Несравненный другъ мой!... и въ твои лѣта! Хорошо! отдаюсь въ твое распоряженіе, признаю совершенство чувствъ твоихъ и поведенія, и торжественно отрекаюсь отъ всѣхъ прихотей. Покупай сама, что покажется нужнымъ; я ни во что не стану мѣшаться: приказывай и плани.“

Послѣ сего соглашенія, Лора, чувствуя въ полной мѣрѣ радость и внутреннее достоинство свое, въ тотъ же день приняла на себя попеченіе о домашнемъ управленіи; охота заниматься хозяйствомъ еще больше увеличилась, когда сдѣлалась она повелительницею въ домѣ. Власъ сія тѣмъ пріятнѣе, что она не есть похищенная, но законная, самую натурою назначенная для женщинъ: онѣ тогда только имѣютъ право на истинное уваженіе, когда все исполняется въ домѣ подъ ихъ надзираніемъ и по ихъ повелѣніямъ.

Такимъ образомъ Лора, исправляемая благоразумными стараніями своего мужа, изцѣлилась отъ всѣхъ слабостей душевныхъ и сдѣлалась утѣхою семейства и образцомъ для всѣхъ женщинъ ея возраста. Отецъ и мать, безъ сомнѣнія, имѣютъ ощущительныя выгоды въ усовершенствов-

ваніи сердца дочери, но они трудятся для другаго; *наставникъ* Лоры образовалъ свою ученицу для самаго себя. Должно ли удивляться тому, что сдѣлалъ *Ипполитъ*? Не больше ли удивительны тѣ мужья, которые даже до того безразсудны, что сами развращаютъ женъ своихъ, допуская ихъ входить въ опасныя связи, ослабляя въ нихъ всѣ добрыя правила — которыя онѣ принесли съ собою — своими поступками, своими разговорами и часто даже насмѣшками? Вообще, мать начинаетъ только воспитаніе дочери; а мужъ, которому она вручаетъ ее, оканчиваетъ ея дѣло, или съ пользою или со вредомъ.

Произшествіе, неперпѣливо ожидаемое, довершило усовершенствованіе характера Лоры, и утвердило ея добродѣтели; она получила названіе матери: и какой *благовоспитанной женщины* шло сіе не сдѣлаешь умнѣе и добродѣтельнѣе? Лора сама кормила грудью ребенка, и все это время провела въ деревнѣ. Она возвратилась въ Парижъ чрезъ полтора года: замужеству ея прошло три года.

Въ одно утро, когда она пріѣхала домой — *Ипполитъ* былъ въ *Версалии* — докладываютъ ей, что *Аббатъ Дюранъ* ожидаетъ ее въ залѣ: это былъ почтенный Священникъ, прежній Учитель

Ипполишовъ. Онъ жилъ десять лѣтъ въ Провинціи, слѣдовательно Лора никогда не видала его, однакожь много наслышалась объ немъ; ей извѣстно было, что Ипполишъ любилъ и почиталъ его, а этого и довольно для того, чтобъ принять его благосклонно. Аббатъ вспрѣченъ былъ съ опличною вѣжливостію: онъ разсказалъ Лорѣ, что полученіе небольшого наслѣдства заспавило его пріѣхать въ Парижъ, и что поспѣшной, нечаянной отъѣздъ возпрепятствовалъ ему предварительно увѣдомить о своемъ прибытіи. Онъ говорилъ съ сердечнымъ движеніемъ объ Ипполишѣ, котораго двенадцать лѣтъ наставлялъ въ Латинскомъ языкѣ. — „Ахъ, сударь! сказала Лора: какую, къ чести его, найдете въ немъ перемѣну!“ — Легко спанется, что онъ пріобрѣлъ больше знаній, но сердце его не можетъ быть ни благороднѣе, ни нѣжнѣе. — „Правда; но вы увидите въ немъ характеръ совершенной.“ — Онъ и прежде былъ въ немъ такъ любезенъ. . . . — „О! конечно. Такъ судите же, каковъ долженъ быть теперь; онъ любитъ порядокъ и хозяйственность, ни мало не лѣнивъ, и вмѣсто того, чтобъ быть сердитымъ, вспыльчивымъ, какимъ вы прежде видѣли его, онъ имѣетъ нравъ Ангельской.“ —

При сихъ словахъ Аббатъ показывалъ крайнее изумленіе. Лора захохотала. „Понимаю причину вашего удивленія, сказала она: однакожь шутъ ничего не прибавлено. Ипполитъ сдѣлался самымъ тихимъ, самымъ крошкимъ . . .“ — Кто же сказалъ вамъ, сударыня! перервалъ Аббатъ, что онъ былъ *вслыльтивымъ*? это гнусная клевета. . . — „Онъ самъ мнѣ во всемъ признался. . .“ — Ипполитъ горячъ, безразсуденъ! Нѣтъ, сударыня! онъ одаренъ отъ Природы нравомъ самымъ спокойнымъ, самымъ крошкимъ. Я провелъ съ нимъ вмѣстѣ пятнадцать лѣтъ, и никогда не видалъ, чѣмбы любезный характеръ его измѣнился хотя на минуточку. — „Какъ! въ дѣтствѣ своемъ онъ не царапалъ и не кусалъ товарищей! въ первыя лѣта молодости не былъ подверженъ сильнымъ припадкамъ бѣшенства!“ — Онъ? припадкамъ бѣшенства? . . . Бога ради, скажите, сударыня; отъ кого вы слышали все это басни? . . — При семъ вопросѣ, Лора, изумленная въ свою очередь, оспалась на минуточку безопытною; потомъ вскричала: „Боже мой! какъ онъ обманулъ меня! . . . онъ не имѣлъ нѣхъ слабостей! ахъ! какъ онъ обманулъ меня!“ Аббатъ, приведенный въ замѣшательство сими

восклицаніями , начиналъ думать , что Лора была слишком просва , какъ вдругъ являеся Графъ , бѣжитъ къ Аббату съ разпростертыми руками , и съ нѣжно-стію обнимаетъ его. — „Мы говорили о тебѣ , сказала Лора : Аббатъ рассказывалъ мнѣ , какъ ты былъ злодѣй въ дѣтствѣ.“ . . — Графъ , въ великомъ замѣшательствѣ , покраснѣлъ , какъ преступникъ ; онъ не ожидалъ нечаяннаго открытія своихъ хитростей и не могъ предвидѣть прибытія нескромнаго Аббата , котораго почиталъ навсегда поселившимся въ Туреньской Провинціи. „Шалунъ ! сказала Лора , кинувшись на шею къ Графу : какъ ты подшутилъ надо мною ! . . Не думаешь ли , чѣмъ я простила тебѣ ?“ — Обожаемая Лора ! . . . — „Я почитала себя твоею наставницею , а вышла ученицею !“ — Ученицею любви ! . . . — „Я узнала твою тайну , но будь спокоенъ : не имѣю больше нужды бояться тебя. Признаюсь , я утѣшалась мыслию , что удалось мнѣ исправить нравъ твой ; ты ничѣмъ не долженъ мнѣ , но я всѣмъ тебѣ обязана , и хочу лучше тебѣ удивляться , нежели хвалить свои поступки.“

II.

Исповѣдь старухи.

Тщетно переставляю зеркало съ мѣста на мѣсто, стараясь найти въ немъ остатки прелестей — хитрость безполезная! Морщины старости начинаютъ появляться на лицѣ моемъ. Но все же что болѣе всего приводитъ меня въ отчаяніе: разсмапривая прилѣжно свою физіономію, нахожу, что я никогда не могла быть прекрасною; однакожь — посудите о лживости мужчинъ — они имѣли безстыдство увѣрять меня, что я прелестна, безподобна. Я вѣрила этому, потому что мы легко вѣримъ всему лестному. Иногда сравнивали меня съ Наядами, иногда и съ самою матерью Амуровъ. Скажемъ правду: или древніе и новые Поэты суть большіе лжецы, или Наяды и Венера имѣли очень посредственные прелести — есльи справедливо, что я на нихъ похожа. Я отиѣнно стройна; но это все, что есть во мнѣ достойнаго примѣчанія. Съ пятнадцати-лѣтняго возраста замечала я, что на меня ни одинъ мужчина не можетъ взглянуть, не потерявъ разсудка. Обожатели толпились вкругъ меня и находили несравненными мои маленькіе виалые глаза. Смуглый и почти

цыганской цвѣтъ моего лица помрачалъ, какъ они говорили, бѣлизну лилей. Я съ великимъ удовольствіемъ все это слушала. Наконецъ сіи толь грубые и безпрестанные обманы, которые почитала я за испину, удостоверили меня, что я богиня. Гордость вкралась въ мое сердце: я сдѣлалась спесивою, повелительною — и кто не осыпалъ меня лестью, тотъ былъ мнѣ несносенъ. Если бы я, хотя немного, умѣла разсуждать, то вѣрно увидѣла бы разсуждаемую мнѣ сѣти. Мужчины почитаютъ забавою обманывать насъ; они употребляютъ во зло наше легковѣріе, и множество выгодъ имѣютъ въ томъ, чтобы закрывать отъ насъ непроницаемою завѣсою самопознаніе. Они только хотятъ обольстить насъ. Хороша, или дурна женщина, для нихъ все равно, лишь бы только увеличила она послѣдней списокъ побѣдъ ихъ.

III.

Неизбѣжный кругъ.

Безпристрастный Философъ — наблюдатель, не занятой собственными дѣлами, гуляя по многолюднымъ улицамъ боль-

шаго города, бываетъ болѣе всего пораженъ неравенствомъ состояній, сямъ необходимымъ слѣдствіемъ многочисленныхъ обществъ, сближеніемъ противоположнѣйшихъ званій, чудесною разностию, которую, кажешся, сама Natura положила между людьми — а особливо сямъ медленнымъ круговращеніемъ времени, которое приводитъ всѣ вещи опять къ той точкѣ, откуда начался ходъ ихъ. Отъ сей первоначальной точки шествія до точки возвращенія, какая представляется лѣстница! какая удивительная постепенность! какое разстояніе! какая картина! еспльи бы искусная рука приняла трудъ начертать ее, то какую бы важную услугу оказала она Политикѣ и Нравственности!

Видите ли вы, говорилъ мнѣ за нѣсколько лѣтъ до Французской революціи одинъ старикъ, которой много путешествовалъ и много учился — видите ли это великолѣпной домъ, въ которомъ живетъ еще великолѣпнѣйшій вельможа, осыпанный милостями Государя? Онъ былъ щастливъ во весь свой вѣкъ; но теперь, кажешся, что всѣ роды забавъ и удовольствій ему наскучили. Дѣдъ мой зналъ его дѣда, и зналъ его въ такой бѣдности, когда еще онъ въ пошлѣ лица

цыганской цвѣтъ моего лица помрачалъ, какъ они говорили, бѣлизну лилей. Я съ великимъ удовольствіемъ все это слушала. Наконецъ сіи толь грубые и безпреспанные обманы, кошорые почитала я за испину, удостовѣрили меня, что я богиня. Гордость вкралась въ мое сердце: я сдѣлалась спесивою, повелительною — и кто не осыпалъ меня лестью, тотъ былъ мнѣ несносенъ. Если бы я, хотя не много, умѣла разсуждать, то вѣрно увидѣла бы разсваляемую мнѣ сѣпи. Мушны почитаютъ забавою обманывать насъ; они употребляютъ во зло наше легковѣріе, и множество выгодъ имѣютъ въ томъ, чтобы закрывать отъ насъ непроницаемою завѣсою самопознаніе. Они только хотятъ обольстить насъ. Хороша, или дурна женщина, для нихъ все равно, лишь бы только увеличила она посшд-ной списокъ побѣдъ ихъ.

III.

Неизбѣжный кругъ.

Безпристрастный Философъ — наблюдатель, не занятой собственными дѣлами, гуляя по многолюднымъ улицамъ боль-

полезнаго, челоуѣка, котораго нужды, желанія и способы находящагося почти въ надлежащей соразмѣрности! — Здѣсь кончатся ручныя работы и необходимыя нужды, и начинаются нужды роскоши, тщеславія, любостыжанія и великости.

Для челоуѣка не довольно безнужнаго пропитанія, пристойной одежды и покойнаго жилища. Достигнувъ сего, желаетъ онъ ѣсть, одѣваться и жить, прежде такъ, какъ всѣ, а потомъ лучше всѣхъ. Скоро понадобятся ему великолѣпныя палаты и вкуснѣйшія снѣди; скоро будетъ онъ имѣть нужду во многихъ служителяхъ, во многихъ каретахъ, во многихъ поварахъ. Потомъ родится въ немъ склонность къ женщинамъ, картинамъ, книгамъ. Опъ сего произойдутъ неминуемо брачныя связи съ знашными домами, любовь къ Художествамъ и знакомство съ Учеными людьми: — четвертое состояніе или четвертый періодъ въ ходѣ вещей и въ іерархіи знашности.

Очень справедливо сказано, что ничто такъ скоро не можетъ прискучить, какъ забавы. Нашъ Крезъ не замедлишь пресышиться наслажденіями, которыя могутъ быть доставляемы однимъ только богатствомъ. Тогда онъ пустился въ

обширное поле честолюбія, достигнетъ за деньги знатной чинъ, приблизится къ Начальнику области, въ которой онъ живетъ, станетъ снискивать его благоволеніе, войдетъ въ случай, займетъ важнѣйшую должность въ Государствѣ; словомъ, сдѣлается вельможею: — вопшъ пятое и послѣднее состояніе возходящей или возрастающей прогрессіи вещей и людей въ порядкѣ общежитія и гражданственности!

Для чего не лъзя долго быть въ семъ щастливомъ положеніи? По какому бѣдственному опредѣленію рока осуждены мы во всѣхъ случаяхъ опспупать назадъ, когда не можемъ болѣе идти впередъ, спускаться внизъ, когда не лъзя болѣе возвышаться? Таковъ законъ Природы! Мы вращаемся въ вѣчномъ кругу. Когда какой народъ достигъ до высочайшей степени могущества и славы, тогда необходимо начнетъ онъ упадать. — Посмотримъ теперь, какъ все отступаетъ назадъ.

Богачь, лишившійся имѣнія, пипаетъ еще въ себѣ нѣкоторое шщеславіе: онъ продаетъ сперва карешу, чтобъ сохранить домъ; потомъ продастъ домъ для сохраненія одежды; потомъ одежду для сохраненія жизни. Наконецъ, когда люшая не-

обходимость покажетъ ему съ одной стороны смерть, а съ другой работу, что онъ тогда сдѣлаетъ? Не думайте, чтобъ онъ согласился умереть. Нѣтъ! онъ спанетъ работашь. Еслили онъ былъ порядочно воспитанъ, то вѣрно умѣетъ танцовать, рисовать, правильно говорить и писать; тогда станетъ онъ обучать Грамматикѣ, рисованію и танцованію. Еслили же онъ ничего не знаетъ? станетъ рубить дрова. Я видѣлъ въ 1795 году въ Парижѣ одного бывшаго Рекетмейстера, которой таскалъ воду! Но случались превращенія гораздо удивительнѣйшія и паденія съ мѣстъ несравненно вышшихъ. — Наконецъ зданіе разрушается: гордая капитель лежитъ въ пыли возлѣ смиреннаго подножія. Такимъ образомъ возвратились мы опять къ первобытному состоянію человека, къ колыбели обществъ, къ источнику всѣхъ богатствъ, то есть къ ручнымъ работамъ. Когда — какъ на примѣръ послѣ Французской революціи — всѣ отличія уничтожены, всѣ знанія смѣшаны, всѣ имущества разсѣяны, или перешли въ другія руки, тогда работа не посмѣдна, и сверхъ того необходима.

Въ заключеніи намѣренъ я былъ сказать двѣ вещи, которыя читатель вѣр-

но предвидѣлъ: первое, что въ свѣтѣ нѣтъ ничего поспояннаго, и что все стремится къ своему разрушенію для начатія новой жизни; второе, что мы должны надѣяться на однихъ себя и покоряться обстоятельствомъ и происшествіямъ. Наконецъ примолвимъ, что чело-вѣкъ бываетъ въ безопасности только подъ щитомъ благоразумной предусмотрительности, естли, по нещастію, не находитъ онъ утѣшительнаго прибѣжища въ Религіи.

(Изъ *Abeille du Nord.*)

IV.

Письмо къ Издателю Французскаго Меркурія.

Сорокъ уже лѣтъ, Г. М. читаю и перечитываю Гомера, и всегда съ удивленіемъ, всегда съ полною довѣренностію, которую онъ заслуживаетъ по всей справедливости. Скажу вамъ, что Гомеръ есть, въ моихъ глазахъ, первой изъ *Историковъ*, изъ *Географовъ*, изъ *Генеалогистовъ*; первой изъ *Жизнописцевъ*, изъ *Поэтовъ*, изъ *Романистовъ*, и проч. и проч. Судите же о моемъ восхищеніи, когда я увидѣлъ пре-

красное *Путешествіе по Троадѣ Г. Шевалье*, которое еще болѣе утвердило меня въ прежнихъ мысляхъ; ученый Путешественникъ странствовалъ, съ Иліадою въ рукахъ, и нашелъ даже самыя малыя деревни, даже ручейки, о которыхъ упоминаетъ Поэма Греческій.

Но болѣе всего пріятно мнѣ было, что Г. Шевалье не только согласно говоритъ съ описаніемъ топографическимъ, которое всѣмъ извѣстно, но основывается на достовѣрныхъ свидѣтельствахъ важныхъ Писателей, ссылается на Сирабона, на ученыхъ Англичанъ — Попе, Моринта, Стуарта и проч., на лучшихъ изъ новѣйшихъ путешественниковъ, и торжествуетъ надъ маловѣрнымъ Бріаномъ, эпимъ Англійскимъ Пиррониспомъ, которой, какъ другой Гардуэнъ, не хочетъ даже согласиться, что Троя была во Фригїи.

И такъ я радовался опъ всего сердца трудами сего славнаго *Гомериста*, увѣнчаннаго блистательнымъ успѣхомъ краткаго изданія, быстро одно за другимъ слѣдовавшаго, какъ вдругъ досаднсе *лишьмо* переменило мысли мои по сему предмету, не смотря на всѣ свидѣтельства, на всѣ доказательства, на которыя путешественникъ ссылается.

Письму, о которомъ говорю, прошло уже болѣе ста лѣтъ, но до времени и числа нѣтъ нужды; достойно вниманія, что человекъ, написавшій его, не есть изъ числа обыкновенныхъ; онъ былъ Мужъ отличный ученостію, заслужившій дружбу и уваженіе Расина и Боало — сихъ защитниковъ Гомера и всѣхъ древнихъ. Къ нему Боало писалъ *лятое* свое посланіе. Письмо, опровергающее мнѣніе, въ которомъ мы до сихъ поръ такъ твердо были увѣрены, писано — къ Расину. Авторъ его есть — *Гильерагъ*, родившійся въ Бордо, бывшій сперва Президентомъ Палаты питейныхъ сборовъ того города, пошомъ комнатнымъ и кабинетнымъ Секретаремъ Королевскимъ, а наконецъ Посланникомъ въ Константинополь. Отправляя послѣднюю должность, онъ писалъ къ Расину слѣдующее:

Пера, въ домъ Французскаго правительсва, 9 Іюня 1684 года.

„Съ чувствительнымъ удовольствіемъ, Г. М. я читалъ письмо, которымъ вамъ угодно было почтить меня. Я живу далеко отъ васъ и отъ мѣста, гдѣ представляютъ ваши Трагедіи; слѣдовательно онѣ не могутъ на меня дѣйствовать столько, сколько на тѣхъ,

которыя видѣли ихъ на сценѣ; славная страна, воспѣтая вами въ стихахъ, мнѣ очень наскучила — со всѣмъ тѣмъ ваши сочиненія прекрасны. Такъ, Г. М. страна сія, о которой древніе Поэты и Историки говорили полъ много хорошаго, мнѣ очень не нравицца, и я теперь вижу, что они не были точными наблюдателями истины.

„Скамандръ и Симонсъ бывають безводны десять мѣсяцовъ ежегодно; жолобы ихъ высыхають совершенно и становяцца порожними рвами. Рѣку Гебръ можно причислить къ четвертому классу. Наполія, Понпъ, Никомедія, Иеака — нынѣ Кефалонія (*), — Македонія, области Ларисская и Аѳинская, никогда не могли вмѣщать въ себѣ и пятой части жителей того количества, о которомъ упоминають Историки. Никакъ не лзя повѣрить, чтобы страны сіи такъ были населены, какое бы ни прилагали о томъ стараніе. Пошва земли вездѣ камениста, суха и безводна: вездѣ видишь горы и

(*) Подъ именемъ Кефалоніи собственно разумѣють большой островъ; Иеака иначе называется малою Кефалоніею: обѣ находятся теперь въ числѣ семи острововъ Іонійской Республики. — *Издан.*

скалы голыя, которыя древнѣе всѣхъ Писателей. Пристань Авлидская въ совершенномъ запускѣнїи; но въ какомъ бы хорошемъ состоянїи она ни была, никогда не могла помѣститься въ ней тысяча кораблей Греческихъ — ниже тысяча лодокъ. Делось есть — голой утесъ; Циесра и Пафосъ — мѣста ужасныя. Циѳера, или Чериго, есть небольшою островъ, весьма непрїятной и безплодной. Нѣтъ мѣста, гдѣ воздухъ былъ бы заразителнѣе, какъ въ Пафосѣ, совершенно необитаемомъ. Наксъ не лучше его. Поэты, по видимому, опредѣляли обиталище Венеры въ нѣхъ мѣстахъ, въ которыхъ жили ихъ любезныя — но очень не ксшати. Умолчу о двухъ сѣахъ Епископскихъ Епархїй въ Греціи, упоминаемыхъ въ Церковной Исторїи, изъ которыхъ въ каждой находится не болѣе двенадцати приходовъ. Я хотѣлъ бы, чтобъ вы не забывали о привязанности, которую имѣю ко всему, что вамъ принадлежитъ; хотѣлъ бы получить извѣстїе о вашемъ семействѣ. Думаю, что маленькой Расинъ очень быстръ, и предвижу, что, возвращаясь въ отечество, не осмѣляюсь посчитаться съ нимъ въ знанїи древняго языка Греческаго; по крайней мѣрѣ удивлю его новымъ общенароднымъ,

которой также изпорченъ, также бѣденъ, какъ и сама Греція.“

Не смотря на ясныя доказательства ученаго наблюдателя Трояды, не смотря на довѣренность и почтеніе, которое должно имѣль къ важнымъ свидѣтелямъ, на которыхъ онъ ссылается, упоминаемыя въ письмѣ противорѣчія требуютъ опроверженія.

Остаюсь вашъ и проч.

(Изъ *Mercurie de France.*)

V.

Историческое извѣстіе о трехъ Альдахъ Мануціяхъ, славныхъ типографщикахъ своего времени.

(Изъ Французскаго Меркурія.)

„Де-Ту, говоря о Робертѣ Этьенѣ, полагаетъ, что Францискъ I. обязанъ сему типографщику своею славою болѣе, нежели великимъ своимъ подвигамъ, воинскимъ и гражданскимъ, и что Робертъ Этьенъ сдѣлалъ не только для Франціи, но для всѣхъ Христіанскихъ Державъ болѣе, нежели величайшіе Полководцы всѣми побѣдами и знаменитыми дѣлами. Въ наше время

такая похвала показалась бы смѣшною; но Де-Ту сказалъ совершенно правду. Въ самомъ дѣлѣ Франція одолжена и скорыми успѣхами въ Словесности и прекращеніемъ всѣхъ золъ, подъ которыми страдало человѣчество — Роберту Этьеню и его сыну Генриху.

Типографчикъ, котораго имя долженствуетъ, есльи только возможно, бытъ еще почтеннѣйшимъ для потомства, нежели имена самыхъ Этьеней, есть Альдъ старшій, которой, родясь прежде ихъ, и ближе къ эпохѣ возстановленія Наукъ, открылъ имъ дорогу трудами великими, превосходящими вѣроятіе нашихъ современниковъ.

Этьени имѣли двухъ Историковъ, возвѣстившихъ потомству дѣла ихъ, Жанссона Альмеловена и Мешпера, которыхъ сочиненіе довольно изрядно. Многіе Библіографы равнымъ образомъ трудились надъ жизнеописаніями Альда, Павла Мануція — сына его, и Альда младшаго — его внука, и издали списки напечатаннымъ отъ нихъ книгамъ. Но изысканія ихъ вообще были очень несовершенны. Г. Ренуаръ — Сочинитель *Лѣтолиси* — безъ всякаго противорѣчія, первой издалъ полную Исторію сихъ трехъ типографчиковъ, и сочинилъ почной, обстоятельной

списокъ всѣмъ книгамъ, вышедшимъ по ихъ старанію.

Надѣюсь, что никто не почтетъ бесполезно потеряннымъ времени, употребленнаго на собираніе анекдотовъ жизни сихъ ученыхъ, трудолюбивыхъ Мужей, и на сочиненіе критическаго каталога превосходныхъ, рѣдкихъ сочиненій, напечатанныхъ въ ихъ типографіи; надѣюсь; по крайней мѣрѣ, что упреки — естли кшо нибудь дѣлаеть ихъ — выходящъ изъ усть мѣлкихъ Словесниковъ, едва умѣющихъ марасть неглѣпыя, ребяческіе Романы; но люди благомыслящіе, умные, любящіе Науки и почитающіе тѣхъ, которые со славою занимались ими, и еще съ большею разпространили ихъ въ мірѣ — люди съ признательностію воспоминающіе благодѣянія, излишныя на человечество сими Папріархами Учености, съ удивленіемъ взирающіе на невѣроятныя труды ихъ — сіи люди, безъ сомнѣнія, одобрятъ изысканія Г. Ренуара — и одобренія ихъ награждать съ избыткомъ за несправедливой приговоръ легкомыслія и невѣжества.

Альдъ старшій родился въ половинѣ пятнадцатаго вѣка, когда недавно изобрѣтенное искусство книгопечатанія и пришествіе Грековъ, убѣжавшихъ отъ

свирѣпаго завоевателя Восточной Столицы, одушевили въ Европѣ, и особливо въ Италіи, ревность къ Наукамъ и охоту ко всѣмъ изящнымъ знаніямъ. Славные Профессоры языковъ, Кальдерино — Греческаго, и Гварини — Латинскаго, были его Учишелями. Многочисленные изданія съ прекрасными предисловіями, писанными имъ на обоихъ языкахъ, показываютъ, съ какою пользою онъ слушалъ ихъ наставленія.

Первое сочиненіе вышло изъ типографіи Альдовой въ 1496 году, въ Венеціи. Надобно думать, что славный Пикъ де ла Мирандоль, и Князь Карпи, ученикъ Альдовъ, извѣстный своими несчастіями и спранныостями — въ разсужденіи Богословскихъ распрей, употребили собственныя издержки на первое заведеніе; ибо Альдъ былъ не богатъ. Онъ умеръ спустя потомъ двадцать одинъ годъ, имѣя отъ роду около семидесяти лѣтъ: едва повѣришь можно, сколько успѣлъ онъ сдѣлать въ столь короткое время. Онъ выдалъ первыя изданія Аристотеля, Платона, Аристофана, Эхила, Софокла, всѣ сочиненія Эврипида, Пиндара, Арата, Геродота, Эукидида, Аеенея, Гезихія, Гарпократіона, Филострата, Поллукса, Ликофрона, Сте-

Фана Византійскаго , Діонисія Періегета , Музея , Квинпа Смирнскаго , Колуѳа , Трифїодора , многихъ Орапоровъ , Риторовъ и Эписполографовъ Греческихъ , Нравоучительныя сочиненія Плутарховы , и проч. Не упоминаю о множествѣ другихъ , болѣе или менѣе важныхъ , сочиненій на Латинскомъ и Италіянскомъ языкахъ , и о разныхъ изданіяхъ , печатанныхъ вторымъ писаніемъ.

Кто изъ нынѣшнихъ типографчиковъ рѣшится на такія предпріятія ? кто осмѣлится даже подумать о нихъ ? Но удивленіе должно превышать всѣ мѣры , естли предсавить еще , съ какими трудностями сопряжены были первоначальныя напечатанія. Надлежало пробирашьяся пушями непроходимыми , новыми ; надлежало разбирать древнія рукописи , по большой части дурно написанныя , наполненныя затруднительными сокращеніями , искаженныя во всѣхъ отношеніяхъ ; надлежало сличать ихъ — продолжительная , несносная работа ! — выбирать между несходными мѣстами лучшія ; для всего этого потребны умъ , вкусъ и обширныя знанія. Ясно , что Альду необходимо надлежало бытъ не только содержателемъ типографіи , но и

Ученымъ, и Кришикомъ — по счастію, былъ онъ и шѣмъ и другимъ.

Бывъ столько же скромнымъ, сколько умнымъ, ревнуя болѣе всего къ славѣ и пользѣ просвѣщенія, Альдъ соснавилъ общество изъ Ученыхъ Мужей, подъ названіемъ *Новой Академіи*, съ копорымъ совѣповался при выборѣ для напечатанія неизданныхъ еще сочиненій, и при кришическомъ разсматриваніи текстовъ. Въ числѣ Членовъ сей Академіи были: Андрей Навагеро — копорый каждой годъ въ честь Катуллу сожигалъ по одному экземпляру Марціала; славный Кардиналь Бембо; Монахъ Больцани — первый изъ писавшихъ на Латинскомъ языкѣ о правилахъ Греческой Грамматики; Алціоніо. — копораго обвиняють въ умысленномъ изпребленіи единственнаго рукописнаго Цицеронова трактата о славѣ, послѣ того какъ переписалъ лучшія изъ него мѣста въ свои сочиненія; Грекъ Музуро, ученнѣйшій Мужъ своего времени; Димитрій Халкондилъ — копорому обязаны мы первымъ изданіемъ Гомера, и Алеандро — бывшій потомъ Кардиналомъ и игравшій славную роль въ дѣлахъ церковныхъ шестнадцатаго вѣка.

Остающееся отъ занятій по типографіи время Альдъ употребилъ на напи-

саніе полезныхъ сочиненій; онъ выдалъ Латинскую Грамматику — въ ту эпоху самую лучшую, Трактатъ о стопосложеніи Гораціевомъ — послѣ вновь напечатанный много разъ, Словарь Греческой и Латинской — которой не можетъ сравниться съ вышедшими потомъ, но въ то время былъ единственною употребительною книгою въ своемъ родѣ. Сверхъ того занимался примѣчаніями на разныхъ Авторовъ, переводами и мѣлкими сочиненіями.

Альдъ не имѣлъ недостатка и въ непріятеляхъ: ибо украшался достоинствами и оказалъ Свѣту важныя услуги. Безстыдный Урцей Кодръ упрекалъ его въ томъ, что онъ очень дорого продавалъ книги и не выправлялъ ихъ съ надлежащимъ спараніемъ. Г. Ренуаръ оправдываетъ его въ неискренности; а небольшое имѣніе, оставленное имъ послѣ смерти, доказываетъ, что и другое укореніе столько же справедливо, какъ и первое. Г. Бурины, по моему мнѣнію, не правъ; положась на слова Урцея, онъ утверждаетъ — въ жизни Эразма — будто Альдъ книжною торговлею нажилъ великое богатство. Скалигеръ, которому болѣе можно повѣрить, свидѣтельствуемъ, что Альдъ напечаталъ невѣроятное мно-

жество книгъ , и со всѣмъ тѣмъ — былъ бѣденъ.

Андрей Азола , шестъ Альдовъ , заступивъ его мѣсто , издалъ многихъ Авторовъ , и его изданія столько же уважаются , какъ Альдовы. Доспойнѣйшія примѣчанія книги , вышедшія изъ его типографіи , суть : первыя тисненія Галіена , Иппократа , Страбона , Павзанія , Артемидора и Павла Эгинскаго.

Въ 1553 году Павелъ Мануцій , сынъ Альдовъ , получилъ имѣніе и типографію своего отца. Онъ издалъ не многихъ Греческихъ Авторовъ : жатва съ поля сего почти вся была собрана. Латинская Словесность оставалась единственнымъ предметомъ трудовъ его. Кромѣ прочихъ Писателей , онъ особливо прилѣпился къ Цицерону , и напечаталъ множество изданій его твореній , которыя обогатилъ своими учеными примѣчаніями , уважаемыми даже въ наше время. Павелъ Мануцій образовалъ слогъ свой прилѣжнымъ чтеніемъ сего великаго Оратора , и почитался однимъ изъ лучшихъ его подражателей. Это была господствующая мода того вѣка. Авторы одинъ передъ другимъ старались писать слогомъ Цицероновымъ ; нѣкоторые зашѣйливую страсть свою проспиранили до того , что не позволяли себѣ упо-

треблять словъ, которыхъ не находили въ его сочиненіяхъ. Кардиналь Бембо говорилъ о Богѣ всегда въ числѣ множественномъ. Въ одномъ изъ своихъ писемъ онъ упоминаетъ, что Папа взошелъ на престолъ Римскій по благоизволенію Боговъ безсмертныхъ: *beneficio Deorum immortalium*; въ грамотѣ, которую написалъ отъ имени Леона къ Франциску, убѣждая Короля сего начать войну противъ Турковъ, говоритъ онъ, по обычаю язычниковъ: *per Deos atque homines* (именемъ Боговъ и теловъковъ). Религія Христіанская не называлась тогда *fides* (вѣра), но *perfuasio* (увѣреніе), Евхаристія не *sacramentum corporis Domini* (таинство тѣла Христова), но *sacrosanctum cibulum* (освящающая лепешка) — что гораздо ближе къ свойству языка Латинскаго; не *excommunicate* — слово неизвѣстное Древнимъ — (выключить изъ общества), но *diris devovere* (передать Фуріямъ) — что также по-Латынѣ очень красиво. Наконецъ Цицерониспы, если бы только осмѣлились, назвалибъ Иисуса Христа *Ювет ортімъ тахітмъ* (Юпитеромъ всеблагимъ, величайшимъ), потому что имени Спасителя не находилъ въ твореніяхъ Цицероновыхъ; но страхъ удержалъ ихъ отъ сей крайности. — Павелъ Мануцій

не впалъ въ это заблужденіе, смѣшное и нелѣпое; онъ подражалъ Цицерону, но подражалъ съ благоразуміемъ и осторожностію.

Павелъ Мануцій, въ качествѣ типографщика, долго удерживалъ при себѣ превосходство, такъ же, какъ и отецъ его; но въ послѣдніе годы его жизни типографія начала приходиль въ упадокъ: печатаемыя въ ней сочиненія были неисправны; Словесность уступила мѣсто Схоластической Философіи, Богословіи и Юриспруденціи. Сіе соспояніе продолжалось и при Альдѣ младшемъ, которой въ 1574 году вступилъ въ опправленіе дѣлъ опца своего, Павла Мануція, умершаго въ Римѣ въ то же время.

Альдѣ младшій очень рано — ранѣе, нежели ожидать было можно — оказалъ свои дарованія. Имѣя отъ роду одиннадцать лѣтъ, онъ выдалъ собраніе лучшихъ отрывковъ изъ Латинской и Италіянской Литературы, извлеченныхъ со вкусомъ и выборомъ знашока; оно было напечатано много разъ. Въ четырнадцать лѣтъ издалъ превосходной Трактатъ систематической о Латинской Орфографіи; сіе сочиненіе, основанное на достовѣрности древнихъ памятниковъ и рукописей, такъ же много разъ было напечатано, и заслужи-

васть, чтобы читали его даже в наше время. Альд младший, рожденный, кажешся, для блистательнѣйшихъ успѣховъ в Словесности, не былъ изъ числа типографщиковъ самыхъ исправныхъ. Характеръ его имѣлъ въ себѣ нѣчто нервнѣе, непостоянное, — что много вредило счастливымъ его склонностямъ, и препятствовало ими пользоваться. В Словесности онъ не вознесся выше границъ посредственности, и книги, вышедшія изъ его типографіи, которою десять лѣтъ распоряжалъ какой-то иностранецъ, имѣютъ достоинство только передъ глазами Библиомановъ, хранящихъ всѣ изданія Альдовъ, начиная отъ дѣда до внука. Альд младший умеръ в 1597 году, и съ нимъ погасло имя, которое дѣдъ и отецъ сдѣлали столько славнымъ.“

Далѣе, Рецензентъ, отдавая справедливую похвалу книгѣ Ренуаровой, говоритъ, что приложенный при ней прекрасный списокъ всѣмъ напечатаннымъ в типографіи Альдовъ сочиненіямъ есть — *образцовое произведеніе* въ своемъ родѣ, необходимо нужное для Библиотекарей, Библиографовъ, Библиомановъ и книгопродавцевъ, шѣмъ болѣе, что Г. Ренуаръ самъ видѣлъ почти всѣ изданія, о которыхъ упоминаешъ, пересматривалъ

и сначала разные экземпляры, многие годы занимался своимъ дѣломъ съ неусыпнымъ прилѣжаніемъ, и ничего не упустилъ изъ виду, чтобы сдѣлать книгу свою соответствующею предположенной цѣли во всѣхъ отношеніяхъ.

VI.

О нѣкоторыхъ сочиненіяхъ Графа Альфieri.

Сей славный Поэтъ умеръ во Флоренціи въ началѣ минувшаго Октябрю мѣсяца, имѣя отъ роду 60 лѣтъ. Оригинальный талантъ его, пылкій характеръ, вліяніе — которое имѣлъ онъ на мнѣнія политическія, возникшія въ Италіи въ концѣ осмнадцатаго вѣка — пріобрѣли ему великую славу въ Европѣ. Трагедіи его переведены на Французской языкъ. Не ставя ихъ наравнѣ съ образцовыми произведеніями великихъ Писателей, всѣ согласны, по крайней мѣрѣ, въ томъ, что онѣ спличаются новыми мыслями, что Поэтъ, при всей пылкости воображенія, никогда не удалялся отъ строгихъ правилъ драматическихъ, и что Театръ

его ближе къ совершенству нашего, нежели всѣ Театры иностранные. Прочія сочиненія Альфіери — разныя стихотворенія, довольно пространная Поэма о смерти Александра Медичиса, и два Трактата политическіе — меньше извѣстны.

Если правда, что характеръ Поэша иногда обнаруживается въ его сочиненіяхъ, то можно сказать, что произведенія Графа Альфіери представляютъ тому ясный примѣръ. Въ нихъ виденъ человекъ, управляемый сильными страстями, пламенѣющей желаніемъ свергнуть съ себя иго свѣтскихъ приличій, и соединяющей въ себѣ чудныя противоположности — весь жаръ самой нѣжной чувствительности съ холодными теоріями нынѣшней Философіи. При первомъ вступленіи въ свѣтъ, онъ вознегодовалъ на правила, противныя его склонностямъ, и съ тѣхъ поръ предался мрачному человеконенавидѣнію, очернившему въ глазахъ его всѣ окружающіе предметы; онъ изрекъ въ душѣ своей обѣтъ — разрушить зданіе общества, въ которомъ самъ долженствовалъ занимать оплечное мѣсто. Сіе расположеніе духа заставило его предаться трудамъ и размышленію; онъ не могъ потушить въ себѣ пожирающаго пламени и,

для утѣшенія себя, рѣшился разпространить пагубное ученіе своихъ заблужденій.

Со всѣмъ тѣмъ чувства крошкѣя не были чужды ему; часто въ самомъ пылу негодованія и бѣшенства, видно въ немъ мягкосердіе самое нѣжное. Нѣтъ сомнѣнія, что въ молодости онъ жестоко былъ огорченъ или униженіемъ, или неудачами, и что нынѣшняя Философія доставила ему способы удовлетворить свою досаду; но видно, что характеръ его, самъ по себѣ, былъ добръ, заблужденія не закоренѣлы. Сія противоположность чувствъ особливо находилась въ нѣкоторыхъ изъ его Трагедій: не многіе Поэты выводили на сцену такихъ любезныхъ женщинъ, не многіе умѣли представить ихъ столько занимательными. Въ ихъ уста влагаетъ онъ такіа слова, которыя съ убѣдительною пріятностію изображаютъ добродѣтель чистѣйшую. Такъ въ Трагедіи *Пацци*, среди ужасныхъ свирѣпствъ, умышляемыхъ Раймондомъ, Гильйомомъ и Сальвіатіемъ, духъ успокоивается характеромъ Бланки, соединенной съ обѣими сторонами узами священнѣйшими, которая старается примирить ихъ, неукропимой ярости противопоставляя жалобныя взыванія любви супружеской и нѣжности братской. Въ Трагедіи *Саулъ*,

Миколь — колеблющаяся между любовью, не похожею одна на другую, покорная дочь и страстная супруга человека, гонимаго опцемъ ея, гошова ушѣшаньшого, опъ кого должна отказаться, представляеть подобной контрастъ. Равнымъ образомъ, въ Трагедіи *Агисъ*, дочь Леонидова, вышедшая за Героя, старается всѣми способами — какія Натура даетъ матери и супругѣ — утишить вражду, раздирающую семейство.

Графъ Альфіери собственнымъ примѣромъ оправдалъ мнѣніе, которое подалъ о себѣ симъ соединеніемъ чувствъ, столько противоположныхъ. Пока не видѣлъ несчастій, которыя влечеть за собою переменна правленія, до тѣхъ поръ сильно желалъ ее; но какъ скоро революція ознаменовалась во Франціи ужасами и кровопролитіемъ — онъ отрекся отъ своихъ правилъ и старался уничтожить политическія сочиненія, въ которыхъ проповѣдывалъ пагубную систему. По несчастію, его усилія были тщетны; нѣсколько экземпляровъ изданія нашлось во Франціи: одинъ книгопродавецъ напечаталъ главнѣйшія сочиненія; и сіи книги, во множествѣ появившіяся въ Италіи, споспѣшествовали къ подкрѣплению духа безначалія и крамолы, которой

и теперь еще тамъ не погасъ совершенно. Числосердечное раскаяніе Г. Альфіери должно примирить съ нимъ всѣхъ, которые захотѣли бы упрекать его въ распространеніи пагубныхъ правилъ; онъ жестоко наказанъ уже и тѣмъ, что опровергающіе вновь принятыя мнѣнія его ссылались на его же собственные сочиненія, отъ которыхъ онъ отрекался шщетно.

Чтобы дать понятіе о талантѣ и характерѣ Поэта, переведемъ нѣкоторыя мѣста изъ его сочиненій. Поэма: *Отмщен-ная Этрурія*, написана въ родѣ эпопеи. Авторъ старается доказать истину своихъ правилъ безначалія событіемъ произшествій, и выбралъ Героемъ Поэмы Лавренція Медициса, прозваннаго *Лоренцино*, которой погубилъ Александра, Герцога Тосканскаго. Дѣйствіе въ ней совершенно вымышленное. Лавренцій, раздраженный тиранскимъ правленіемъ Александра, видитъ во снѣ многихъ великихъ людей древности, которые убѣждаютъ его возвратить свободу опечеству; снѣ въ ярости пробуждается и принимаетъ рѣшительное намѣреніе умершвить Герцога. Государя также безпокоило сновидѣніе; ему являлся Страхъ, лице аллегорическое; снѣ предвидитъ свой жребій, шрепещетъ,

созываетъ Совѣтъ, на которомъ вельможи государственные и духовные представлены ненавистнѣйшимъ образомъ. Поэтъ, воспользовавшись симъ случаемъ, описываетъ чертоги Медицисовъ, и негодуетъ на славныхъ Живописцевъ, изобразившихъ великія дѣянія сего знаменитаго поколѣнія. Между тѣмъ Александръ плѣняется сестрою Лавреншійя, приказываетъ заключить въ темницу юношу, которому она была назначена въ замужство, и намѣревается употребить всѣ средства или къ соблазну или къ насилію. Поэтъ весьма живо представилъ сѣтованіе семейства. Въ то самое время, какъ Лавреншій хотѣлъ выйти изъ дому, является передъ нимъ мать его въ печальной одеждѣ; лице ея показываетъ, какою горестію терзается ея сердце. Дочь приходитъ вмѣстѣ съ нею. „Вдова несчастная! „что привязываетъ тебя къ жизни? Ты „лишилась супруга; двое дѣшей — вопль „все, что у тебя осталось! Лавреншій „и Бланка, послѣдніе залого любви уви- „дѣли свѣтъ въ одно время; скоро потомъ смерть неумолимая похитила супруга . . . Всѣ попеченія, всѣ надежды „ея клонились къ одной цѣли — къ миломъ младенцамъ, которыхъ смерть „пощадила. Первые дни жизни ихъ про-

„текли подѣ неусыпнымъ надзираніемъ
 „нѣжной машери; каждая слеза ихъ не-
 „посредственно падала на ея сердце. Кто
 „опредѣлитъ мѣру заботъ ея? кто вы-
 „разитъ, какія перемѣны страха и на-
 „дежды она испытала? Сколько разъ воз-
 „водила къ Небу плачущіе глаза, прежде
 „нежели дѣти достигли пятнадцатилѣт-
 „няго возраста? Уже добродѣтели и благо-
 „разуміе Лаврентія, милая прелестіи
 „Бланки, почти изгладили въ памяти ея
 „прежнія несчастія; уже видѣла въ нихъ
 „подпору старости своей; но наступилъ
 „день, въ которой любимыя дѣти должен-
 „ствуютъ быть для ней предметомъ
 „безпокойствъ ужасныхъ; она видитъ
 „ясно, что Парка, управляемая злобною
 „жалосію, продлила жизнь ея для новыхъ
 „мученій.“ Мать увѣдомляетъ Лаврен-
 тія о намѣреніи Александровомъ въ раз-
 сужденіи Бланки. Можно догадаться,
 какой гнѣвъ произвело въ немъ открытіе
 такого безчестія; онъ выходитъ въ
 бѣшенствѣ.

Въ полночь Александръ прокрады-
 вается въ домъ Бланки. Лавренцій схва-
 тываетъ его, и прежде, нежели предастъ
 смерти, вступаетъ съ нимъ въ разго-
 воръ, въ которомъ видны всѣ крайности
 свирѣпства и мщенія. Этотъ разговоръ

заслуживаетъ быть извѣстнымъ, по край-
ней мѣрѣ по тому, что мало видимъ ему
подобныхъ. Александръ укоряетъ Лаврен-
тія въ вѣроломствѣ, и напоминаетъ, ка-
кую милость оказалъ ему, принявъ его
ко Двору. „Такъ! отвѣчаетъ сей послѣд-
ній: я тотъ Лавренцій, который поко-
рлся зашѣйливымъ прихотямъ твоимъ,
какъ покоряется рабъ волѣ своего вла-
стелина; тотъ, котораго честь и сво-
бода теперь вооружаютъ для погубле-
нія тебя. Какимъ образомъ ты пришелъ
сюда? для чего? Кто изъ насъ подлый, вѣ-
роломный? Говори, говори прежде, нежели
этотъ кинжалъ обогрится твоею кровію:
не ты ли имѣлъ гнусное намѣреніе обез-
честить сестру мою? не ты ли хотѣлъ
отягчить меня игомъ тиранства новаго,
неслыханнаго? И ты дерзнулъ, и ты
надѣялся пережить беззаконной посту-
покъ! О! постараюсь вывести тебя изъ
сего заблужденія. Знай, что я не былъ
спокоенъ ни минушы, живучи при не-
чесливомъ Дворѣ твоёмъ; знай, что я
ползалъ передъ тобою, говорилъ язы-
комъ льстеца, чтобы скрыть отъ тебя
тайну моихъ намѣреній — но сердце мое
алкало твоей гибели; оно алкало ее
не для того, чтобы освободить себя
отъ твоего тиранства, но чтобы из-

„бавишь согражданъ моихъ опѣ чудовища.
 „Ты пишалъ въ вѣроломной душѣ швоей
 „злобу неукропимую въ то самое время,
 „когда хотѣлъ имѣть меня въ числѣ
 „твоихъ ласкашелей; ты радовался, видя
 „меня рабомъ своимъ, и ожидалъ непер-
 „пѣливо случая, при которомъ укоренив-
 „шаяся власшь твоя могла бы меня пре-
 „дать смерти. Въ мрачныхъ взорахъ
 „твоихъ, въ прищворныхъ улыбкахъ я
 „читалъ твои замыслы. Не думай, что
 „боязнь удержала меня напасшь на тебя,
 „окруженнаго льстецами; ненависть моя
 „столь велика, что я охотно бы согласил-
 „ся умереть съ условіемъ, чтобы ты по-
 „гибъ прежде моей смерти. Но я не имѣлъ
 „вѣрнаго случая нанести тебѣ ударъ
 „смертоносный: вотъ что удерживало
 „меня! Теперь говори, прежде нежели
 „рука моя сразитъ тебя; говори, согла-
 „шаюсь слушать, и проч.“ Этотъ раз-
 говоръ показываешъ обдуманную жесто-
 кость и напоминаешъ нравы Италіян-
 цевъ, которыми они отличались въ свое
 время. Тогда долго прудились надъ из-
 обрѣтеніемъ средствъ ко мщенію, и равно-
 душно производили ихъ въ дѣйство. Одна-
 кожъ Герой Поэмы представленъ не совсѣмъ
 подлымъ убійцею; Лаврентій предлагаешъ
 врагу своему поединокъ; получивъ отвказъ,

отдаетъ ему кинжалъ, и позволяетъ самому лишиться себя жизни; наконецъ вонзаетъ оной въ грудь его. Эта сцена слишкомъ ужасна, отвратительна для Поэмы. Альфіери хотѣлъ съ историческою точностію представить нравы того времени, къ которое жили выводимыя имъ лица, но упустилъ изъ виду правило, что въ подобныхъ обстоятельствахъ Поэтъ можетъ и долженъ позволить себѣ нѣкоторыя ограниченія, еслили хочетъ представить картину идеальнаго изящества.

Безпрестанныя движенія душевныя сократили жизнь Графа Альфіери; въ тишинѣ уединенія онъ не могъ наслаждаться спокойствіемъ — симъ источникомъ благополучія. Изъ эпиграфѣи, сочиненной имъ самимъ за пять лѣтъ прежде смерти, видно, что онъ давно скучалъ жизнью. Вотъ начало ея: *Quiescit hic tandem Victorius Alfieri.* *Наконецъ здѣсь покоится Викторій Алфіери.* Онъ погребенъ во Флоренціи, въ церкви Святаго Креста — въ которой обыкновенно хоронятъ Мужей, отличившихся дарованіями. Увѣряють, что послѣ его остались переводы Саллустія, Энеиды и двухъ трагедій Эврипидовыхъ, двѣ трагедіи и столькожъ комедій своего сочиненія, и что все это

напечатается въ Ипаліи въ непродолжительномъ времени.

(Изъ *Mercur de France.*)

VII.

Спящіе люди.

Холодной нашъ Сѣверъ съ древнихъ временъ терпитъ злословіе Писателей. Не одни только современные намъ иностранцы на счетъ его сплетаютъ разныя небылицы, и выдають нелѣпыя сновидѣнія за истину неоспоримую. Геродотъ рассказываетъ — съ благоразумною однакожь недовѣрчивостію — о народахъ, въ глубокомъ Сѣверѣ обитающихъ, которые при наступленіи зимы засыпають ровно на полгода, — о народахъ съ козьими ногами, объ одноокыхъ и проч. Послѣдовавшіе за нимъ Писатели передавали одинъ другому сіи вѣсти, сохранившіяся благополучно до временъ новѣйшихъ. Александръ Гванини въ Географическомъ описаніи Россіи повѣствуетъ о томъ съ нѣкоплыми подробностями. „О Лукоморіи, говоритъ онъ, области, прилежащей Ледовитому Океану, сказываютъ, что

нѣкоторые народы той страны Ноября въ 27й день каждаго года отъ чрезмѣрной спужи замирають , подобно ласточкамъ и лягушкамъ, а 24го Апрѣля опять оживають. Торговля не терпитъ остановки отъ сего обстоятельствова ; ибо, чувствуя приближеніе зимней смерти своей, они выкладываютъ товары на извѣстныхъ мѣстахъ, которые *Грустинцы и Сперновцы*, ихъ сосѣды, увозятъ, оставивъ на томъ же мѣстѣ свои, равной цѣны стоящіе. Проснувшіеся забирають заграничныя произведенія, и оставляють оныя у себя, естли обмѣнъ не кажется имъ убыточнымъ : въ противномъ случаѣ требуютъ назадъ своихъ товаровъ, что часто бываетъ причиною войны и несогласій. Въ рѣкѣ *Таминѣ*, текущей чрезъ страну сію, водятся рыбы съ головою, руками и ногами теловѣтскими. Сверхъ того находятся тамъ люди косматые, съ собачьими головами, и живутъ въ пещерахъ и подземельяхъ.“ Удивительно, какъ Леклеркъ — великой охотникъ до басенъ сего рода — пропустилъ внести это въ написанную имъ Россійскую Исторію !

Н. Н.

VIII.

П о с л а н і е

КЪ А* И* П* * *.

Ah! ne l'oublions pas^a, à la ville, au village,
Le bonheur le plus doux est celui qu'on partage!
Delille.

Взглянулъ на юной лугъ — и сердце взвол-
новалось ;
Въ воображеніи все ясно начерталось
Любезное душѣ и памяти моей
Тѣхъ милыхъ для меня и незабвенныхъ дней,
Когда мы всѣ часы, мой другъ! съ тобой
дѣлили ;
И вмѣстѣ подъ твоимъ смиреннымъ кровомъ
жили. . .
Везцѣнные часы! . . Ахъ! вспомни, нѣжной
другъ!
Какъ вышли въ первой разѣ мы на весенній
лугъ ;
Какъ всякой травкою, листочкомъ любовались ;
Какъ живо прелестями Натуры наслаждались ;
Съ какими чувствами климатъ щасливой (*)
швой
Хвалилъ я — и желалъ въ немъ вѣчно жить
съ тобой ;

(*) Малороссію.

Какіе замки мы на воздухѣ пворили ;
 Какіе родники блаженства находили ;
 Съ какимъ восторгомъ душѣ спѣшили каж-
 дой день
 Рабуховскихъ (*) березѣ и липѣ въ прохладу тѣнь !

Сей Англійской твоей садъ — богатый
 красою

Природы лишь одной, гдѣ все ея рукою,
 Безъ попу и трудовъ людей, подобныхъ намъ,
 Къ веселью чистому доставлено глазамъ ;
 Гдѣ Гиршфелдъ не имѣлъ участья никакова,
 И гдѣ не встрѣшится вамъ бюсты Нерона
 злова (**) —
 Былъ сценою для насъ пріятнѣйшихъ часовъ:
 Тамъ въ сладкой тишинѣ прекрасныхъ вече-
 ровъ

Друзья на зелени Китайской нектаръ пили
 Изъ рукъ Харитиныхъ, рѣзвились, шутили;
 Мораль, Полишика, входили въ разговоръ,
 И въ воздухѣ гремѣлъ Софисшовъ жаркихъ
 споръ ;

(*) Имя роши его.

(**) Я видѣлъ въ одномъ изъ лучшихъ Московскихъ садовъ бюсты Нерона, Калигулы, Агриппины и подобныхъ имъ: не знаю, можетъ ли сердце искать наслажденія тамъ, гдѣ попадаются такіе предметы!

Любезная Пазюръ (*) за бабочкой лукавой
 Гонялась искренно — и къ маменькѣ со славой,
 Съ пылающимъ лицомъ и съ щасшьемъ на
 очахъ
 Бѣжала. . . „Что, Пазюръ! ужь бабочка въ
 рукахъ?“ —
 „Нѣтъ, маменька! я тамъ, тамъ — види-
 те лужочикъ?
 Вотъ эштопъ сорвала голубинькой цвѣточикъ.“
 Невинность милая! . . . Какъ другъ вашъ
 лобызалъ
 Любимицу свою! какъ съ нею онъ игралъ
 Въ горѣлки, въ мячики! . . . Ахъ! сладостно
 вздыхаю!
 И юность собственну щасшливу вспоминаю.
 Не знаю, можетъ ли кто юность вспомянуть,
 И съ умиленіемъ сердечнымъ не вздохнуть!

Вдругъ видимъ: на лугу тѣнь длинная
 ложится,
 Сближается — и чтожь? . . . съ улыбкою
 явится
 Корнелій - Нелопѣ (**) къ намъ. . . безцѣн-
 ной сердцу кладъ! . . .
 Какъ искренне ему изъ насъ былъ каждой радъ!

(*) Такъ прозвалъ онъ маленькую дочь свою,
 съ которою былъ я очень друженъ.

(**) Общій нашъ пріятель, которому мы дали
 это имя.

Веселье новое нашъ кругъ одушевляло ;
 Смѣхъ громкой эхо шамъ — за холмомъ по-
 вторяло :
 Нашъ Непотъ тысячу вѣстей, каррикатуръ
 Распишетъ потчасъ намъ — и всякой разъ
 Амуръ
 Началомъ и концомъ его картинамъ служитъ :
 Мой рыцарь съ нимъ живетъ — и щаспливъ,
 и не тужитъ. . . .
 И кто съ товарищемъ, друзья! любезнымъ симъ
 Не будетъ жребіемъ доволенъ вѣкъ своимъ ?
 Съ нимъ хижина — чертогъ ; скамейка —
 тронъ Моголовъ. . .
 По крайней мѣрѣ съ нимъ ни золота, ни проновъ
 Сіанье ложное не ослѣпитъ очей. . .
 Ахъ ! благомъ истиннымъ, вѣрнѣйшимъ жи-
 зни сей
 Во всякой долбѣ я съ Дельфирой наслаждался,
 И надъ Фортуной бы отъ всей души смѣялся ! —
 Но ежели Любовь мой скромный вѣ мірѣ пущь
 Не краситъ розами, и ежели мнѣ вѣ грудь
 Блаженства своего — увы ! не проливаетъ :
 То Дружба дни мои щаспливитъ — украшаетъ.
 Ея щедротамъ вновь обязанъ я тобой ;
 Она, мой милый ! насъ и сердцемъ и душой
 (Имѣю опыты) навѣкъ соединила ;
 Она источникомъ обильнѣйшимъ служила
 Отрады сладкой мнѣ — и будешь вѣкъ слу-
 житьъ,
 Далеколь, близколь рокъ съ тобой велитъ
 мнѣ жить.

Все это вспомните, разсмѣйтесь и —
вздохните,
Любезные мои! . . . Такъ, вздохомъ принесите
Дань другу вашему, которой *тасто* вамъ
Сердечну дань сію, друзья! приносятъ самъ.

К. Ш — вѣ.

IX.

*Въ день имяннѣ сестры моей,
при подаркѣ простылъ золотымъ колеткомъ.*

Такъ братская любовь проста и безконечна! . . .
Эмблемою ея твой братъ тебя даритъ,
Съ желаньемъ пламеннымъ: „да радость ввѣкъ
сердечна
Дни крошкіе твои всечасно золотитъ!“

К. Ш — вѣ.

X.

*Къ воздушнымъ путешественникамъ
въ Москвѣ, 8 Мая, 1804.*

Геройской духъ вѣнца безсмертія желаетъ! . . .
И Женщина - Герой
Нашъ лучшій фиміамъ конечно почищаетъ
За дымъ простой.

Но землю посѣщать, къ несчастью, не намб-
 ренъ
 Юпитеръ болѣе, — я съ вами въ томъ увѣренъ!
 Чтожъ дѣлать?.. На Олимпъ къ Юпитеру
 лепѣть,
 Всѣ ужасы пуши, Юнониѣ гнѣвъ презрѣть...
 Хвала безстрашию!.. Щастливый путь!..
 простите!
 И опъ Юпитера вѣнцы свои примите!

К. Ш — въ.

XI.

Акrostихъ новаго рода.

Britannique
 Orgueil!
 Napoleon
 Avant
 Dieu,
 Aura
 Réprimé
 Tes
 Succès.

Э П И Т А Ф І Я

Ж. Ж. Руссо.

Англичанинъ Овенъ, Издапель Путешествія по разнымъ странамъ Европы, (*Travels in to different parts of Europe*) во вѣпоромъ томъ сего сочиненія на страницѣ 291, помѣстилъ слѣдующую Французскую эпиграфю славному Ж. Ж. Руссо. Онъ говоритъ, что нашелъ ее въ Лозаннѣ:

Ci git Rousseau! chez lui tout fut contraste.
 Il aima les humains, mais ce fut pour les fuir;
 Il perdit sa patrie, en voulant la servir;
 Modeste avec orgueil, il fut pauvre avec faste;
 Ne fut pas vivre — et fut mourir.

Сія эпиграфя, по мнѣнію нашему, достойна того, чшобъ молодые наши Поэты потрудились перевести ее на отечественный языкъ. Мы съ удовольствіемъ помѣстилибъ лучшіе переводы въ Вѣстникъ.

*Парижскія моды.**Марта 30 го.*

Пунцовый цвѣтъ употребителенъ наиболѣе какъ для мужскаго, такъ и для дамскаго параднаго платья. Часто въ большихъ бесѣдахъ видають мужа и жену въ пунцовыхъ бархатныхъ, вышитыхъ серебромъ, платьяхъ.

Есть ли у васъ роба изъ Индѣйской кисеи, бѣлая или нанкиноваго цвѣту съ краями, завитыми на подобіе раковины; есть ли у васъ ожерелье на — подобіе раковинъ, серьги шожъ, а особливо соломенная шляпка, представляющая раковину? Ахъ, милая моя! безъ этого не можете вы показаться ни въ какое общество!

Большая часть нашихъ молодыхъ людей рѣшилась носить по два и по три жилета вдругъ; другіе же, находя моду сію или безпечнойною, или слишкомъ убыточною, вздумали носить жилеты на два лица, на примѣръ бѣлые съ голубыми отворотами.

Изъ новыхъ экипажей, замѣченныхъ на Аншамской гуляньѣ, самыя простыя были вердепомоваго, богатые синяго съ золотыми жилками, на - подобіе лаписъ-лазули, или нѣжнаго зеленаго съ черными жилками цвѣту, на - подобіе малахита.

*

На Елисейскихъ поляхъ три четверти головныхъ Дамскихъ уборовъ, въ продолженіе Аншамскаго гулянья, состояли въ соломенныхъ шляпкахъ, украшенныхъ фіалками, или лилеями, или резедою, или бѣлыми розанами.

*

Самыя отличнѣйшія щеголихи наши носятъ теперь шелковые мамелюки, цвѣту замшеваго, розоваго, чижикова хвоста и лиловаго, обшитые чернымъ, или бѣлымъ кружевомъ. Употребленіе коротенькихъ робъ распространяется со дня на день, и вѣроятно, что въ самомъ непродолжительномъ времени увидимъ мы только для большаго наряда длинныя хвосты, отдѣлявшіе на полъ великое разстояніе красавицъ отъ нѣжныхъ почипателей ихъ. Для упренней прогулки, пригожія, или весьма молодая Дамы носятъ маленькіе чепцы изъ шелковаго вязанья.

Апрѣля 5 го.

Съ нѣсколькихъ дней вошелъ въ моду фисташковой цвѣтъ; экипажи у щеголей и щеголихъ перекрашены въ фисташковую краску; ленты и башмачки у модницъ суть также фисташковаго цвѣту, да и самые фраки у Кавалеровъ шьются изъ сукна фисташковаго же цвѣту. Надобно замѣтить однакожь, что цвѣтъ сей употребителенъ только для неглиже, по вечерамъ же никто въ ономъ не являешся въ общество.

Прежде сего Дамы наши ѣли мало, а пили и того менѣе; но нынѣ мода пребуеишь, чипобъ женщина ѣла и пила столько же, какъ и мужчина — и щеголиха, безъ всякаго стыда, признаешся уже нынѣ, что она пила до обѣда полынное вино и Мадеру, кушала супъ *à la Catherine*, окрошку, называемую *au suprême*, котлетны *à l'epigramme*, въ дезертѣ *baaba*, а послѣ обѣда выпила доброй покаль *бишофу*.

Для ношенія алмазовъ на головѣ, ювелиры наши не вдѣлываютъ уже ихъ нынѣ, такъ какъ прежде сего въ употребленіи было, въ булавки съ чашечками, но прикрѣпляютъ, или, такъ ска-

затъ, вѣшаютъ оныя въ эластическую золотую сѣтку. Каждое движеніе шѣла колеблетъ оныя и, кажется, удвоетъ число, усугубляя блескъ ихъ. Такимъ образомъ дѣлаются нынѣ алмазныя булавки на подобіе лиры, полумѣсяца, розана, также діадимы и букеты.

*

Золотыя вещи не въ модѣ уже какъ изъ полированного, такъ и изъ неполированного золота, а вошло во вкусъ носить браслеты, ожерелья и діадимы изъ золота *fond sable* (земля, какъ бы пескомъ усыпанная), изпещренного шоназами.

*

Серьги послѣдняго вкусу суть золотыя и представляютъ извивающуюся змѣю, которая кусаетъ любовное яблоко.

Апрѣля 9 го.

Лизета! — Чего изволите, сударыня? — Подай мнѣ скорѣе дубовую вѣшвь. — Вотъ она, сударыня! — Сдѣлай ее діадимомъ, или гирландомъ, но только поскорѣе, за тѣмъ, что теперь уже половина одиннадцатаго часу и мнѣ пора открывать балъ. — Тотчасъ, сударыня! — Подай мнѣ мои серьги. — Которыя? —

Развѣ ты не знаешь серегъ моихъ, которыя сдѣланы на - подобіе дубовыхъ жолудей? — А какую робу прикажете для васъ пригото­вить? — Новую креповую, обшипую мхомъ и плющемъ; чулки съ тремя стрѣлками а - журъ и зеленые башмаки. Ахъ! какое произведу я впечатлѣніе! Посмотри, Лизепа! не прелестной ли это полунарядъ? — Женщина со вкусомъ, естъли она молода и пригожа, должна одѣваться такъ, какъ *Дриада* или *Амадриада* (лѣсная Нимфа)!!

*

Послѣ небольшой прогулки верхомъ на лошади въ лѣсу, пешимешрѣ прѣзжаетъ обѣдать къ *Николлю*, славному трактирщику на бульварѣ; пьешъ послѣ того кофе у *Мадамъ Гарди*, возпоминая съ сожалѣніемъ о *Розѣ*, который прежде сего давалъ превкусные обѣды; идешъ опшуда въ такъ называемый *Французской Театръ*, посмотришъ представленія піэсы: *Le Mariage secret* и, не слушая Актера *Ст. Фалля*, сожалѣешъ объ Актерѣ *Моле*, котораго онъ опъ роду не видывалъ; зеваешъ въ ожиданіи выходу, гдѣ хочешъ онъ видѣшъ всѣхъ и бышъ равномерно опъ всѣхъ же замѣченнымъ; изъ Театра идешъ къ *Гаржію* пить шербетъ, а опъ него во *Фраскати*, гдѣ играешъ въ мячъ

въ ожиданіи партіи для себя, ибо въ полвочь приглашенъ онъ на вечеринку къ Гжѣ * * *. Тамъ - то будетъ онъ танцовать; тамъ - то покажетъ онъ свой новый фракъ цвѣту темно - зеленаго, или сженаго кофе; тамъ - то будетъ онъ строить курь: словомъ, въ самую полночь начнется для него день!

Въ спектакляхъ и для прогулокъ бѣлыя соломенные шляпки употребительнѣе, нежели желтыя; напротивъ того въ городѣ носятъ больше желтыя шляпки, нежели бѣлыя. Сіи послѣднія украшаются гирландами изъ виноградныхъ листьевъ, или вѣтокъ со смородиною, или жонкилей, или желтыхъ розановъ. — Модные цвѣты супъ: фисташковой (пожъ, что вердепомовый), нѣжно-розовый, жонкилевый и лиловый.

По модѣ, Господа одѣваютъ нынѣ служителей своихъ такъ же точно, какъ и самихъ себя. Жокей у щеголихи причесанъ бываетъ часшю à la Titus, часшю же по - дѣтски, то есть съ разпущенными по плечамъ волосами. Рединготъ на немъ цвѣту темнаго; исполнее платье лосинное; сапоги со шнорами, а въ случаѣ большаго парада, носитъ онъ шелко-

вые лазоревые чулки. Одни пешиметры и щеголихи носятъ сами замаранные чулки. Верхъ щегольства состоитъ, заказывать для своихъ служителей пуговицы на плаще съ шифромъ, то есть начальною буквою фамиліи Господина. Шифры сіи вырѣзываются также на конской сбруѣ и пишутся на дверцахъ экипажей.

Одна Дама, охотница играть въ карты, каялась духовнику своему, что она весьма пристрастна къ игрѣ. — „Ужасная спрась! подумайте, сколько вы губите времени.“ — Ахъ, бапюшка! ваша правда — въ шасованіи картъ.

ПОЛИТИКА.

*Перечень извѣстій изъ Лондона, съ
27го Марта по 21е Апрѣля.*

Здравіе Его Величества, вселюбезнѣйшаго Короля нашего, поправилось совершенно, такъ что Онъ приступилъ уже къ отпращиванію текущихъ Государственныхъ дѣлъ.

Негодованіе противъ Бонапартія, подстрекаемое дѣшними Журналистами, которые ругаютъ его неизвинительнымъ образомъ и приписываютъ ему гнуснѣйшія злодѣянія, увеличивается и въ обоихъ Парламентахъ со дня на день. Обнародываемыя въ Парижѣ оффисіальныя о заговорѣ на жизнь Бонапаршеву спашьи раздражаютъ еще болѣе Британцовъ. Епископъ Ландафъ, впрочемъ служитель мира и тишины, говоря недавно въ Верхнемъ Парламентѣ о необходимости вооруженій, убѣждалъ Перовъ: „пожертвовать всѣмъ для защищенія отечества отъ непріятеля, который не имѣетъ для себя ничего священнаго и который, употребляя всякія средства, громко возъѣ-

щаетъ личную свою мстительность прошивъ Англіи. Милорды! (сказалъ онъ въ заключеніи) лучше соглашусь я питаться однимъ хлѣбомъ съ водою и ходить въ деревянныхъ башмакахъ, нежели жить въ величайшемъ изобиліи въ случаѣ, ежели мое опечество, за недостаткомъ таковыхъ пожертвованій, принужденнымъ себя найдетъ покориться всѣмъ ужасамъ Французскаго владычества.“

Британская нація успокоена теперь въ разсужденіи дѣйствительнаго состоянія сухопутныхъ своихъ силъ, которыя состоятъ изъ 267,245 человекъ регулярныхъ войскъ, изъ коихъ 200 тысячъ находятся теперь въ Великобританніи и Ирландіи, да еще изъ 400 тысячъ волонтеровъ, разставленныхъ вдоль береговъ и въ гаваняхъ.

Флоты наши продолжаютъ разбѣзжать передъ Французскими гаванями и содержатъ оныя совсѣмъ запертыми. — Французскій Тулонскій флотъ, о которомъ пронесся несправедливый слухъ, будто бы онъ вышелъ въ море, все еще находится въ Тулонѣ и наблюдается недреманно однимъ отдѣленіемъ эскадры Лорда Нельсона.

Въ Европѣ не послѣдовало еще у насъ никакихъ важныхъ съ непріятелемъ дѣй-

ствій ; но изъ Восточной Индіи полученны здѣсь весьма пріятныя извѣстія объ успѣхахъ оружія нашего противъ Маратховъ и Счиндіага , которые неоднократно разбиты , потеряли много городовъ , артиллеріи и проч. , и наконецъ принужденными себя нашли просить мира , которой уповательно и будетъ заключенъ съ ними на весьма выгодныхъ для Британскаго правительсва и Остъ-Индской нашей Компаніи условіяхъ. — Владѣтель Кандійскій , на островѣ Цейлонѣ , претерпѣлъ также великое пораженіе , и притомъ отъ самаго малаго отряда Британскихъ войскъ , не болѣе 200 человекъ простирающагося. Такимъ образомъ утвержденіе нашего могущества въ Восточной Индіи , разпространеніе тамошнихъ нашихъ владѣній и сопряженныя съ тѣмъ выгоды Британской торговли будущи вождѣнныи слѣдствіемъ сей войны въ толико отдаленныхъ отъ насъ странахъ !

Выходившая изъ гаваней нашихъ въ море экспедиція , для заіопленія нѣсколькихъ старыхъ большихъ кораблей , каменьями нагруженныхъ , предъ Булонскою гаванью , чтобъ заградить тѣмъ выходъ изъ помянутой пристани Французскимъ мѣлкимъ судамъ , предназначаемымъ къ берегамъ Великобританніи (ежели только это можетъ случиться , ибо

здѣсь не многіе вѣряшъ хвастовству Французовъ), возвратилась отсюда, не исполнивъ своего порученія, частію за противными вѣтрами, частію же и за неудобностію произвѣсти въ дѣйство предпріятіе сіе по причинѣ множества батарей на Французскомъ берегу, не допускающихъ подойти кораблямъ нашимъ на желаемое къ помянутой гавани разстояніе.

Апрѣля 16го сдѣланъ былъ въ Нижнемъ Парламентѣ отъ одного изъ Членовъ онаго, Лорда Морпета, запросъ Министровъ: „Справедливы ли обвиненія, чинимыя Французскимъ правительствомъ Министру нашему въ Минхенѣ, Гну. Дракке, въ непозволенной будто бы перепискѣ въ Парижъ, цѣлю своею изроверженіе нынѣшней Французской конспиріи имѣвшей?“ Всѣ Европейскіе Дворы, продолжалъ Лордъ Морпетъ, уведомлены уже чрезъ Министровъ своихъ о сей перепискѣ, которую я утвердительно смѣю назвать ложною, и съ прискорбіемъ долженъ присовокупить, что почти всѣ чужеземные Посланники въ Парижѣ, исключая Россійскаго Повѣреннаго въ дѣлахъ, въ отвѣтахъ своихъ къ Французскому Министру иностранныхъ сношеній, Талейрану, на учиненное отъ него имъ окружное сообщеніе о сей

перепискъ, съ приложеніемъ всѣхъ бумагъ оной, судили о дѣлѣ семь поверхностно и не вошедъ ни въ какое разбирательство. Обстоятельство сіе покажется нѣмъ чрезвычайнѣе, что всему Свѣту извѣстно, что нѣтъ ни одной другой земли, отъ которой они должны были ожидать по всей справедливости наблюденія честнѣйшаго и благороднѣйшаго образа мыслей, какъ оупъ нашей. — Я надѣюсь, что Британское Министерство не сдѣлало ничего такого, чтобы не совмѣстно было съ достоинствомъ правительства, со введенными обыкновеніями Дворовъ и съ Народнымъ Правомъ. Надѣюсь также, что оно, къ чести націи, увѣритъ меня, что отъ него не были даны никакія, противныя вышепомянутымъ правиламъ, предписанія, для одобренія шаковаго поступка. Въ какихъ бы соотношеніяхъ съ Франціею другія Государства ни были, но должно доказать Свѣту, что Англія не боится ни угрозъ, ни клеветъ. Я возываю Министровъ Его Величества, доказать Свѣту, что они не вооружали руку смертоубійцъ и не точили въ шайнѣ кинжала ихъ, но паче располагали систѣму непріязненныхъ дѣйствій мужественнымъ и открытымъ образомъ, который одинъ можетъ почестся законнымъ въ продолженіе войны.“

На сіе опвѣчалъ Канцлеръ Казначейства, Г. Аддингтонъ: „Я много обязанъ Благородному Лорду, что Гонъ подалъ мнѣ случай, опровергнуть одно изъ позорнѣйшихъ обвиненій, какое со времени существованія человеческого рода сдѣлано было когда-либо просвѣщенной націи. Я смѣло могу увѣришь Благороднаго Лорда, что оно есть не иное что, какъ одна только клевета, разсѣянная противъ правленія Его Величества, для оправданія позорнѣйшаго, суровѣйшаго и кроволитнѣйшаго дѣянія самопроизвольной и пиранской власти. Увѣряю Благороднаго Лорда положишельнѣйшимъ, откровеннѣйшимъ и не двузнаменательнымъ образомъ, что Министры Его Величества не замѣшаны и самымъ отдаленнѣйшимъ образомъ въ такое не совмѣстное съ достоинствомъ правительства и съ честію и справедливостію націи дѣло, и приму сильнѣйшія мѣры убѣдить Свѣтъ въ чистотѣ намѣреній Его Величества. — — Правительство не получало еще депешей отъ Посланника въ Минхенъ (Гна. Драке); какъ же скоро оно получитъ ихъ, то не преминетъ сообщить оныя Парламенту, чрезъ что я надѣюсь оправдать его и нашъ характеръ отъ такого ужаснаго порицанія, и проч.“

Когда получено было здѣсь извѣстіе о несчастной участи, постигшей Дюка д'Ангіенскаго: то Графъ д'Артуа поѣхалъ самъ къ Принцу Конде. Вошедъ въ комнату его, сказалъ онъ: „Знаете ли, любезный Братъ, что я долженъ оплакивать умерщвленіе Брата моего, Сестры, Невѣстки и еще — Племянника?“ — Принцъ Конде вскричалъ: такъ внука моего нѣтъ уже въ живыхъ! — Изсточники слезъ полились изъ глазъ его, и когда печаль позволила ему говорить, то онъ сказалъ Графу д'Артуа: „Это первыя слезы, пролитыя мною со времени кончины Лудовика XVI!“ — — Все Французское Дворянство, здѣсь обрѣщающееся, и Принцы крови наложили на себя трауръ по кончинѣ Дюка д'Ангіенскаго, а 18го Апрѣля Графъ д'Артуа отправлялъ по немъ въ Капюлической капеллѣ торжественное поминовеніе. Епископы Нарбонскій, Монпельерскій, Арраскій и проч. священнодѣйствовали на семъ печальномъ празднествѣ. Принцы, Дворянство Французское, многіе Англическіе знатные Кавалеры и Дамы присутствовали на ономъ. Капелла обита была чернымъ сукномъ и все изъявляло глубочайшій трауръ. По отправленіи большой мши, Аббатъ де ла Тилль, духовникъ Графа д'Артуа, произнесъ самую трогатель-

шельнѣйшую надгробную рѣчь, и какъ онъ, такъ и всѣ слушатели обливались слезами. Принцъ Конде и Дюкъ де Бурбонъ не присушествовали, за болѣзнію, на сей плачевной церемоніи. Его Величество, Король, и Королевскіе Принцы освѣдомляющіяся ежедневно о здоровьѣ Ихъ, Графъ д'Артуа принималъ нѣсколько дней сряду соболѣзновательныя посѣщенія отъ Французовъ и многихъ знашнѣйшихъ Англичанъ. Въ 'большой части Вѣдомостей нашихъ помѣщаются теперь надписи и эпитафіи, сочиненныя въ память Дюка д'Ангіенскаго.

Въ здѣшнихъ публичныхъ листахъ помѣщены слѣдующія подробности о послѣднихъ часахъ жизни несчастнаго Дюка д'Ангіенскаго:

Бонапарте предлагалъ Генералу Мортье (бывшему въ Ганноверѣ Главноначальствующимъ надъ Французскою арміею), чшобъ онъ предсѣдательствовалъ въ Военной Коммисіи, избранной судить помянутаго Принца; но онъ отказался отъ сего препорученія, а потому и избранъ къ тому бригадный Генералъ Гюлень. — Когда сей послѣдній объявилъ Дюку д'Ангіенскому смертный приговоръ: то Принцъ спросилъ у него, можетъ ли онъ лично переговорить съ первымъ Консуломъ? — Можете, но не иначе, какъ

ежели вы сдѣлаете ему какія либо отк-
крытія. — „Открытія! вскричалъ Принцъ
съ негодованіемъ: ведите меня на
смерть!“ — Эшого не лъзя сдѣлать, пока
Консуль увѣдомленъ не будетъ объ учи-
ненномъ вамъ приговорѣ. — „Я зналъ,
какой будетъ вашъ приговоръ съ того
времени, когда, вопреки Народному Праву,
арестовали меня въ Эптенгеймѣ.“ —
Апрѣля 22 го, весьма рано по утру, Гене-
ралъ Мюратъ, въ препровожденіи 50
Мамелюковъ, прибылъ въ Замокъ Венсанъ
вмѣстѣ съ Мортье, Гюленемъ и Лудо-
викомъ Буонапарте; 200 жандармовъ и
300 Италіанскихъ солдатъ окружили
Замокъ и заняли всѣ входы въ оный.
Когда объявили Принцу, что приговоръ
надъ нимъ долженъ совершенъ бытъ, то онъ
сказалъ: „Я готовъ и рѣшился!“ А когда
онъ узналъ, что гренадиры, копорые наря-
жены для расстрѣлянія его, суть Италіан-
цы изъ Консульской Гвардіи, то вскри-
чалъ: „Слава Богу! это не Французы!
Я осужденъ на смерть иностранцемъ и,
благодареніе Богу! палачи мои суть так-
же иностранцы. Соотечественники мои
не будутъ имѣть на себѣ хопя эшого
пятна.“ — — Двое жандармовъ подали
ему на мѣстѣ казни плашокъ, для завя-
занія глазъ; но Принцъ сказалъ имъ:
„Солдатъ, копорый часто бывалъ въ

огнѣ, встрѣчаетъ смерть безъ страха.“ — Съ него сняли шляпу, и Дюкѣ примѣшивъ, что ружья у гренадировъ весьма высоко были подняшы, сказалъ имъ по-Италіански: „Гренадиры! опустите ниже свои ружья, иначе вы не убьете меня, а только израните.“ — — Тотчасъ по совершеніи казни, Мюратъ послалъ своего Адъютанта въ Мальмезонъ, а тѣло Принцовой похоронено въ одномъ саду Венсаньскаго Замка. — —

Гг. Фоксъ и Питтъ соединились между собою и стараются вытѣснить нынѣшнихъ Министровъ изъ ихъ постовъ. Апрѣля 25 го предлагали они въ Нижнемъ Парламентѣ о разсмотрѣніи состоянія Государства и принятыхъ къ защищенію его мѣръ; но предложеніе сіе большинствомъ 256 противъ 204 прошивныхъ голосовъ опровергнуто.

Перегень извѣстій изъ Парижа съ 26 го Марта по 25 е Апрѣля.

Арестованія замѣшанныхъ въ заговоръ на жизнь перваго Консула людей все еще продолжаютъ какъ во Франціи, такъ въ Германіи, Италіи и Голландіи, по требованію Французскаго правительсва; но публичный судъ надъ обвиня-

емыми въ семь преступленіи не открылся еще и по сіе время, а только производясь арестантами тайные въ мѣстахъ ихъ заключенія допросы, содержаніе кошорыхъ Публикѣ не извѣстно. Между тѣмъ одинъ изъ важнѣйшихъ арестантовъ, Генераль Пишегрю, лишилъ самъ себя жизни, удавась въ тюрьмѣ шелковымъ платкомъ, которой онъ закрутилъ себѣ на шею опломкомъ лучины (*). — О Генераль Моро и сколько онъ уличенъ въ принятіи участія въ заговорѣ, ничего заподлинно сказать еще не можно. — Увѣряють, что публичное слѣдствіе надъ всѣми обвиняемыми начнется 5 го Мая, и тогда увидимъ мы развязку сей драмы. —

Министры иностранныхъ Дворовъ, въ Парижѣ пребывающіе, отвѣщствовали на доставленные имъ акты злонамѣренной переписки Великобританскаго Посланника при Минхенскомъ Дворѣ, Гна. Драке, Министру иностранныхъ дѣлъ: „Что первый Консуль на - вѣрное не ошибается, когда онъ думаетъ, что нѣтъ ни единого изъ Сочленовъ Дипломатическаго Корпуса, которой бы не охудалъ

(*) Въ Англинскихъ публичныхъ листахъ берутся доказать, что таковое удавленіе было для Пишегрю физически не возможно.

явно того, что могли предпріять Дипломатической Агентъ и правительство его прошиваго Праву Народному и правиламъ честности, введеннымъ между просвѣщенными націями.“ — Въ послѣдствіи времени Г. Драке выѣхалъ изъ Минхена, а Г. Спенцеръ Шмитъ, Англинскій Министръ при Курфиршескомъ Виршембергскомъ Дворѣ, котораго также здѣсь подозрѣваютъ въ подобной перепискѣ, отправился изъ Шпунгарда въ Сальцбургъ.

Сенатъ опредѣлилъ 30 го Марта, поднесши первому Консулу адрессъ съ прошеніемъ, чтобъ онъ принялъ мѣры, желаемыя Французскою націею какъ для утвержденія нынѣшняго Французскаго правительства, такъ и для благоденствія Франціи. — Изъ сего выводятся заключенія: что Сенатъ желаетъ, чтобы Бонапарте выбралъ для себя какое либо соопытственное Главѣ великой націи званіе, которое и объявлено будетъ наследственнымъ въ фамиліи его. Мѣры сіи суть тѣмъ нужнѣе въ теперешнихъ обстоятельствахъ, что Англичане появлялись уже передъ Булонью со многочисленными силами, въ намѣреніи сдѣлать какой-либо рѣшительный поискъ, а можетъ быть не оставятъ и въ послѣдствіи времени таковаго своего намѣренія

Мы съ своей стороны испытываемъ всѣ средства, чтобъ сдѣлать что-нибудь великое; но для сего необходимо нужно присутствіе перваго Консула въ Булони; а какъ во всякомъ случаѣ должно начать съ обезпеченія порядка и спокойствія во внутренности Франціи: то и не лзя не назначить опредѣлительно, что такое впродъ будетъ Глава правительства? — Впрочемъ Бонапарте не сдѣлалъ еще доселѣ никакого употребленія изъ предоставленной ему воли, избравъ себѣ высокое званіе, и носящійся здѣсь слухи, будто бы онъ объявитъ себя Императоромъ Галловъ, кажутся быть не имовѣрными.

О военныхъ дѣйствіяхъ обнародовано въ Монипёрфотъ 20го Апрѣля слѣдующее:
„Булонъ, Апрѣля 17го. Сего дня, въ 7 часовъ по утру, при крѣпкомъ В. С. Восточномъ вѣтрѣ, Адмиралъ далъ повелѣніе стоявшимъ на рейдѣ кораблямъ, войти опять въ гавань, при чемъ одна прама и 15 канонерныхъ шлюпокъ выдержали весьма жестокое сраженіе съ бю Англинскими фрегатами изъ числа 25 непріятельскихъ военныхъ кораблей, разбѣзжавшихъ въ нашей сторонѣ съ 13го Апрѣля. У прамы нашей сбила мачта пушечною пальбою, а двумъ канонернымъ шлюпкамъ досталось отъ непріятели по одному пушечному ядру. Примѣчено съ

берега, что большая часть нашихъ ядеръ попала въ непріятельскіе фрегаты, и что одна бомба лопнула на боксприштѣ одного изъ нихъ. Мы не потеряли убитыми ни одного человѣка. Непріятельскіе фрегаты удалились потомъ въ море, равно какъ и прочіе разбѣзжавшіе въ здѣшнихъ водахъ корабли ихъ, и пустились обратно къ Англинскимъ берегамъ. Солдаты наши производятъ на судахъ маневры свои, какъ бы старые и опытные мапросы. Они могутъ уподобиться въ томъ Римскимъ легионамъ, кошорые на судахъ умѣли столько же хорошо маневрировать, какъ и сражаться на открытомъ полѣ. Такимъ образомъ осталась безуспѣшна Англинская экспедиція, высланная для захопленія нѣсколькихъ кораблей, нагруженныхъ камнями, передъ нашею гаванью и для содѣланія неудобнымъ выходу изъ нея для Французской флотиліи, здѣсь собравшейся! Сраженіе между большими Англинскими кораблями и мѣлкими нашими судами походило на брань Давыда съ Голіаѳомъ. Подобно Голіаѳу, непріятели вызывали насъ на сраженіе; но какъ скоро мы приближались къ нимъ, то они удалялись отъ насъ. Непріятели не думали сначала, чтобы въ гаваняхъ нашихъ могло помѣститься столь великое число судовъ; но Бонапарте

Мы съ своей стороны испытываемъ всѣ средства, чтобъ сдѣлать что-нибудь великое; но для сего необходимо нужно присутствіе перваго Консула въ Булони; а какъ во всякомъ случаѣ должно начать съ обезпеченія порядка и спокойствія во внутренности Франціи: то и не лзя не назначить опредѣлительно, что такое впредь будетъ Глава правительства? — Впрочемъ Бонапарте не сдѣлалъ еще доселѣ никакого употребленія изъ предоставленной ему воли, избравъ себѣ высокое званіе, и носящійся здѣсь слухи, будто бы онъ объявитъ себя Императоромъ Галловъ, кажутся быть не имовѣрными.

О военныхъ дѣйствіяхъ обнародовано въ Монигёрфотъ 20го Апрѣля слѣдующее:

„Булонь, Апрѣля 17го. Сего дня, въ 7 часовъ по утру, при крѣпкомъ В. С. Восточномъ вѣтрѣ, Адмиралъ далъ повелѣніе стоявшимъ на рейдѣ кораблямъ, войти опять въ гавань, при чемъ одна прама и 15 канонерныхъ шлюпокъ выдержали весьма жестокое сраженіе съ 6ю Англинскими фрегатами изъ числа 25 непріятельскихъ военныхъ кораблей, разбѣзжавшихъ въ нашей сторонѣ съ 13го Апрѣля. У прамы нашей сбита мачта пушечною пальбою, а двумъ канонернымъ шлюпкамъ досталось отъ непріятели по одному пушечному ядру. Примѣчено съ

берега, что большая часть нашихъ ядеръ попала въ непріятельскіе фрегаты, и что одна бомба лопнула на боксприштѣ одного изъ нихъ. Мы не потеряли убитыми ни одного человека. Непріятельскіе фрегаты удалились потомъ въ море, равно какъ и прочіе разбѣзжавшіе въ здѣшнихъ водахъ корабли ихъ, и спустились обратно къ Англинскимъ берегамъ. Солдаты наши производятъ на судахъ маневры свои, какъ бы старые и опытные мапросы. Они могутъ уподобиться въ томъ Римскимъ легионамъ, кошорые на судахъ умѣли столько же хорошо маневрировать, какъ и сражаться на открытой полѣ. Такимъ образомъ осталась безуспѣшна Англинская экспедиція, высланная для заплена нѣсколькихъ кораблей, нагруженныхъ камнями, передъ нашею гаванью и для содѣланія неудобнымъ выходу изъ нея для Французской флотиліи, здѣсь собравшейся! Сраженіе между большими Англинскими кораблями и мѣлкими нашими судами походило на брань Давыда съ Голиаѳомъ. Подобно Голиаѳу, непріятели вызывали насъ на сраженіе; но какъ скоро мы приближались къ нимъ, то они удалялись отъ насъ. Непріятели не думали сначала, чтобы въ гаваняхъ нашихъ могло помѣститься столь великое число судовъ; но Бонапарте

сказалъ солдатамъ: *Выройте рвы!* и вмѣсто одной гавани вырыли они чешыре. Сомнѣвались, чтобъ мы могли собрать большое число судовъ; но менѣе, нежели въ полгода, построено оныхъ у насъ столько, сколько потребно для перевозу 200 тысячъ человекъ высаднаго войска. Не думали, чтобъ мы могли соединить корабли наши; но они изо всѣхъ сторонъ соединились безъ малѣйшей потери. Теперь непріятели говорятъ, что мы не отважимся пускаться въ море мимо большихъ ихъ военныхъ кораблей; но когда сигналъ къ тому будетъ данъ, то пускай они посмотрятъ, какъ это въ дѣйствіе произведено будетъ! и проч.“

Островъ *Горья*, на Африканскомъ берегу, занятъ войсками нашими 15го Марта, и бывшій тамъ Англискій гарнизонъ отвезенъ въ Англію, давъ обѣщаніе, не служить до размѣна.

Перегень извѣстій изъ Италіи, съ 15го Марта по 19е Апрелья.

Гжа. Бонапарше, мать перваго Консула, прибыла 51го Марта въ Римъ, гдѣ она и останется на немалое время.

Правительству Италіанской Респуб-
лики ассигновано оипь Законодательнаго
Сословія на Государственныя издержки
въ 1804мь году 90 миліоновъ Италіан-
скихъ лировъ ($99\frac{1}{2}$ миліона рубл.), и
въ томъ числѣ: 1 миліонъ и 200 тысячъ
на Министерство юстиціи; 1 миліонъ и
400 тысячъ на Министерствo иностран-
ныхъ сношеній; 10 миліоновъ и 480 ты-
сячъ на Министерствo внутреннихъ дѣлъ;
150 тысячъ на Министерствo Богослу-
женія; 94 миліона и 790 тысячъ на Ми-
нистерствo финансовъ и 52 миліона ли-
ровъ на Министерствo военныхъ дѣлъ.

Пишуть изъ Корфу отъ 31го Мар-
та, что туда прибыли 4 Россійскіе ко-
рабля и одинъ фрегатъ, и на оныхъ при-
везено 1200 гренадировъ. — Сенатъ Семи
Соединенныхъ острововъ опредѣлилъ, за-
нять 80 тысячъ талеровъ на построеніе
нѣсколькихъ канонерныхъ шлюпокъ, по-
чинку крѣпостей и казармъ, и проч.

Въ нѣкоторыхъ Кантонахъ сосѣд-
ственной съ нами Гелветической Респуб-
лики произошли было въ теченіе послѣд-
нихъ 5 недѣль безпокойства; но оныя пре-
кращены, по выступленіи федеральныхъ
войскъ противъ возмущившихся, и глав-
нѣйшіе зачинщики возмущенія схвачены
и преданы въ руки правосудія.

*Перечень известій изъ Германіи съ 24 го
Марта по 21 е Апрѣля.*

Германія не представляла въ теченіе послѣднихъ чиселъ Марша и первыхъ трехъ недѣль Апрѣля никакихъ интересныхъ для иностраннаго Читателя новостей. Арестованіе нѣкошораго числа заговорщиковъ прошивъ Французскаго правительсва; повелѣніе, обнародованное многими Нѣмецкими Владѣтелями о выѣздѣ въ 24 часа изъ Облостей ихъ всѣхъ Французскихъ эмигрантовъ; прекращеніе насильственныхъ противъ Имперскаго Рыцарсва поступковъ: вотъ все то, что заслуживаетъ нѣсколько быть замѣченнымъ! —

И. К. Дворъ рѣшился не отступать отъ принятой имъ системы неупралишета; но оный находится въ состоянїи дать отпоръ въ случаѣ непрїятельскаго нападенія, ибо армія его простирается по меньшей мѣрѣ до 400 тысячъ чело-вѣкъ, и стараются содержать ее всегда въ полномъ числѣ, и даже умножить оную составленіемъ резервнаго корпуса.

ВѢСТНИКЪ ЕВРОПЫ.

А П Р Ъ Л Ъ 1804.

№ 8.

ЛИТЕРАТУРА и СМѢСЬ.

I.

Ч а с ы.

(Повѣсть Дюкре - Дюминиля.)

Робертъ былъ еще очень молодъ, когда лишился родителей. Оставшись сиротою, и при томъ въ бѣдности, но получивъ хорошее воспитаніе и имѣя нѣкоторыя пріятныя таланты, воспользовался онъ ими, и началъ обучать Музыкѣ. Робертъ былъ хорошъ собою и очень любезенъ: онъ пѣлъ со вкусомъ и мастерски игралъ на гитарѣ; ему не было недостапка въ упражненіи, и онъ былъ, шакъ сказать, душею обществъ, копорыя умѣли цѣнить дарованія его. Въ числѣ ученицъ своихъ ошличалъ онъ Полину, молодую сироту, воспитываемую старою шешкою, кошо-

рая любила ее, какъ дочь. Полина, съ своей стороны, не равнодушно смотрѣла на своего учителя; такимъ образомъ сіи молодые люди любили другъ друга, не смѣя признашья во взаимной склонности. Сіе продолжалось до кончины шетки. Тогда законный наслѣдникъ, которому всегда было очень непріятно видѣть издержки, дѣлаемая доброю спарухою для своей племянницы, вступилъ во владѣніе и былъ такъ жестокосердъ, что велѣлъ сей любезной дѣвушкѣ выѣхать изъ его дома.

Полина, съ заплаканными глазами, встрѣпила Роберта, кошорой, по обыкновенію, пришелъ къ ней для преподанія урока въ Музыкѣ. „Вы лишились одной ученицы, сказала она ему: состояніе мое не позволяеть мнѣ болѣе пользоваться вашими наставленіями, и я должна теперь сама трудиться, чтобъ имѣть пропитаніе. Я умѣю вышивать, и прибѣгну къ этому мало-важному таланту. Прошу васъ постараться о доставленіи мнѣ работы, такъ какъ я была столько щастлива, что доставляла вамъ иногда ученицѣ.“ — Какъ, сударыня! не ужь ли родственникъ вашъ такъ жестокосердъ? . . . — „Родственникъ мой корыстолубивъ и безчеловѣченъ. Онъ получилъ наслѣдство послѣ матери

своей — это очень натурально; но онъ гонитъ меня отъ себя и оставляетъ безо всякой помощи — это ужасно!“ . . .

Робертъ старается утѣшить несчастную Полину, проситъ ее пользоваться его уроками, и клянется ей въ вѣчномъ почтеніи и приверженности. Полина, страстно любящая Музыку, принимаетъ наконецъ безкорыстное предложеніе своего учителя, съ тѣмъ однако же условіемъ, чтобъ со временемъ заплашеть за его пруды; ибо она такъ разборчива и нѣжна, что никогда не согласилась бы употребить во зло драгоценныя для сего Артиста минуты.

Полина наняла небольшую комнату, и тамъ безпрестанно работая, не принимая никого, не имѣла она инаго друга, кромѣ Роберта, не имѣла инаго утѣшенія, кромѣ посѣщенія его и пріятныхъ разговоровъ. Такое короткое обхожденіе довело молодыхъ людей до взаимныхъ признаній. Они открыли другъ другу склонность свою и, будучи ни отъ кого независимы, начали скоро говорить о вѣчномъ союзѣ — о бракѣ. Предложеніе сдѣлалъ Робертъ. Полина! сказалъ онъ ей: милая Полина! я обожаю тебя и, къ несказанному счастью моему, вижу, что и тебѣ я не противенъ. Удостой принять мою руку.

Все мое богатство состоитъ въ моемъ талантѣ, но, съ помощію его, можемъ мы жить пристойнымъ образомъ. Еслили ученица моя согласится сдѣлаться моею повелительницею, то я почту себя щасливѣйшимъ изъ смертныхъ. — „Робертъ! предложеніе твое безъ сомнѣнія легче для меня; но тебѣ извѣстны мои правила; ты знаешь, что я всегда почитала бракъ тяжелою цѣпью, которую обыкновенно одна жена носитъ. Домашнія заботы, попеченія о дѣтяхъ и капризы мужчинъ ужасають молодую, робкую и чувствительную женщину. Ты меня любишь, Робертъ! но кто поручится мнѣ, что сердце твое не переменится? Безпокойства и хлопоты, сопряженные съ недостаточнымъ состояніемъ, разрываютъ часто и самыя крѣпчайшія сердечныя связи, и ты, можешь быть, станешь со временемъ упрекать меня союзомъ, которой будетъ тебѣ въ тягость.“ — Въ тягость? мнѣ, Полина! какъ могла ты это сказать? Возможно ли, чтобъ я переменился и пересталъ любить женщину, любезнѣйшую сердцу моему? женщину, достойную олтарей? Нѣтъ, Полина! ты и сама не такъ обо мнѣ думаешь, и столько знаешь меня, что вѣрно отдаешь мнѣ въ сердце

своемъ справедливость и не имѣешь такихъ ненавистныхъ подозрѣній. Удостой согласишься на благополучіе мое, и тогда увидишь, что щастіе твое пребудетъ навсегда единственнѣйшимъ и сладчайшимъ предметомъ всѣхъ моихъ попеченій и заботъ.

Полина, не меньше Роберта желавшая сего союза, скоро согласилась, но съ тѣмъ договоромъ, чтобы ей продолжать шить, и сею работою дѣлать хотя небольшое пособіе въ хозяйствѣ. Робертъ не хотѣлъ даже и слышать о семъ условіи, и говорилъ, что онъ не для того женится, чтобы заставить жену свою работать. Онъ доказалъ, что получаетъ довольно дохода, для порядочнаго обоихъ ихъ содержанія. Полина не стала болѣе упорствовать, и они обвѣнчались безъ всякихъ церемоній, подъ единымъ благопріятствованиемъ любви и нѣжности.

Робертъ, жившій до женитьбы въ маленькой комнатѣ, нанялъ квартиру попросторнѣе; но у него не было почти никакихъ мебели, и онъ началъ покупать ихъ по-немногу, будучи не въ состояніи сдѣлать вдругъ большія издержки. Крошкая, вѣрная, чувствительная Полина занималась хозяйствомъ, между тѣмъ какъ Робертъ ходилъ давать свои уроки

и, не взирая на недостаточное состоя-
 ніе, были они щасливы по тому, что
 умѣли довольствоваться малымъ. Черезъ
 годъ Полина родила прекрасную дѣвочку,
 кошорую сама спала кормить, и сей
 даръ Природы увеличилъ блаженство
 ихъ такъ, что къ совершенству онаго
 недоставало имъ шолько порядочнаго до-
 хода. У Роберта было, правда, довольно
 учениковъ; но Артисты сего рода полу-
 чаютъ весьма невеликую за труды свои
 плату. Иногда имѣлъ онъ много учени-
 ковъ, иногда мало; съ нѣкоторыхъ даже
 не могъ получить денегъ. Такимъ обра-
 зомъ Робертъ, сколько ни былъ бережливъ
 и разчепливъ, однакожъ никогда не могъ
 пріобрѣсти себѣ ничего болѣе, кромѣ
 какъ сколько нужно было ему на необхо-
 димыя потребности жизни.

Онъ убралъ очень опрятно скромное
 свое жилище; въ немъ не было одного
 шолько украшенія, хотя и не совсѣмъ не-
 обходимаго, но кошорое имѣть у себя же-
 лалъ онъ спрасшно, а именно: столовыхъ
 часовъ. Милая Полина! говорилъ онъ
 часто женѣ своей: думай обо мнѣ, какъ
 хочешь; называй меня робенкомъ; но
 признаюсь тебѣ, что часы на эпомъ
 каминѣ сдѣлали бы мнѣ несказанное удо-
 вольствіе. Это вещь полезная и кошорая,

сверхъ того, дѣлаетъ большое украшеніе комнатѣ. Не уже ли вѣчно не буду я въ состояніи купить себѣ часы?

Такъ говорилъ Робертъ нежной своей подругѣ, и безпрестанно почти твердилъ о сей толико желаемой имъ вещи, копорую недостаточное его состояніе не позволяло имѣть ему. Въ одно утро Полина пошла со двора за нѣкоторыми домашними потребностями; а Робертъ, не имѣя въ тотъ день въ городѣ никакого дѣла, остался дома и занялся списываніемъ нотъ для учениковъ своихъ. Въ половинѣ десятаго часа Полина возвратилась и, опирая потъ съ лица своего, на которомъ изображалась живѣйшая радость, отступила на нѣсколько шаговъ отъ удивленія, увидя мужа своего. „Какъ! ты никуда не ходилъ, другъ мой!“ сказала она ему. — Никуда, милая! но къ чему этотъ вопросъ? — „Я хотѣла было“... — Ты превозишься? — „Это правда; я не думала найти тебя дома, и желала сдѣлать тебѣ пріятное удивленіе при возвращеніи твоёмъ къ обѣду; но теперь... Такъ и бышь... войди сюда!“

Полина сказала сіи послѣднія слова незнакомому челоуѣку, копорой дожидался на лѣстницѣ; онъ входитъ, держа въ рукахъ прекрасныя столовыя часы, ста-

вить ихъ на каминъ и опкланивается. Чю это значить? спросилъ изумленный Робертъ. — „Ты самъ видишь, отвѣчала Полина, улыбаясь: ты всегда желалъ имѣть часы — не правда ли? и такъ вотъ тебѣ часы, мой другъ! они твои.“ — Но какъ это сдѣлалось?.. — „Какъ не пріятно мнѣ, что ты хочешь все знать! Послушай, любезный Робертъ: желая безмѣрно доставить тебѣ этотъ подарокъ, Полина своя занималась тайно отъ тебя вышиваніемъ разныхъ вещей, которыя продала за такую цѣну, что могла купить эту вещь. Не брани меня. Знаю, что я, выходя за тебя, обѣщала не работать никогда на постороннихъ; но, другъ мой! это совсѣмъ другое дѣло: я трудилась не для доставленія себѣ пропитанія, но для того, чтобъ сдѣлать тебѣ удовольствіе. Эта вещь безъ сомнѣнія будетъ для тебя драгоценна, милой мой, когда вѣрная своя Полина доставила ее тебѣ.“ — Женщина безподобная! несравненная Полина! какъ могла простирашься такъ далеко своя ко мнѣ нѣжность? но когда же ты работала? Я видѣлъ тебя безпрестанно здѣсь, занимающуюся дочерью и хозяйствомъ. — „Я работала только тогда, мой другъ! когда не было тебя дома; но какъ скоро услышу, что

ты идешь, то въ ту же минуту прятала пальцы, чтобъ не подать тебѣ ни малѣйшаго подозрѣнія. О! я боялась тебя, какъ огня! Не знаю, какъ ты не примѣтилъ, что я всегда, встрѣчая тебя, краснѣла. Работая для тебя, находила я неизъяснимую сладость въ трудахъ моихъ!“ — Милая Полина! какое небесное блаженство имѣть такую подругу! — „Чтожь такое, мой другъ? Въ моемъ поступкѣ нѣтъ ничего чрезвычайнаго; ты честной и доброй человѣкъ, нѣтъ у тебя никакихъ страстей, нѣтъ тайныхъ издержекъ; мудро ли же, что я захошѣла доставить тебѣ это небольшое удовольствіе? Какъ бы то ни было, наконецъ имѣешь ты часы, мой другъ! каковы они тебѣ кажутся?“ — Прекрасны! прекрасны!... Что ты за нихъ заплатила? — „Угадай.“ — Не знаю. — „Сто рублей.“ — Боже мой! какого труда стоило тебѣ выработать столько денегъ! — „Я работала болѣе полугода; но съ такимъ удовольствіемъ!“ — Полина!... какая прекрасная вещь! какъ украсила она эту комнату!... какая богатая позолота! Бьютъ ли они? — „Безъ сомнѣнія, и ты скоро услышишь: теперь безъ пяти минутъ десять часовъ.“

Люди свѣтскіе, избилующіе во всемъ и привыкшіе ко всему, съ трудомъ новѣ-

рятъ, чтобы разсудительной человекъ, каковъ былъ Робертъ, могъ такъ робячиться и почти прыгать отъ радости, что имѣетъ часы. Однакожь это естественно всякому человеку, кошорой въ первый разъ получитъ нѣсколько драгоценную вещь, и сія радость, можетъ быть малодушная, всегда служить доказательствомъ простаго, откровеннаго и неизпорченнаго сердца.

Робертъ, облокотясь на каминъ, дожидался съ нешерпѣніемъ, чтобы часы его спали бить. Пяль минутъ кажущая ему цѣлымъ вѣкомъ: онъ считаетъ ихъ и, по изпеченіи послѣдней минуты, вскрикиваетъ, какъ настоящій ребенокъ: часы хотятъ бить!

Часы пробили дѣйствительно десять часовъ. „Слышалъ ли ты? сказала Полина, улыбаясь: десять часовъ; теперь ровно два года, какъ въ этотъ самый часъ родилась дочь швоя. Такъ точно; я родила ее въ десять часовъ по утру. Какая щастливая нечаянность напомнила мнѣ объ этой блаженной минутѣ!“ — Ахъ, Полина! перерваль Робертъ: этотъ часъ ознаменовала тогда Природа, а теперь любовь. Милая моя подруга! вопшь часъ сладчайшій въ моей жизни! Никогда не забуду, что я обязанъ имъ тебѣ. Полина

моя! естѣли когда нибудь нещасіе, или смерть разлучашь меня съ тобою, пусть этотъ часъ напоминаетъ мнѣ всегда о красотѣ твоей, добродѣтеляхъ и сладкихъ минутахъ, которыя услужливая нѣжность твоя умѣла доставлять мнѣ! — „Другъ мой! какая печальная мысль пришла тебѣ въ голову? на что говоришь о нещасіи, о смерти!“ — Полина! я могу тебя лишиться; и естѣли это бѣдствіе меня постигнетъ, я умру съ отчаянія. — „Перестанешь ли ты огорчать себя и меня такими химерами? что это за дурачество?“ — Правда, Полина! станемъ только заниматься щастіемъ существовать другъ для друга; но повторяю, клянусь тебѣ, что естѣли бы я когда нибудь могъ сдѣлаться невѣрнымъ тебѣ, или хотя мало огорчить тебя; то этотъ часъ да призоветъ меня къ должности — къ любви моей! — „Робертъ! ты не имѣешь нужды давать клятвы; я и безъ того увѣрена, что ты честнѣйшій человекъ въ свѣтѣ, и больше любовникъ, нежели мужъ Полины.“ — Такъ! конечно я твоя любовникъ, вопреки нравамъ нынѣшняго вѣка; пускай смѣются надо мною, но я останусь твоимъ любовникомъ — вѣчно!

Супруги осыпали другъ друга нѣжнѣйшими ласками, и сладкія слезы умиленія текли изъ глазъ ихъ; малютка бросилась въ ихъ объятія, и Природа усугубила силу любви. Какъ пріятно, какъ мило видѣшь шоль нѣжныхъ супруговъ! Они не богаты — но любящъ, обожаютъ другъ друга, и малѣйшее вниманіе, или услужливостъ того или другаго, крѣпимъ узелъ, связующій ихъ. Какая пророгашельная картина! Увь! для чего должна она скоро перемѣниться? для чего буду я принужденъ описывать чинашелямъ произшествія печальныя, горестныя?... Но спанемъ продолжатъ.

Въ первые дни Робертъ не могъ отойти отъ своихъ часовъ, и всякой разъ, какъ они били, чувствовалъ сладостное прелестаніе сердца. Наконецъ привыкъ онъ къ нимъ, такъ какъ и къ другимъ своимъ мебелиамъ, и не болѣе началъ заниматься ими, какъ и веѣ, имѣющіе у себя такія вещи.

Въ домѣ, гдѣ жили наши любовники-супруги, было нѣсколько пустыхъ комнатъ, которыхъ долго никто не занималъ. Наконецъ Гжа. Дерсили, пригожая и весьма богатая вдова, переѣхала въ оныя. Любопытство, свойственное всѣмъ въ такихъ случаяхъ, побуждало прочихъ

постояльцевъ стараться увидѣшь сію новую сосѣдку. Робертъ, часто встрѣчаясь съ нею на лѣстницѣ, находилъ ее очень пріятною, что весьма печалило Полину, для которой неизвѣстное мрачное предчувствіе возвѣщало наступающее несчастіе. Полина, разговаривая съ Робертомъ, нарочно старалась выискивать недостатки въ чертахъ лица Гжи. Дерсили; а Робертъ, досадуя на несправедливость, которую приписывалъ онъ Полину, сердился и превозносилъ до небесъ красоту своей сосѣдки.

Гжа. Дерсили жила подъ самою Робертовою комнатою: она часто слышала, какъ онъ игралъ на гитарѣ и пѣлъ; пріятный видъ и таланты молодого человека прельстили сію склонную къ распустиству женщину. Однажды, встрѣпясь съ нимъ на лѣстницѣ, сказала она ему: „Любезный сосѣдъ! извините мое любопытство; не вы ли играете на гитарѣ и поете? Я всякой день съ несказаннымъ удовольствіемъ слушаю эту пріятную музыку.“ — Точно такъ, сударыня! — „Я страстно люблю гитару, и очень бы желала найти учителя, которой бы захотѣлъ принять трудъ. . . .“ — Я даю уроки, сударыня, и почелъ бы за особое щастіе имѣть такую ученицу. — „Какъ!

въ самомъ дѣлѣ вы даете уроки? Это безподобно! . . . имѣшь въ одномъ домѣ. . . Пожалуйте же попрудитесь всйти въ мои комнаты. У меня есть гитара; но, помнитса, безъ струнъ. Посмотрите, годится ли она? “

Робертъ входитъ къ Гжѣ. Дерсили, исправляешъ и наспроиваетъ гитару, играетъ на ней, и сосѣдка его восхищается, осыпаетъ его вѣжливостями и похвалами: по ея словамъ, онъ Орфей, Ангель! Наконецъ предлагаетъ она ему очень большую цѣну за еіо уроки, и дѣлаешъ съ нимъ условіе, чшобъ онъ ходилъ къ ней всякой день.

Полина съ сердечною скорбію слышитъ о семъ приращеніи доходовъ, которому Робертъ напротивъ того радуешся. Полина весьма предусмотрительна и, бывъ увѣрена, что Гжа. Дерсили есть распущная женщина, очень бы желала, чшобъ мужъ ея пересталъ посѣщать ее; но какъ это сдѣлать? Робертъ станешъ обвинять ее въ ревности, къ которой никогда не подавалъ онъ ей причины; Полина возмутишъ его спокойствіе; нѣшъ, она не будетъ ничего говорить и станешъ только примѣчать поступки своего мужа.

Между тѣмъ проходитъ нѣсколько мѣсяцевъ. Робертъ чрезвычайно доволенъ

новою своею ученицею, которая успѣ-
 ваетъ нарочито въ Музыкѣ. Онѣ бываеиъ
 у нее почти съ утра до вечера; къ ней
 часто сѣзжаются подобныя ей женщины
 и молодые повѣсы. Всѣ они ласкаютъ
 Роберта и доставляютъ ему такого же
 разбора ученицъ, какова была Гжа.
 Дерсили; словомъ, Робертъ попалъ въ
 самое дурное общество. Онѣ все еще
 любятъ Полину; но возвращается домой
 всегда съ пасмурнымъ видомъ и съ мрач-
 нымъ расположеніемъ духа; спѣшишь
 какъ можно скорѣе опять уйши: просто-
 та уборовъ смиреннаго жилища оскорб-
 ляетъ зрѣніе его, привыкшее къ блеску
 великолѣпныхъ залъ, въ которыхъ онѣ
 ежедневно бываетъ. Нравъ его очевидно
 переменяется: онѣ не тотъ уже, который
 былъ прежде; и Полина, тайно стелаящая,
 рѣшилась наконецъ предложить ему пере-
 мѣнить квартиру, подъ предлогомъ шѣ-
 сношн. Робертъ осердился. Что это за
 капризъ? вскричалъ онѣ: на что намѣ
 переѣзжать? Развѣ для того, что я
 имѣю въ этомъ домѣ хорошихъ учениковъ?
 или, чтобъ заспавить меня съ утра
 до вечера бѣгать по городу? Я и такъ
 довольно шржусь. — „Другъ мой!...“ —
 Пршу тебя, Полина, не говори мнѣ
 больше объ этомъ никогда. Я вижу швои

умыслы: знаю, что ты ненавидишь Гжу. Дерсили; а я тебѣ сказываю, что люблю ее; она мнѣ нравится, и я нахожу ее прелестною. Сверхъ того знакомство съ нею снабжаетъ меня деньгами, и мнѣ кажется, что тебѣ не прошивно, когда я ихъ приношу.

Полина замолчала, скрывъ слезы свои, которыя въ отсутствіи Роберта изобильно проливала. Между тѣмъ Гжа. Дерсили старалась всѣми средствами развратить Роберта; но видя, что онъ принимаетъ за шутки всѣ ея старанія прельстить его и продолжаетъ любить жену свою, перемѣнила она планъ и вознамѣрилась оклеветать Полину, которая была единственною препоною ея желаніямъ и жестоко оскорбляла ея самолюбіе явнымъ презрѣніемъ. Въ слѣдствіе сего сказала она однажды Роберту съ веселымъ видомъ: „Этотъ молодой бѣлокурой мужчина, которой такъ часто у васъ бываетъ, вѣрно братъ жены вашей? онъ удивительно какъ на нее похожъ!“ — Какой молодой мужчина, сударыня? — „Тотъ, которой всякой день по нѣскольку часовъ проводитъ съ вашею Полиною. Знаешь ли онъ Музыку? Для чего не познакомишь вы меня съ нимъ? Можетъ быть, онъ еще болѣе придастъ веселости нашимъ

вечерамъ.“ — Я васъ не понимаю.
 Жена моя ни съ кѣмъ не знается, и ни
 одинъ молодой человекъ къ ней не ходитъ,
 особливо безъ меня. — „Ахъ! какъ
 я неосторожна! . . . я право думала. . . .
 Можетъ быть, это шайна, кошорая. . . .
 Но оставимъ это.“

Гжа. Дерсили перемѣнила разговоръ;
 а Робертъ, возвратясь домой, спросилъ,
 не приходилъ ли кто безъ него? — „Ни-
 кого не было, мой другъ!“ отвѣчала Поли-
 на. Робертъ задумался; онъ былъ инвер-
 до увѣренъ въ добродѣтели жены своей;
 но въ сердцѣ его вкралась искра ревности,
 кошорая вскорѣ долженствовала произ-
 вести сильной пожаръ. Въ одинъ вечеръ
 увидѣлъ онъ идущаго съ лѣстницы — изъ
 того этажа, гдѣ онъ жилъ — молодого
 бѣлокурого человека — и затрепешалъ. Къ
 тому же слышалъ онъ голосъ жены своей,
 кошорая затворяла дверь, какъ будто
 проводивъ кого нибудь. Онъ входитъ, и
 задыхаясь отъ сильнаго волненія, спраши-
 ваетъ у Полины: кто сюда при-
 ходилъ? — „Никто не приходилъ, мой
 другъ! но для чего дѣлаешь ты мнѣ все-
 гда этотъ вопросъ?“ — Какъ! я сію
 минушу встрѣтился на лѣстницѣ съ
 какимъ-то мужчиною. — „Такъ; это
 правда; какой — то молодой человекъ спра-

шиваль Гжу. Дерсили. Онъ уже не въ первой разъ ошибается и приходитъ къ нашимъ дверямъ.“ — Очень хорошо. . . . , однакожь мнѣ извѣсны всѣ знакомые Гжи. Дерсили, и я увѣряю тебя, что никогда не видалъ у нее этого молодого человека. — „Можетъ быть, другъ мой! но что значишь этотъ вопросъ и это смятеніе? . . . Я ужасаюсь.“

Робертъ не отвѣчалъ ничего, и только ходилъ долго по комнатѣ скорыми шагами, а наконецъ легъ спать, не сказавъ ни слова бѣдной Полинѣ, которая не могла понять, что съ нимъ сдѣлалось.

Черезъ нѣсколько дней Гжа. Дерсили сказала Роберту: „Конечно вчера у васъ обѣдали гости въ то время, какъ мы съ вами были у моей родственницы?“ — Нѣтъ, сударыня! но кто вамъ это сказывалъ? — „Люди мои слышали въ вашей комнатѣ пѣсни и громкой смѣхъ. Но какая же въ этомъ бѣда? Жена ваша хорошо дѣлаетъ: она молода, прекрасна; для чего ей не веселиться? Я очень бы желала познакомиться съ молодымъ человекомъ, котораго почитала ея братомъ: сего дня по утру онъ у нее пѣлъ, и должно признаться, что у него превосходной голосъ.“

Гжа. Дерсили опять перемѣнила разговоръ. Легковѣрный Робертъ, кипя гнѣвомъ, вошелъ къ Полиѣ и требовалъ отъ нее непременно, чтобъ она сказала ему имя дерзновеннаго, который всякой день приходитъ къ ней во время его отсутствія. Бѣдная Полина залилась слезами; она клянется въ своей невинности и, видя, откуда поражалъ ее сей ударъ, увѣряетъ его, что будетъ принуждена его оправдать, если онъ не разорветъ пагубнаго знакомства съ Гжею. Дерсили. Робертъ упорствуетъ въ томъ, что Гжа. Дерсили очень почтенная и любезная женщина. Ссора ихъ продолжалась до глубокой ночи.

На другой день Гжа. Дерсили изъясняетъ Роберту сожалѣнїе свое о немъ. „Я слышала, какъ вы шумѣли, сказала она ему: меня, право, это очень огорчило. . . . Однакожь, по виду, жена ваша кажется такою доброю и тихою; но молодыя женщины часто бываютъ такъ своенравны, что мужья не всегда могутъ быть расположены угождать ихъ прихотямъ. . . . Я вчера видѣла на ней прекрасную розовую шляпку. . . .“ — Вы ошиблись, сударыня! у жены мой нѣтъ розовой шляпки. — „Вотъ, хорошо! вы станете со мною спорить, а я видѣла

своими глазами. На что таите вы отъ друзей вашихъ подарки, которые дѣлаете женьѣ своей? это не хорошо.“

Гжа. Дерсили, по обыкновенію своему, заговорила о другихъ предметахъ. Робертъ, пришедъ домой, бросился прямо къ небольшому шкапу, въ которомъ лежало платье и головные уборы Полины. Какъ онъ удивился, нашедъ тамъ дѣйствительно розовую шляпку, которой прежде никогда у нее не видалъ. Что это за уборъ? спросилъ онъ у Полины. — „Ты самъ вчера мнѣ его прислалъ; но ты былъ такъ сердитъ во весь вечеръ, что я не могла сыскать минушны поблагодарить тебя за этотъ подарокъ.“ — Что это за вздоръ, сударыня? я не прислалъ тебѣ никакого подарка. — „Какъ же? вчера приходилъ сюда мальчикъ и сказалъ мнѣ: вотъ, сударыня, шляпка, которую прислалъ вамъ Г. Робертъ; онъ не хотѣлъ заносить ее къ ученикамъ своимъ. Я думала. . . .“ — Какія басни! нѣтъ, сударыня, не думай меня обмануть; я знаю, что эту шляпку подарилъ тебѣ молодой человекъ. . . . — „Опять молодой человекъ! но не ужь ли въ самомъ дѣлѣ не ты мнѣ ее прислалъ? . . .“ — Не я, сударыня! еще разъ тебѣ повторяю, что не я; и ты могла бы найти увертку

получше этой, сказавъ мнѣ на примѣръ, что ты купила эту шляпу на выработанныя деньги.

Опять сцена, опять страшной шумъ, на которой пришла Гжа. Дерсили, чтобъ помирить супруговъ, желая показать себя доброю сосѣдкою и услужливою пріятельницею. „Стыдно, сказала она имъ, стыдно такъ ссориться.... Вы виноваты, Гжа. Робертъ! мужъ вашъ такъ тихъ и добръ! вамъ бы должно спараться угождать ему и дѣлать его щасливѣйшимъ изъ смертныхъ.“

Присутствіе Гжи. Дерсили усугубляетъ огорченіе Полины, которая не скрываетъ отъ нее своихъ подозрѣній и проситъ ее, не принимать впредь труда посѣщать ее. Робертъ, напротивъ того, закликаетъ ее приходитъ ежеминутно, и Гжа. Дерсили уходитъ, говоря ему: „Ахъ! Богъ мой! какая у тебя злая жена!“

Робертъ пошелъ къ Гжѣ. Дерсили и, Богъ знаетъ, чего не говорили тамъ о бѣдной Полинѣ, которая, между тѣмъ, въ уединеніи своемъ предавалась отчаянію.

Подъ вечеръ Робертъ оставляетъ Гжу. Дерсили, чтобъ идти къ другимъ ученикамъ, и находить на лѣстницѣ записку,

изъ насъ выѣхалъ изъ дому ; избирай ! Я останусь у пріятельницы моей , Гжи. Дерсили, до тѣхъ поръ , пока ты на что нибудь рѣшишься.“

Бѣдная Полина ! сколько слезъ заставила тебя пролить сія бѣдоносная записка ! Сколь жестоко твое отчаяніе , несчастная Полина ! Что станешь ты дѣлать ? Не уже ли пойдешь къ злодѣйкѣ своей , и будешь оправдываться передъ женщиною , которая тебя погубила , которая похитила у тебя сердце твоего супруга ? Онъ теперь у нее ; она напаяетъ его желчію противъ тебя и удержитъ у себя до тѣхъ поръ , пока выѣдешь ты изъ дому . Оставь этотъ домъ , Полина ! оставь неблагодарнаго , и дай ему время узнать твою невинность ; но возьми съ собою дочь свою : не оставляй имъ сего живаго подбѣія красоты твоей и добродѣтели . Пусть непоспоянный плачетъ въ свою очередь ; пусть крушится онъ долго о лишеніи матери и милаго дитяти !

Такъ разсуждала Полина , и таково было принятое ею намѣреніе . Она беретъ малютку свою на руки и приказываетъ въ отвѣтъ Роберту съ человѣкомъ , принесшимъ записку , что она отъ него навѣки удаляется , ничего не истребуешь , и беретъ съ собою только дочь хотя для

нѣкотораго услажденія горестей своихъ.
„Скажи ему, примолвила она, заливаясь слезами: скажи ему, что онъ со временемъ отдастъ миѣ справедливость, и что я желаю ему щастія, естли можетъ онъ быть щастливымъ, сдѣлавъ Полину свою злополучною!“

Полина выходитъ изъ дому; Гжа. Дерсили торжествуетъ и старается потушить въ сердцѣ Роберта послѣднюю искру любви къ несчастной его супругѣ, доказывая ему новыми клеветами вѣроломство ея; но не смотря на всѣ усилія, не могла она ни мало разсѣять печали и глубокой задумчивости его, хотя и не пускала его отъ себя цѣлые два дни.

Наконецъ Робертъ приходитъ домой. Какую ужасную пустыню видитъ онъ вокругъ себя! Жилище, украшавшееся прежде любовію, нѣжною улыбкою милого младенца, сдѣлалось печальною и единообразною пустынею. Робертъ кидаетъ устрашенный взглядъ на предметы, окружающіе его. Тщетно ищетъ онъ Полины; ее нѣтъ уже тамъ!

Однажды, по утру, Гжа. Дерсили входитъ къ нему въ самомъ щегольскомъ утреннемъ плащѣ. За нею несутъ завтракъ для двухъ человѣкъ. Необыкновен-

ные взгляды и ужимки ея показывающія, что она имѣетъ нѣкоторыя намѣренія въ разсужденіи Роберта. „Что это значитъ? сказала она ему: опять сомнѣныя глаза? опять не спалъ? . . . Долго ли тебѣ сокрушаться о женщинѣ, недостойной вниманія честнаго человѣка? Какое малодушіе! Ты имѣешь тысячу способовъ утѣшиться: развѣ мало женщинъ на свѣтѣ? Посмотри на меня: къ лицу ли я сего дня причесана? Не ужь ли ты думаешь, что я не способна утѣшить друга? . . . Будь же повеселѣе, смѣйся; рѣзвись со мною. Я требую этого непременно: слышишь ли?“

Въ глазахъ Гжи. Дерсили блисталъ такой огонь, что Робертъ изумился и смотрѣлъ на нее пристально; она заключила изъ сего, что онъ находитъ ее прелесною и удвоила безстыдство. Робертъ, не видавъ ее прежде никогда столь наглою, вышелъ наконецъ изъ терпѣнія, и сказалъ ей съ неудовольствіемъ: „Эхъ, сударыня! развѣ забыли вы, что я люблю, богошворю Полину, не взирая на ея проступки? Все здѣсь мнѣ ее напоминаетъ: а вотъ часы, которыя она мнѣ подарила; сама теперь, оставленная жестокосердымъ супругомъ, проливаетъ, можетъ быть, горькія слезы опчаянія!“ — Какая мысль!

Скажи лучше, что она утѣшается съ шѣмъ пригожимъ молодымъ человекомъ... Но онъ меня не слушаетъ, все глядитъ на свои часы, какъ будто никогда ихъ не видывалъ.

Робертъ дѣйствительно смотрѣлъ пристально на часы, которыя, какъ нарочно, въ самую сію минушу пробили десять часовъ. „Боже мой! вскричалъ онъ, вспавъ опрометью со стула: вотъ часъ рожденія моей дочери! Дочь моя и Полина! . . . Такъ! вотъ часъ, въ которой я клялся быть ей вѣчно нѣжнымъ и спраснымъ! Бѣдоносныя часы! сколь жестоко укорили вы меня въ моей люпоси! . . . Нѣтъ, я не вѣрю, чтобъ Полина была преступница — это не возможно. Полина! гдѣ ты? Возвращись въ объятія твоего супруга!“

Сказавъ сіе, бросился онъ изъ комнаты, какъ изступленный, оставя Гжу. Дерсили въ крайнемъ изумленіи и великой досадѣ, что всѣ труды ея пропали.

Робертъ бѣгаетъ по улицамъ, повторяя: „Нѣтъ, она не виновата; ее оклеветали, очернили; безчинные со мною поступки Гжи. Дерсили открыли мнѣ глаза; я вижу наконецъ адскіе происки этой развратной женщины. Но если Полина и сдѣлала проступокъ, я прощаю ее, и прощаю отъ чистаго сердца, Я самъ не

больше ли въ тысячу разъ виновнѣе, оставяшу, котора я такъ долго соспавляла все блаженство мое?“

Погрузясь въ сіи размышленія, увидѣлъ онъ себя на пространномъ полѣ, подлѣ человека, лежащаго на землѣ и плавающего въ крови своей. Робертъ всматривается въ лицо его, которое показалось ему знакомымъ. „Боже мой! вскричалъ онъ наконецъ: это тотъ молодой вѣтренникъ, который обезчестилъ Полину!“ — Это вы, Г. Робертъ? прерываетъ молодой человекъ, открывъ умирающіе глаза: посмотрите, до какого состоянія довело меня распутство: я дрался на поединкѣ, и умираю.... Но прежде хочу по крайней мѣрѣ возвратить честь вашей супругѣ: она невинна! — „Невинна?“ — Да! гнусная Дерсили склонила меня принять на себя роль, которую я игралъ. Супруга ваша меня не знаетъ; она не болѣе двухъ, или трехъ разъ меня видѣла, когда я нарочно приходилъ къ ней спрашивать о Гжѣ. Дерсили. Розовая шляпка была послана къ ней нами будто отъ васъ, и записка, которую вы читали, была съ умыслу подкинута на лѣспницѣ, чтобъ попалась вамъ въ глаза. — „Нещасный!“ — Ахъ! довершите лишить меня жизни! Вы имѣете на это право;

но по крайней мѣрѣ умру я нѣсколько спокойнѣе, оправдавъ любезную Полину, почтеннѣйшую и злополучнѣйшую изъ женщинъ.

Молодой человекъ выпустилъ духъ послѣ сего признанія. Отчаянный Робертъ требуетъ Полины у всей Природы. Ему не извѣстно убѣжище ея; несчастный бѣгаетъ по всему городу, по всѣмъ предметамъ, спрашиваетъ у всѣхъ о женѣ своей, о дочери: его считаютъ безумнымъ, и никто ему не отвѣчаетъ.

Начало уже смеркаться, какъ одна старуха, въ бѣдномъ рубищѣ, подходитъ къ нему и говоритъ: „Скажите мнѣ, сударь, не Гжу ли Робертъ вы ищете?“ — Такъ точно, возврати мнѣ жизнь, возврати ее! — „Она, сударь, живетъ у меня со времени своего несчастія. Вы меня не узнали; я однакожъ часто къ вамъ хаживала съ ягодами и со всякою мѣлочью. Однажды по утрамъ пришедъ къ вамъ, увидѣла я супругу вашу въ слезахъ; она ввѣрила мнѣ свои горести: я предложила ей свою квартиру, и съ тѣхъ поръ она у меня.“ — Ради Бога! скажи мнѣ, гдѣ ты живешь? — „Сшупайте за мною.“

Добрая старушка ведетъ Роберта черезъ пять этажей на чердакъ, гдѣ горестнѣйшей предметъ поражаетъ зрѣ-

нїе его: Полина блѣдная, утопающая въ слезахъ, лежала на скамьѣ и держала дочь свою, которая, казалось, хотѣла ушѣшить ее, лаская своими рученками. Темная и вонючая лампада освѣщала сію картину бѣдности и скорби.

Робертъ бросается къ Полинѣ, называетъ ее супругою своею, прижимаетъ ее къ сердцу. „Полина! говоритъ онъ съ нѣжнѣйшимъ чувствомъ: Полина моя! узнай своего жестокаго, безразсуднаго супруга, которой однакожъ искренно раскаевается, и умрешь у ногъ твоихъ, еспьли ты не простишь его!“ — Чего вы хотите, сударь? отвѣчала Полина слабымъ голосомъ. — „Твоей любви и моего прощенія!“ — Какъ могу я вѣрить такой скорой переменѣ вашего сердца? Я готовилась умереть; оставьте меня: пусть буду я жертвою несправедливыхъ вашихъ подозрѣній! — „Мои ненавистныя подозрѣнія исчезли; я узналъ наконецъ, что гнусная Дерсила всему причиною. Мнѣ извѣстна твоя добродѣтель, твоя невинность; и я прошу тебя, заклинаю возвратишь мнѣ мою супругу, такъ какъ я возвращаю тебѣ мужа.“ — Правду ли ты говоришь, Робертъ? Не мечта ли обольщаетъ ослабѣвшія мои чувства? — „Ахъ! какъ желалъ

бы я, чтобы проступокъ мой былъ мечта!“ — Робертъ!... спиши!... въ мои объятія.

Супруги обнялись съ нѣжностію, и добрая старуха, видя сію трогательную картину, плакала отъ умиленія.

Робертъ немедленно ведетъ къ себѣ Полину и дочь свою. Онъ разточаетъ нѣжнѣйшія попеченія бѣдной матери, и на другой же день переѣзжаетъ изъ дому, чтобы навсегда удалиться отъ ненавистной Дерсилы, которая очень удивилась, узнавъ, что безчестныя хитрости ея обнаружались. Спустя нѣсколько времени Полиція открыла еще другія подобныя дѣла сей порочной женщины, и сыскала ей такое мѣсто, изъ котораго не могла она болѣе вредить обществу.

Полина и Робертъ служили, съ сего времени, образцемъ супружескаго согласія. Робертъ не могъ никогда себѣ простить недостойныхъ своихъ поступковъ противъ обожаемой супруги. Въ послѣдствіи былъ онъ всегда нѣженъ, услужливъ, покоренъ, и сдѣлался по прежнему щастливъ. Онъ часто смотрѣлъ на часы, говоря женѣ своей: „Полина! эти часы напоминали мнѣ мои кляшвы; они дали мнѣ почувствовать мое преступленіе; и я обязанъ имъ теперешнимъ моимъ блаженствомъ!“

II.

Нещастный вечеръ.

(Повѣсть Дюкре - Дюминилля.)

Францискъ, молодой человекъ, хорошо воспитанный, честный, скромный и любезный, получивъ послѣ родителей бѣдное наслѣдство, старался сыскать себѣ мѣсто, соответствующее съ дарованіями его и склонностями; но долго не могъ найти онаго, что однакожъ ему не помѣшало думать о женитьбѣ. Онъ познакомился съ Эмилиєю и страстно въ нее влюбился. Эмилия была шестнадцати - лѣтняя сирота и зависѣла отъ опекуна. Г. Обри — такъ онъ назывался — хранилъ у себя небольшую сумму, ввѣренную ему родителями сей любезной дѣвушки до совершеннаго ея возраста. Сей союзъ былъ невыгоденъ для Франциска со стороны Фортуны; но любовь, въ юныхъ сердцахъ, всегда бываетъ сильнѣе корыстолюбія. Францискъ, получивъ согласіе Эмилии, женился на ней. Сія любезная и добродѣтельная чета долго наслаждалась числѣннѣйшимъ блаженствомъ; четверо дѣтей, кошорыхъ Эмилия сама кормила, увеличили еще мѣру щастія ихъ.

Эмилиа была нѣжная супруга и добрая мать. Францискъ, съ своей стороны, могъ служить образцомъ мужьямъ и отцамъ; но, не нашедъ себѣ никакого мѣсна, съ ужасомъ предвидѣлъ, что малое имущество его скоро изтощится, и страхъ близкой нищеты оправлялъ счастье сихъ любовниковъ - супруговъ.

Францискъ засталъ однажды Эмилию въ слезахъ. Что тебѣ сдѣлалось, милая? спросилъ онъ у нее съ безпокойствомъ. — „Что мнѣ сдѣлалось, Францискъ!... Ты знаешь, что опъ тебя не видала я ни малѣйшей причины къ огорченію; знаешь, что я обожаю тебя; ты любишь меня спрасно... Но, милой другъ! какъ несчастіе къ намъ неблагоклонно! Ты не можешь найши мѣсна; мы не имѣемъ никакихъ доходовъ и принуждены теперь продавать наши бѣдные пежишки, чтобъ было, чѣмъ питаться. Подумай, что у насъ четверо дѣтей, и что скоро мы всѣ шестеро умремъ съ голоду, есшлы Богъ надъ нами не сжалятся.“ — Эмилиа! какая мысль! — „Знаешь ли, мой другъ! что всѣ наши вещи въ закладѣ, и что намъ нечего болѣе продавать, кромѣ столовъ, стульевъ, кровати?“... — Боже мой! — „Денегъ у насъ шолько двенадцать ливровъ, и кгда мы ихъ издержимъ, то

что съ нами будетъ?“ — Послушай, Эмилиа! Я вспомнилъ, что два дни тому назадъ вступила ты въ совершенныя лѣта. Опекунъ твой очень честной человекъ; если бы онъ отдалъ тебѣ поскорѣе твое наслѣдство. . . . — „Ахъ, Францискъ! какая щастливая мысль! самъ Богъ внушилъ тебѣ ее. Я совсѣмъ забыла объ этомъ. Какая драгоценная и неожиданная помощь милосердаго Промысла! Такъ точно, я теперь въ совершенныхъ лѣтахъ, и Г. Обри долженъ дать мнѣ опчетъ въ моемъ имѣнїи.“ — Много ли слѣдуетъ тебѣ получить? — „Около девяти тысячъ ливровъ.“ — Девять тысячъ ливровъ, Эмилиа! — „Такъ, мой другъ!“ — О! какъ мы будемъ щастливы! мы, которые привыкли малымъ довольствоваться! — „Знаешь ли, что тебѣ надобно сдѣлать? Мой опекунъ живетъ не далеко отсюда, въ маленькомъ городкѣ Мѣланѣ: напиши къ нему учтивое письмо, и попроси, чтобъ онъ уведомилъ тебя, когда будетъ ему время сдѣлать съ тобою разчетъ. Не скрывай отъ него нашей крайности: онъ лучше почувствуетъ необходимость кончить это дѣло безъ отлагательства. Бери скорѣе перо и пиши!“

Францискъ съ величайшею радостію исполняетъ совѣтъ жены своей. Написавъ письмо, относитъ его немедленно на Почту и возвращается домой съ восхищеніемъ. Съ сей минуты веселость снова появилась на лицахъ супруговъ, и они, казалось, еще больше начали любить другъ друга. Съ какимъ нетерпѣніемъ Эмилія дожидается отвѣта Гна. Обри! какъ бьется ея сердце, когда увидитъ она почтиліона! Желанный отвѣтъ приходитъ черезъ недѣлю. Эмилія входитъ съ торжествующимъ видомъ, говоря Франциску: „Вотъ отвѣтъ опекуна моего, другъ мой! Посмотримъ, что въ немъ заключается.“

„Любезный Францискъ! зная время
 „вступленія твоей супруги въ совершенно-
 „лѣтіе и, предвидѣвъ справедливое ваше
 „требованіе, я заранѣе отложилъ для
 „нея небольшое сокровище, которое про-
 „стирается до 8754 ливровъ; они черезъ
 „нѣсколько дней будутъ готовы; ибо я
 „хочу обмѣнять всю эту сумму на золото,
 „чтобъ тебѣ удобнѣе было ее отъ меня
 „везти. И такъ прїѣзжай ко мнѣ въ
 „будущее воскресенье за - просто обѣдай;
 „мы разочтемся, и ты получишь деньги,
 „въ которыхъ, не сомнѣваюсь, чтобъ вы
 „не имѣли большой нужды въ разсужде-

„ніи нынѣшнихъ неблагополучныхъ обстоя-
 „ятельствъ и дороговизны. Проси, лю-
 „безный Францискъ! увѣрь мою добрую
 „Эмилию, что я душевно ее люблю, и
 „поцѣлуй за меня милыхъ своихъ дѣтей.
 „Я есмь, и проч.“

Францъ Обри.

„Ахъ, мой другъ! вскричала Эмилиа,
 обнимая своего мужа: какъ мы щасш-
 ливы!“ — Какой доброй и честной чело-
 вѣкъ твой опекунь! — „Онъ всегда лю-
 билъ меня, какъ нѣжной отецъ.“ — И
 такъ мы скоро получимъ... Но до Вос-
 кресенья еще пять дней. Чѣмъ будемъ
 мы жить до того времени? Припомъ же
 надобно и тебѣ съ дѣтьми оставить
 сколько нибудь денегъ, пока съѣзжу я къ
 Г. Обри. Другъ мой! сдѣлаемъ еще неболь-
 шое пожертвованіе; оно будетъ уже по-
 слѣднее. Продадимъ эту комоду. — „Ко-
 моду?“ — Да! она хороша; намъ вѣрно
 дадутъ за нее два луидора. — „О! по
 крайней мѣрѣ.“ ... — Мы послѣ купимъ
 другую: не правда ли? — „Безъ сомнѣнія.“

Францискъ немедленно находить по-
 купщика, которой, опущивъ ему 5/4
 ливра, увозитъ комоду. Какъ Францискъ
 доволенъ! какъ Эмилиа наслаждается
 щастіемъ своего любезнаго Франциска!
 Пять дней кажутся супругамъ пшью

вѣками. Они стараются сократить время пріятными разговорами. Эмилиа! говорилъ Францискъ: это небольшое имѣніе будетъ мнѣ очень дорого, потому что оно твое! — „Что ты говоришь, милой мой! оно общее наше.“ — Посовѣтуемся же теперь, какъ бы намъ лучше употребить эту сумму. — „Это не мое дѣло; я полагаюсь на тебя, мой другъ! распоряджайся, какъ хочешь.“ — Не положишь ли намъ эти деньги въ торгъ? — „Не худо.“ — Ты искусна во всѣхъ женскихъ руководствіяхъ; мы заведемъ Модную лавку. — „Это бы меня не затруднило.“ — А я спалъ бы закупать товары, держать книги. Съ девяшью тысячами ливровъ можно сдѣлать очень хорошее начало. — „Правда; а съ нашею честностію мы легко могли бы пріобрѣсть кредитъ.“ — Безъ сомнѣнія; и такъ теперь это дѣло рѣшено. Аннушку можешь ты опнять отъ груди: не такъ ли? — „Конечно; ей минуло уже десять мѣсяцовъ.“ — Другихъ дѣтей отдадимъ въ пансіонъ, пока придутъ въ такой возрастъ, что будутъ въ состояніи намъ помогать; такимъ образомъ ничто не станеть отвлекать насъ отъ торгу нашего. — „Ахъ! какъ этотъ планъ мнѣ нравится! Наконецъ мы будемъ щастливы, любезный

Францискъ!“ — Такъ, милая! и еслили успѣхъ наградитъ трудолюбіе наше, то намъ ничего желать не останется! . . .

Дѣлая сіи пріятныя распоряженія, они даже назначили, въ какой части города нанять имъ лавку. . . . Но, увы! судьба готовилась изпровергнуть ихъ невинныя предпріятія. . . . Станемъ продолжать.

Наконецъ шоль долгожданное Воскресенье наступило. Эмилія приготовила мужу своему все, что было надобно ему для дороги: она такъ была осторожна, что вшила ему между кафтана и подкладки кожаной карманъ для луидоровъ, которые ему отданы будутъ Гм. Обри. Берегись, мой другъ! говорила она ему, чтобъ ихъ у тебя не украли. Не забудь, что ты повезешь съ собою все наше имѣніе. Ты пріѣдешь въ Мѣланъ къ обѣду, тамъ ночуешь; а завтра не мѣшкай, мой другъ! попроси Гна. Обри, чтобъ онъ поранѣе велѣлъ приготовить для тебя завтракъ, и поѣзжай немедленно. Погода хороша, дни велики, и на большой дорогѣ нѣтъ никакой опасности до осьми часовъ вечера. Завтра буду я дожидаться тебя около девяти часовъ: не такъ ли? О! какъ стану я щипать мивушы! какая будетъ мнѣ сугубая

радость: увидѣшь милаго мужа, и высыпашь здѣсь, вотъ на эполъ столъ, золото, которое онъ привезетъ! Еще разъ прошу тебя, будь оспороженъ!“ — Не опасайся ничего, моя Эмилія! — „Не заѣзжай никуда!“ — Развѣ ты считаешь меня робенкомъ? — „Нѣтъ, мой милой! я знаю, что ты человекъ обстоятельной; но эта сумма такъ кажется мнѣ драгоценна, когда я вздумаю, что она избавитъ все наше семейство отъ бѣдности!“ — Прости, Эмилія! обойми меня. — „Прости, милой другъ! Смотри же, не оставайся тамъ больше одной ночи; а если ли что тебя задержитъ, то напиши ко мнѣ.“ — Будь же покойна! — „Прости, любезный Францискъ! желаю тебѣ щастливаго пути!“ . . .

Эмилія проводила его за ворота и долго слѣдовала за нимъ глазами; наконецъ возвратилась въ комнаты со счастливимъ сердцемъ, но при томъ и съ нѣкоторымъ удовольствіемъ, что онъ поѣхалъ. . . . Эмилія провела тотъ день въ великомъ безпокойствѣ; задумывалась, грустила, а ночью страшные сны мучили ее безпресланно. По утру проснувшись, первая мысль ея была та, что ввечеру увидитъ она своего мужа, и сія надежда возвратила ей на нѣсколько часовъ спокойствіе;

однакожь и эшотъ день былъ для нее не веселѣе перваго и показался ей вѣкомъ.
 Наконецъ бьетъ восемь часовъ, потомъ девять, и сердце ея сильно бьется отъ радости. Она выходитъ на улицу и смотритъ, не ѣдетъ ли ея милой? но его нѣтъ! Она слышитъ десять часовъ; уже наступила темная ночь. бьетъ одиннадцать. и онъ не возвращается! Эмилія во всѣхъ мимоидущихъ думаетъ видѣть своего мужа, и сердце ея сильно трепещетъ при видѣ каждаго мущины, которой ростомъ подобенъ Франциску; но это всё не онъ.
 Наконецъ слышитъ она двенадцать часовъ, и съ опчаяніемъ въ душѣ удаляется въ свою комнату съ улицы, гдѣ нетерпѣливые взоры ея долго и тщетно искали Франциска. Эмилія, возвратясь домой, проливаетъ источники слезъ.

Онъ не возвращается! говоритъ она сама въ себѣ: Боже мой! не случилось ли съ нимъ какого несчастія? Онъ знаетъ, какъ я теперь тревожусь; знаетъ, съ какимъ нетерпѣніемъ жду его и не ѣдетъ! Если бы чтонибудь его задержало, онъ бы меня увѣдомилъ. но, можетъ быть, мой опекунъ не пустилъ его. Если же онъ писалъ ко мнѣ съ Поч-

шою , то это письмо получу я не прежде, какъ завтра по утру ; прибѣгнемъ же къ терпѣнїю и спанемъ ждаль дня!

Я не въ состоянїи описать , какую мучительную ночь провела Эмилія : надобно быть на ея мѣстѣ , чтобъ почувствовать всю непоумѣрность ея страданій. Она долго не смыкала глазъ ; когда же наконецъ сонъ побѣдилъ ослабѣвшія ея чувства , то ужасныя мечты представляли ей мужа ея , умерщвленнаго разбойниками и плавающего въ крови. Ей казалось , что онъ проспиралъ къ ней руки , зоветъ ее къ себѣ ! Эмилія пресыпается отъ сильнаго волненія и ужаса : пустота брачнаго ложа приводитъ ей на память отсутствіе ея супруга ; она орошаетъ постелю горькими слезами. День застаетъ ее въ семъ безутѣшномъ состоянїи. Вставъ съ поспѣшностію , бѣгаетъ она по всему дому , спрашиваетъ писемъ Нѣтъ ! Какъ горестъ ея усилилась ! Утро проходитъ , и печальная Эмилія возвращается въ смиренное свое убѣжище , гдѣ , не взирая на глубокую скорбь свою , разпочаеетъ нѣжнѣйшія попеченія дѣтямъ , которыя спрашиваютъ у нее : гдѣ папинька ? и — сердце ея обливается кровію.

Между тѣмъ, какъ она кормитъ грудью свою Аннушку, слышитъ громкой сипукъ у дверей; она вскакиваетъ стремительно, вскричавъ: „Ахъ, вотъ онъ! ты ли это, мой другъ?“

Отворивъ двери, видитъ она, вмѣсто Франциска, большаго, свирѣпаго виду и совсѣмъ незнакомаго ей мужчину. Онъ держитъ въ рукѣ длинную шпагу, а изъ подъ шляпы его, на бокъ надѣшшой, сверкаютъ дикіе, впалые глаза. Эмилія, и безъ того уже волнуемая страхомъ, пришла въ величайшій ужасъ при видѣ сего головорѣза. Здѣсь ли живетъ Г. Францискъ? спросилъ онъ грубымъ голосомъ. — „Здѣсь, сударь! но его нѣтъ дома.“ — Нѣтъ дома? — „Да! онъ въ дорогѣ.“ — Какъ въ дорогѣ? Развѣ онъ сего дня по утру уѣхалъ? — „Нѣтъ, онъ поѣхалъ третьяго дня.“ — Можно ли такъ безстыдно лгать? Я вчера ввечеру его видѣлъ. — „Вчера ввечеру?“ — Да, и я пришелъ за двумястами луидоровъ, которые онъ мнѣ проигралъ. — „Какъ!“ — Такъ, сударыня! онъ проигралъ мнѣ двѣсти луидоровъ, и они мнѣ сію минушу надобны.

Между тѣмъ, какъ бѣдная Эмилія стоитъ, какъ громомъ пораженная, нагледъ садится и продолжаетъ: Я ждалъ его сего дня цѣлое утро понапрасну. Онъ

обѣщаль разплатиться со мною прежде одиннадцати часовъ; теперь уже двенадцать, и я пришелъ за своими деньгами, пришелъ заставить его заплатить. — „Пожалуйста объясните мнѣ это получше: вы терзаете мое сердце!“ — Это и такъ очень ясно; но развѣ вашъ мужъ не приходилъ вчера домой? — „Я уже третій день его не видала.“ — А! понимаю: видно онъ не смѣлъ показаться. — „Онъ игралъ, говорите вы?“ — Да, игралъ такъ, какъ и проче. — „Вы ошибаетесь, сударь, это вѣрно былъ не мужъ мой!“ — Онъ самый: молодой человекъ, который ѣздилъ въ Мёланъ, гдѣ получилъ около 400 луидоровъ. — „Боже мой! точно такъ!“ — Онъ игралъ, сударыня! говорю я вамъ, проигралъ всѣ свои 400 луидоровъ, да мнѣ еще 200 на честное слово. — „Францискъ! несчастный!“ . . . — Мнѣ надобны деньги, сударыня! — „Великій Боже!“ . . . — Карточные долги гораздо священнѣе векселей: надобно непременно, чтобъ онъ мнѣ заплатилъ; въ противномъ случаѣ я посажу его вотъ на эту шпагу! — „О Боже мой!“ — Гдѣ бы онъ мнѣ ни попался, я заколю его! — „Злодѣй! . . . но какимъ образомъ случилось это несчастіе?“ — Какое тушь для него несчастіе? Я больше несчастливъ, что мнѣ не отдадутъ

моихъ денегъ. Еслили продашь все, что я здѣсь вижу, то больше ста ефимковъ не получишь! . . . — „Боже мой! я умираю. . . .“
 Пойду сей часъ искашь этого бездѣльника и — раздѣлаюсь съ нимъ по-свойски.

Онъ хочетъ итти: несчастная Эмилія бросается къ ногамъ его и омываетъ ихъ слезами. „Сжалыпесь, сударь! говоришь она ему самымъ прогательнымъ голосомъ: сжалыпесь надъ злополучною его женою; надъ маленькими, невинными его дѣтьми! Умоляю васъ! . . . и ежели вы отецъ“ . . . — Нѣтъ, я не отецъ! — „Скажице мнѣ, гдѣ мой мужъ?“ — По чему я знаю, когда его нѣтъ здѣсь? — „Куда вы идете? . . . сдѣлайте милость!“ — Отважись же отъ меня съ хныканьемъ своимъ и слезами (Онъ отпалкиваетъ ее.) Я найду и подъ землею подлца, мужа твоего, и еслили онъ мнѣ не заплашишь, то одинъ изъ насъ непременно долженъ будетъ остаться на мѣстѣ

Грубіянъ уходитъ наконецъ. — Посудите о сосшояніи Эмиліи! Предавшись безмѣрному отчаянію, она повергается на полъ; зоветъ мужа смерть — смерть, какъ единственное убѣжище отъ золь, ее угнетающихъ. Сосѣди сбѣгаются на вопль ея, спараются ее утѣшить; но это не-

возможно. Она рветъ на себѣ волосы, бьетъ себя въ грудь, отвергаетъ бѣдныхъ дѣтей своихъ, и невинныя малютки наполняютъ домъ жалоспнѣйшими стенаніями.

Продолжительное испуленіе отчаянія привело наконецъ Эмилию въ такую слабость, что разумокъ ея почти зашмился. Она сидитъ на стулѣ, опустя голову на грудь и свѣсивъ руки. Францискъ, повторила она томнымъ и прерывающимся голосомъ, Францискъ игралъ! Францискъ, который прежде не показывалъ ни малѣйшей склонности къ этому пороку! . . . И не довольно того, что онъ проигралъ маленькое мое имѣніе; надобно мнѣ теперь спрашивать, чтобъ не потерять моего мужа. Ахъ, Францискъ! возвратись къ своей Эмили; признайся ей въ своемъ проступкѣ, и она закроетъ тебя грудью своею отъ ударовъ, которыми неистовый извергъ готовился разить тебя! . . .

Эмилиа болѣе двухъ часовъ провела въ семъ плачевномъ состояніи . . . Вдругъ поднялся большой шумъ на дворѣ. Эмилиа, перзаемая мрачнымъ предчувствіемъ, лешитъ туда . . . Читайтели чувствительные! какой предметъ поражаетъ зрѣніе ея! Это супругъ ея! это Францискъ, котораго несутъ на носилкахъ!

Онъ совсѣмъ обезображенъ, окровавленъ; голова его слонилась на плечо, глаза закрыты; словомъ, онъ погруженъ въ ничтожество смерти.

Эмилія хочетъ броситься на сей трупъ; но ее схватываютъ и уносятъ въ комнату, куда черезъ минуту четыре человека вносятъ Франциска. Онъ живъ еще, сударыня! сказали они ей, и недавно говорилъ.

Нещастнаго Франциска кладутъ на постелю: онъ открываетъ умирающіе глаза, обращаетъ ихъ на жену свою, и простираетъ къ ней руку, на которую она стремительно повергается. Тогда наступаетъ глубокое молчаніе, и Францискъ слабымъ голосомъ произноситъ слѣдующія слова, прерываемыя часто тяжелыми вздохами и рыданіями:

„Я требую, чтобы никто не выходилъ изъ комнаты, и чтобы всѣ слышали горестное мое повѣствованіе. Примѣръ мой да послужитъ разительнымъ для всѣхъ урокомъ! . . . Нѣжная моя супруга, Эмилія! сколько должна ты меня ненавидѣть! . . . Такъ! я ввергнулъ себя въ вѣчную бездну нещастія; я заслужилъ твою ненависть, которая еще усугубится, когда узнаешь ты мое преступленіе . . . “

„Опекунъ твой принялъ меня очень ласково; я везъ вчера домой извѣстную тебѣ сумму, воображая, съ какимъ удовольствіемъ вручу тебѣ ее, и съ какою радостію примемся мы за исполненіе плана, вмѣстѣ нами начертаннаго. Какъ это путешествованіе было мнѣ пріятно! Однакожь голова у меня сильно кружилась. Г. Обри такъ много подчивалъ меня разными винами, что я лишился почти разсудка. Я возвратился въ Парижъ еще за-свѣшло. Проѣзжая въ восемь часовъ мимо Пале-Рояль, съ любопытствомъ смотрѣлъ я на окна огромнаго дома, блистательно освѣщенные, и чувствовалъ непреодолимое желаніе узнать, что тамъ происходитъ. Я вхожу и вижу себя въ большомъ пражирѣ, въ адской безднѣ, которой многочисленныя вершины наполнены не людьми, но Фуріями. Безчисленная толпа окружаетъ столы, обремененныя золотомъ. Глубокое молчаніе господствовало въ сихъ кругахъ, гдѣ предсѣдало блѣдное корыстолюбіе съ погасшими и впалыми глазами. Тамъ груды лундеровъ появлялись и исчезали въ двѣ секунды. Игроки не относили рукъ отъ кармановъ своихъ, въ которые клали, или вынимали изъ нихъ блестящій соръ, причиняющій шоль много добра, а еще болѣе зла

роду человѣческому . . . Съ сердечнымъ прискорбіемъ смопрѣлъ я на ненасытную алчность сихъ несчастныхъ, совѣмъ не помышляя, что скоро буду самъ жертвою ихъ! Одинъ изъ нихъ начинаетъ со мною разговоръ; возбуждаетъ нечувствительно мое любопытство, и наконецъ заводитъ меня въ игру, предложивъ поставивъ на каршу одинъ луидоръ, съ нимъ по поламъ. Я подумалъ, что могу пожертвовать бездѣлкою, не разстроивъ себя, и былъ твердо намѣренъ послѣ этого тотчасъ перестать. Первую каршу у меня убили — другую также; претя возвращала мнѣ половину проигрыша моего. Желая привезти къ тебѣ всю сумму сполна, отважился я поставить еще три луидора, чтобъ ворошить весь проигрышъ, но проигралъ ихъ. Тогда хотѣлъ я перестать, но ненавистный соблазнитель мой умѣлъ удержать меня Наконецъ я, которой всегда ненавидѣлъ игру, и за минушу передъ тѣмъ осуждалъ другихъ . . . не знаю, какъ это случилось! но скоро очутился я сидящимъ за каршочнымъ столомъ съ сими несчастными и поэнпировалъ еще горячѣе ихъ. Правда, что злодѣй мой сидѣлъ подлѣ меня; правда и то, что чѣмъ больше я проигрывалъ, тѣмъ живѣе представлялъ себѣ твою

горестъ , и тѣмъ горячѣе игралъ , продолжая надѣявшись , что возврату проигранное. Потомъ отчаяніе овладѣло мною : увидя , что осталось у меня очень мало луидоровъ , поспавиль я ихъ всѣ на одну карту , и ее убили. Тогда половинщикъ мой далъ мнѣ займы нѣскольکو денегъ , которыя я также проигралъ. Наконецъ , не имѣя болѣе ни полушки , проигралъ я еще на честное слово 200 луидоровъ.

„ Я былъ совершенно внѣ себя ; не зналъ и не помнилъ , что дѣлалъ ; словомъ , разумокъ мой совсѣмъ помрачился. . . . День засталъ меня въ этомъ вертепѣ. Не имѣя ничего , кромѣ отчаянія , вышелъ я на улицу , проклиная игру , всю Природу и самого себя. Не смѣя возвратиться домой , побѣжалъ я какъ безумный въ Элисейскія поля : тамъ , бросясь на землю , обвинялъ я Провидѣніе ; судьбу , и жалѣлъ , что не осталось у меня и столько денегъ , чтобъ купить писполетъ. Ахъ , Эмилиа моя ! . . . въ какомъ видѣ представлялась ты моему воображенію ! Наконецъ проливая горькія слезы , поражая себя въ грудь , скрывающую шоль жестокое , звѣрское сердце , встрѣшился я съ чудовищемъ , разорившимъ меня. Злодѣй сказалъ мнѣ , что видѣлъ тебя и что ты все знаешь !

Потомъ вынувъ изъ-подъ плаща два пи-
 столета, подавалъ мнѣ одинъ, вызы-
 вая на поединокъ. . . . Да! вскричалъ
 я, схвативъ убійственное орудіе: я упо-
 треблю этотъ зарядъ, но только на то,
 чѣмъ наказашъ неблагодарнаго супруга,
 безчеловѣчнаго отца, изверга, которымъ
 вся Природа должна гнушаться!
 Въ ту же самую минуту. . . . Эмилія. . . .
 пистолешъ въ ротъ. . . . смертоносный
 свинецъ вылетѣлъ — и я упалъ!
 Не знаю, что съ тѣхъ поръ происходило. . . .
 Безъ сомнѣнія устрашенный бездѣльникъ
 ушелъ отъ своей жертвы. . . . Ты меня
 видишь наконецъ; но таково ли должен-
 ствовало быть наше свиданіе?
 Вредное потворство, которое терпитъ,
 и.и, лучше сказать, покровительствуетъ
 сія вершесы, гдѣ честный человѣкъ мо-
 жетъ такъ легко попасть въ распавля-
 емыя плушамы сѣти и бѣдснвенно по-
 гибнуть! Если бы этотъ адъ
 былъ не отворенъ, вошелъ ли бы я въ него?
 разорилъ ли бы жену и дѣтей? Я су-
 ществовалъ бы еще, Эмилія! Такъ, я
 жилъ бы для того, чѣмъ боготворить
 тебя, чѣмъ составлять твое щастіе!
 Но всѣ наши пріятныя мечты исчезли
 навсегда; я распочилъ твое имѣніе, нѣ-
 жнѣйшій мой другъ! Деньги, мною про-

игранныя , были твои ! . . . Прости !
тверди безпрестанно дѣтямъ своимъ объ
ужасной смерти несчастнаго ихъ отца.
Примѣръ мой да удалишь ихъ навсегда
отъ пагубныхъ убѣжищъ разврата ! да
побудитъ онъ правительство запереть
навѣки сіи вертепы , столь опасные для
нравовъ и невинности ! “ . . .

Такъ говорилъ Францискъ , и умеръ ,
изпросивъ у Эмили великодушное про-
щеніе.

Съ сего времени несчастная его вдо-
ва , безпрестанно проливая слезы , не жи-
ла , а томилась . Будучи принуждена за-
ниматься самыми низкими и тяжелыми
работами , для содержанія себя и дѣтей ,
умерла наконецъ и она отъ горе-
сти и нужды ! Дѣти ея живутъ те-
перь у Гна. Обри , которой взялъ ихъ къ
себѣ изъ челоуѣколюбія . Онъ безпрестан-
но сожалѣетъ о двухъ супругахъ , сотво-
ренныхъ любить одинъ другаго и соста-
влять взаимное щастіе , но которыхъ
одинъ вечеръ заблужденія низвергнулъ
безвременно во гробъ .

Таковы суть бѣдственныя слѣдствія
игры ! Молодые Читатели ! когда почув-
ствуете вы влеченіе сей пагубной стра-
сти , приведите себѣ на память плачев-

ную участь Франциска, которая, по нещасію, не есть вымысел!

III.

Любопытное описаніе одного великолѣпнаго праздника.

Мы безъ сомнѣнія имѣемъ причину удивляться празднику, данному Цесаремъ Римскому народу послѣ Фарсальской битвы, и по случаю котораго было поставлено на Марсовомъ полѣ двенадцать тысячъ столовъ; за каждымъ изъ оныхъ сидѣло по двенадцати человекъ, и находилось по 12 же невольниковъ для услугъ. Каждый гость получилъ при опшесствіи по сту сестерсовъ (около пяти рублей), по одной мѣрѣ муки и по сосуду елѣя. Въ сравненіи съ такими праздниками, говоритъ негдѣ Г. Вольтеръ, даваемые нашими Принцами и богатымъ купечесствомъ сушь ничпо иное, какъ деревенскія ветеринки.

Намъ попалося однако же въ одномъ Журналѣ описаніе праздника, даннаго Герцогомъ Орлеанскимъ Лудовику XV, въ Вильер-Компре, и естли оно справедливо, то сей праздникъ не такъ до-

сшюинѣ презрѣнїя, какѣ Г. Вольтерѣ желалѣ насѣ увѣришь.

Для сего праздника издержано сѣ тысячѣ восемь сотѣ девять фунтовѣ говядины, двадцать девять тысячѣ сорокъ пять шпукѣ живности и дичины, три тысячи семьдесятѣ одинѣ фунтѣ вещины, десять тысячѣ пять сотѣ пятьдесятѣ два фунта вещиннаго сала, или шпеку. Морской и рѣчной рыбы куплено слишкомѣ на три тысячи рублей; яицѣ вышло тридцать шесть тысячѣ четыре сѣа шестьдесятѣ четыре, масла коровьяго шесть тысячѣ семь сотѣ фунтовѣ; сѣо пятьдесятѣ тысячѣ девяносто шесть фунтовѣ хлѣба; восемьдесятѣ тысячѣ бутылокѣ Бургонскаго и Шампанскаго вина, двѣсѣи анкерковѣ обыкновеннаго вина, восемь сотѣ бутылокѣ Рейнвейну, тысяча четыре сѣа бутылокѣ сидру и пива, три тысячи бутылокѣ сладкаго вина и ликѣровѣ; восемь тысячѣ фунтовѣ сахару; двѣ тысячи фунтовѣ кофе, полторы тысячи фунтовѣ шоколаду; шестьдесятѣ пять тысячѣ лимоновѣ, апельсиновѣ и померанцевѣ, восемь сотѣ гранатовѣ, сѣо пятьдесятѣ тысячѣ грушѣ и яблокѣ разныхѣ родовѣ; пятнадцатѣ тысячѣ фунтовѣ варенья; двѣ тысячи фунтовѣ сухихѣ конфектовѣ,

и наконецъ созжено въсковыхъ свѣчь четыре тысячи фуншовъ.

Для десерта потребно было тридцать тысячъ штукъ Китайскаго и Японскаго фарфора и двадцать тысячъ хрустала, а для накрытія столовъ три тысячи три ста скапертей, сто пятьдесятъ тысячъ рюмокъ и карафимовъ и пятьдесятъ тысячъ штукъ серебряной посуды.

О числѣ поваровъ, кандитеровъ, приспѣшниковъ и проч. можно заключить по числу передниковъ, которыхъ разошлось двадцать четыре тысячи.

IV.

Николай Исавичъ Ахвердовъ,

или

Нѣчто о попомствѣ Ломоносова:

Человѣкъ созданъ дѣлать добро. Государь болѣе всѣхъ можетъ исполнить сію волю Божію. Онъ подобенъ Творцу, когда не забываетъ благотворить своимъ подданнымъ; щасливъ, когда окруженъ людьми, которые, изъ ревности къ Нему и Отечеству, напоминаютъ Ему о долгѣ Его.

Безсмертный Ломоносовъ пѣлъ побѣдоносный конецъ Царствованія Императрицы АННЫ; пѣлъ двадцатилѣтнее щастливое, крошкое, Науками и побѣдами увѣнчанное владычество Императрицы ЕЛИСАВЕТЫ; пѣлъ вступленіе на Престоль Императора ПЕТРА III. и два Его Манифеста (*); пѣлъ Великую ЕКАТЕРИНУ II., возпѣлъ славу Россіи. За все сіе никто не помыслилъ о попомощивъ его. Государи всегда готовы благодарствовать; но никто не напомнилъ Имъ о Рускомъ Пиндарѣ; и естли бы покойный Канцлеръ, Графъ Михайла Ларіоновичъ Воронцовъ не воздвигъ иждивеніемъ своимъ мраморнаго памятника на гробѣ его, то молодой чувствительный Россіянинъ не могъ бы пролить слезы благодарности надъ прахомъ Ломоносова. Такъ бываетъ въ мірѣ семъ!

Императору ПАВЛУ I. предоставлено было Всемогущимъ загладишь забвеніе о Ломоносовѣ, который украшалъ Царствованіе Предковъ Его. Орудіемъ же сего знаменишаго дѣла былъ Генераль-Маіоръ,

(*) Первой, о вольности Дворянства, 18 го Февраля 1762; второй, объ уничтоженіи Тайной Канцеляріи, 21 го Февраля тогожъ года.

Архангельской Губернашорь, Николай Исаевичъ Ахвердовъ. Сынамъ Россіи конечно, вмѣстѣ со мною, пріятно будетъ воздать почтеніе почтившему Великаго. Въ слѣдующихъ строкахъ увидишь Читатель, какимъ образомъ попомство Ломоносова, отъ сестры его, избавлено отъ подушнаго оклада и рекрутскаго набора :

Въ 1798 мѣ году, въ Мартѣ мѣсяцѣ, Генераль - Маіоръ Ахвердовъ пріѣхалъ на Губернашорство въ Архангельскъ. Обѣзжая уѣзды сей Губерніи, узналъ Марью Васильевну Головину, родную сестру Великаго Ломоносова, въ крестьянскомъ бышу живущую. Тронуло Ахвердова знакомство сіе, особенно, когда узналъ онъ, что внука ея и *Ломоносова* записали въ солдаты. Тогда пламеннымъ перомъ, личнымъ Россіянину, написалъ къ бывшему Генераль-Прокурору, Князю Алексѣю Борисовичу Куракину, письмо, въ которомъ съ жаромъ говоритъ о знатныхъ услугахъ, оказанныхъ Ломоносовымъ Словесности Россійской, и что духъ Великаго и нынѣ возпламеняетъ юность, лѣша, полъ и маститую спарость, любитъ изящное въ слоѣ, любитъ Россію и быть преданнымъ Государямъ своимъ. Пошомъ пишешь, что родная сестра

Ломоносова, Головина, съ потомствомъ своимъ въ крестьянствѣ живущая, проситъ ради брата ея, Ломоносова, освободитъ отъ рекрутства; заключаешь, что въ Россіи болѣе, нежели гдѣ, достоинства отличаются, и сіе отличие простирается и на потомковъ.

Князь Алексѣй Борисовичъ Куракинъ, по полученіи письма, въ тотъ же, или на другой день, доложилъ Императору, который въ то же мгновеніе подписалъ слѣдующій Указъ:

„Въ уваженіе памяти и полезныхъ познаній знаменитаго Санктпетербургскаго Академіи Наукъ Профессора, Снапскаго Совѣтника Ломоносова, Всемилолюбивѣйше повелѣваемъ, рожденнаго отъ сесипры его, Головиной, сына, Архангельской Губерніи, Холмогорскаго уѣзда, Машигорской волости крестьянина Петра съ дѣтьми и съ потомствомъ ихъ, исключая изъ подушнаго оклада, освободитъ отъ рекрутскаго набора.“

Нашъ Лафоншенъ (*) 22 го Августа 1798 года, въ день изданнаго Указа о потомствѣ Ломоносова, въ возморѣѣ написалъ слѣдующее:

(*) Дмитріевъ.

О радость! дайше, дайше лиру! —

Я вижу Пинда божество! —

Да возглашу въ возшоргѣ міру

Россійской лиры шоржество —

И новый блескъ Монаршей славы!

Талантамъ возвратились правы!

Герой, Вельможа, Судія!

Не презирайте днесъ Пѣвцами;

Самъ ПАВЕЛЪ ихъ равняетъ съ вами,

Щедры лучь и къ нимъ лія.

Се гласъ Его, гласъ благотворный,

Неселся до морскихъ валовъ,

При коихъ, жребію покорный,

Кидаетъ мрежи рыболовъ:

„Внеси чело, ему вѣщаетъ:

„Царь иго съ плечь твоихъ снимаетъ;

„Твой предокъ Ломоносовъ былъ!“ —

О ПАВЕЛЪ! Ты единымъ словомъ,

Не потрясая міра громомъ,

Безсмертіе Себѣ купилъ.

Падупѣ надменны пирамиды

Съ размаха Кроновой руки;

Заглядятся профеевъ виды;

Изчезнутъ храбрыя полки,

И Царства, ими покоренны;

Но дарованія не плѣнны —

Въ потомствѣ новый Амфіонъ

Вторый возникнетъ Ломоносовъ —

И дальній родъ познаетъ Россевъ,

Что украшалъ Ты Царскій Тронъ. —

Слава Монарху ПАВЛУ I! честь
Ахвердову! похвала Куракину! благодар-
ность Рускому Лафоншену! —

*Издатель: Твердости духа
нѣкоторыхъ Россіянъ.*

Издатели *Вѣстника Европы*, принося чувствительнѣйшую свою признательность Особѣ, доставившей сію спашью, для внесе-
нія въ Журналъ ихъ, просятъ ее, не оста-
влять и впредь сообщеніемъ имъ опечесшвен-
ныхъ анекдотовъ, какъ такихъ предметовъ,
которыя, изображены бывъ перомъ его,
заслужили уже одобрение и похвалу отъ
Почтенной Публики, да и впредь не преми-
нутъ пользоваться хорошимъ приемомъ отъ
всѣхъ благомыслящихъ соотечественниковъ. —

V.

Переводъ эпитафій Жан-Жакъ Руссо.

Любитель странностей, Руссо, зѣбсь
погребенъ,
Что, гордость скрыть умѣвъ, былъ въ
бѣдности надменъ.
Онъ убѣгалъ людей, ко всѣмъ любовь пиная,

Лишился всѣхъ любви, всѣмъ услужить желая;
 Не зналъ, какъ въ свѣтѣ жить и — зналъ
 лишь умереть.

Брд...

VI.

На разлукѣ съ мил. . . .

Въ разлукѣ съ милыми томъ можетъ не
 грустить,
 Кто, страстно полюбивъ, умѣетъ разлю-
 бить.

Однажды пораженъ стрѣлами бывъ Эроша,
 Не силенъ сдѣлать я такого оборота.
 Судьба велѣла мнѣ любовь къ тебѣ питать;
 Такъ, разлучась съ тобой, могу ли не
 вздыхать?

Л. Ндж. —

VII.

Парижскія Моды.

Апрѣля 19 го.

Продолжавшаяся въ Парижѣ нѣсколько
 дней дурная погода заславивла здѣшнихъ
 щеголихъ (merveilleuses), носить сукон-

ные реденготы съ бархатными воротниками, суконными маленькими пуговицами и суконнымъ же поясомъ, которой застегивается подъ грудь.

Соломенные шляпки нашихъ красавицъ служатъ имъ, по причинѣ огромныхъ своихъ полей, въ шеперешнюю переменную погоду, защипою иногда отъ солнца, а иногда отъ дождя. Впрочемъ шляпка не остается во весь день на головѣ; ибо щеголиха, возвращаясь въ будуаръ, или посѣщая пріятельницу, оставляетъ въ передней свой реденготъ, шаль, шляпку, косынку, перчатки и — входитъ въ одномъ *шемизѣ* (такъ называются модныя упренія рабы).

Одинъ изъ знаменитѣйшихъ нашихъ Живописцовъ, которой писалъ портретъ отличнѣйшихъ красавицъ въ Парижѣ, *Жерардъ*, отъѣзжаетъ черезъ 10 или 12 дней въ Санктпетербургъ. Всѣ наши щеголихи столько сожалѣють объ отъѣздѣ его, что, на публичныхъ собраніяхъ, подошедъ одна къ другой, прежде всего произносятъ съ горестію: *Ахъ, милая моя! Жерардъ отъѣзжаетъ изъ Парижа; ктожъ теперь доконтитъ мой портретъ?* —

Одна, недавно овдовѣвшая, молодая Дама плакала и рыдала весьма горько. — Утѣшьтесь, сударыня! сказалъ пріятель ея. — „Нѣтъ, отвѣчала она: дай те мнѣ наплакаться однажды навсегда; послѣ — я и помышлять о томъ уже не буду!“

Апрѣля 24 го.

Успѣхи нынѣшняго воспитанія молодыхъ кавалеровъ не уступаютъ ни въ чемъ успѣхамъ моднаго воспитанія прекраснаго пола; ибо между тѣмъ, какъ дѣвицы слушаютъ курсъ Ботаники, молодые кавалеры проходятъ курсъ Модъ у своего портнаго; а когда дѣвочки пользуются хорошею погодою, чтобъ научиться плавать, то кавалеры собираются въ нарочно избранные къ тому сады, гдѣ они учатся разбить надвое, пулею изъ пистолета, куклу, повѣшенную въ 50 шагахъ стѣнъ на возвышенной цѣпи. Это называется: *faire un cours de tir*.

Курсъ Модъ и стрѣлянія изъ пистолета составляютъ теперь превосходное воспитаніе для юношества мужескаго пола.

Зимняя шпирсочка въ рукахъ моднаго кавалера должна содержать въ себѣ: зонтикъ отъ дождя, или снѣгу, скляночку съ благовоніями и — лорнетъ. Вы подумаете, что молодой человекъ играетъ своею шпирсочкою, или подпирается ею: совсѣмъ напрощивъ! — онъ, или возбуждаетъ усыпленные свои чувства пріятнымъ запахомъ розоваго масла; или, смотря, помощію оной же, на пригожую женщину, которая отвѣчаетъ ему шѣмъ же, смотря сквозь свое опахало! —

Открытые, или полу-открытые экипажи входятъ здѣсь почти во всеобщее употребленіе; даже и у самыхъ каретъ, употребляемыхъ для ѣзды въ городъ, верхъ отворяется по произволенію хозяина. Когда молодой щеголь везетъ на гулянье красавицъ въ берлинъ (такъ называется въ Парижѣ модной экипажъ, для прогулки за-городъ употребляемый): то приказываетъ своему кучеру и лакею, ѣхать подлѣ каретныхъ лошадей верьхами, а самъ садится на козлы, держишь съ небреженіемъ возжи лошадей своихъ и, оборотясь къ Дамамъ, говоритъ небрежно и съ ними.

Желаете ли вы знать теперешній вкусъ нашей Публики? Скажу вамъ, что „здѣсь любятъ до дурачества (on aime à la folie) слогъ Гжи. де Жанлисъ по тому, что онъ естественъ, ясенъ, безъ претребованій, безъ надменности, безъ театральнoй декламации; и что любятъ до страсти (on aime à la passion) слогъ Гна. Ш. . . . за то, что онъ представляетъ совершенную противоположность слогу Гжи. де Жанлисъ. Судитежь теперь сами, каковъ вкусъ нашей Публики?“ —

Лиловаго цвѣшу робы, какъ креповыя, такъ кисейныя и шелковыя, находящяся теперь во всеобщемъ употребленіи, и ихъ носятъ въ полдень и ввечеру, а иногда и вышивають серебромъ или гагашомъ. — Модныя головныя уборы суть зеленыя гирлянды на - подобіе діадемъ, а особливо просшниковыя. Для шляпокъ модныя цвѣты суть: *нѣжно-розовый, лиловый и фисташковый*. — Кавалеры носятъ изподнее платье казимировое, фисташковаго къ фраку и жилету шемнаго цвѣшу.

Одна молодая Дама, овдовѣвшая за три года предъ симъ, обѣдала недавно съ брашомъ своимъ у одного пріятеля ея,

человѣка весьма разсѣянныхъ мыслей. . . .
 Въ продолженіе стола ей сдѣлалось душно. — Между нами будь сказано! опінесся
 хозяинъ къ пріятелю своему: это знакъ
 беременности! „Что вы это говорите?
 возразилъ братъ съ видомъ негодованія:
 сестра моя вдовѣтъ уже три года!“ —
 Ахъ! извините меня; я думалъ, что она
 еще дѣвушка! —

Древніе Греки, сколько славившіеся
 плодovitостію ума своего, имѣли сердце
 самое сухое и холодное. Съ обширнаго поля
 дружелюбія не пожинали они и въ двад-
 цать лѣтъ того, что мы получаемъ нынѣ
 въ одинъ день. Божественный Плапонъ! ка-
 ково было упоеніе твое, ежелибъ, по
 какому нибудь щасливому для насъ
 дѣйствію выдуманнаго тобою преселенія
 душъ (*métempsychose*), душа твоя обитала
 теперь въ нѣлѣ котораго-либо изъ на-
 шихъ францовъ, или щеголихъ: тогда
 увидѣлъ бы ты себя въ одну минушу
 окруженнымъ толпою тѣснящихся
друзей, съ которыми ты не имѣлъ бы
 ни малѣйшаго труда познакомиться; ибо
 одно изъ величайшихъ преимуществъ
 Французскаго, а особливо Парижскаго,
 дружелюбія есть то, чтобъ полюбишь не-

знакомца, предоставляя себѣ узнать его короче, ежели обстоятельства потребуютъ того непременно. — „Кто это, сударыня! живая и рѣзвая дама?“ — Это небесное твореніе! она другъ мой. — „А какого она состоянія?“ — Не знаю. „Характеръ ея?“ — Не вѣдаю; мы видаемся съ нею у любцаго нашего пріятели. — „Человѣка извѣстнаго?“ — Всему свѣту. — „Человѣка благородныхъ правилъ и хорошо воспитаннаго?“ — Объ этомъ я ничего не могу сказать вамъ; но у него всегда собирается кружокъ искреннихъ и отборныхъ друзей: вы годитесь въ нашу компанію; вы другъ мой; я представляю васъ въ нашу бесѣду сего дня же ввечеру. — „Нѣтъ! сударыня; сперва рекомендуюте меня.“ — Съ великою охотою; а — какъ васъ зовутъ? —

Что такое есть меланхоликъ? — Сожалѣнія достойный человѣкъ, который не умѣетъ различить, что мясо куро-пашкино лучше, нежели дурно изготовленная чечевица, и что здоровье — идти хохотать въ спектакль, нежели — вѣчно припадать пустыми и мрачными ображеніями въ печальной своей закушѣ! — —

ПОЛИТИКА.

I.

*Перечень извѣстій изъ Лондона
съ 21 го Апрѣля по 8 е Мая.*

Послѣднія засѣданія Нижняго Парламента нашего ознаменовались соединеніемъ Членовъ Питшовой, Фоксовой и Гренвиллевой партій и ежедневнымъ умаленіемъ большинства голосовъ на сторонѣ Министровъ, такъ что сіи послѣдніе весьма скоро увидяшъ себя принужденными взять увольненіе отъ должностей своихъ и вручить бразды правленія новымъ, можетъ быть опытнѣйшимъ, нежели они, Министрамъ, коимъ благоугодно будетъ избрать Его Величеству, Королю. Если вѣрить утвержденіямъ публичныхъ нашихъ листовъ, то Г. Питшъ, копорый 7 го Мая допущенъ былъ на приватную аудіенцію къ Его Величеству, продолжавшуюся въ присутствіи Великаго Канцлера около трехъ часовъ, избранъ будетъ по прежнему въ Канцлеры Казначейства, а Лордъ Мервилль, или Г. Дон-

дась, въ первые Лорды Адмиралтейства; но отъ принятія Гна. Фокса въ число Министровъ Король изъяснилъ рѣшительное отрицаніе. Еще нѣсколько дней и — тогда за-подлинно извѣстны будутъ уже всѣ Особы, которыя поступятъ въ новое Министерство!

На государственныя издержки нынѣшняго году опредѣлено Парламентомъ, по предложенію перваго Министра Аддингтона, занять вновь $14\frac{1}{2}$ миліоновъ ф. стерлинговъ (116 миліоновъ рубл.). Два Банкирскіе дома здѣсь въ Лондонѣ взялись предсавить сію сумму.

Лордъ Кастлеригъ предложилъ 5 го Мая въ Нижнемъ Парламентѣ, принести благодарность всѣмъ воинскимъ и гражданскимъ Чиновникамъ въ Остъ-Индіи, за содѣйствіе ихъ къ успѣхамъ оружія нашего въ тамошнихъ странахъ. „Маркизь Веллеслей, говорилъ онъ, оказалъ великія услуги Государству тѣмъ, что, отрядивъ изъ своей арміи усиленіе въ Цейлонъ, нашелся въ состояніи выставить еще въ поле противъ Маратовъ 55 тысячъ человекъ войска, которыя могли дѣйствовать въ одно время и въ связи между собою. Въ Сѣверныхъ странахъ Маратскихъ Областей апаковалъ непріятеля Генераль Лакъ; въ Южныхъ Гене-

ралъ Веллеслей; въ Гузерапъ Генералъ Моррей, а на Западъ Генералъ Гаркурпъ. Крапковременность похода еспь другая заслуга, ибо оный продолжался не болѣе трехъ мѣсяцовъ! Въ сіе время завоевано нами восемь крѣпостей, и изъ числа оныхъ — четыре взяты присшупомъ, и даны четыре регулярныя сраженія.“ — Предложеніе сіе одобрено какъ Нижнимъ, такъ и Верхнимъ Парламентами безъ собиранія голосовъ.

Число иностранныхъ войскъ, на жалованьѣ нашемъ состоящихъ, простирается теперь только до 8 тысячъ человекъ, и на содержаніе оныхъ ассигнованы Парламентомъ 582 тысячи ф. стерлинговъ (4 миліона и 656 тысячъ рубл.). Такъ называемый Нѣмецкій легіонъ, который долженъ простирасться до 5 тысячъ, нынѣ состоитъ уже изъ 4 тысячъ дѣйствительно служащихъ.

Важныхъ военныхъ дѣйствій не послѣдовало въ теченіе послѣднихъ 16 дней чикакихъ, а только мы претерпѣли нѣкоторый уронъ отъ того, что часть пошедшаго изъ Великобританскихъ гаваней въ Ямайку купеческаго флота разбилаь о подводные камни, проходя подлѣ Поршугальскихъ береговъ, при чемъ пошонуло до 500 человекъ морскихъ служителей. —

Военный корабль нашъ Индостанъ, о 54 пушкахъ, шедшій изъ Плимута въ Гибралтаръ съ аммуниціею, сгорѣлъ на открытомъ морѣ, и объ участи находившагося на немъ экипажа не получено еще здѣсь никакихъ извѣстій.

По письмамъ изъ Сѣверной Америки отъ 2 го Марта, собраніе Соединенныхъ Областей опредѣлило, чтобы соразмѣрность числа Членовъ Сенаа ко всеобщему населенію была такъ, какъ 1 къ 35 мбъ человекамъ. Въ слѣдствіе сего опредѣленія, число представляемыхъ націи, которые избраны будутъ въ слѣдующій выборъ, проспираться имѣеть до 141 й персоны, поелику 4 миліона 653,300 жителей составляютъ теперешнее населеніе упомянутыхъ Областей. — Государственные доходы сей Республики не превышаютъ 10½, а расходы 9 миліоновъ и 800 тысячъ долларовъ. —

Правительство наше совсѣмъ уже нынѣ отменило экспедицію, для затопленія передъ Булонью нѣсколькихъ старыхъ большихъ военныхъ кораблей, камнями нагруженныхъ.

Въ слѣдствіе поданнаго на сихъ дняхъ Нижнему Парламенту изчисленія, въ прошедшемъ году ввезено въ Англію 3 миліона и 164,230 центнеровъ сахарнаго

песку, а вывезено его изъ оной 1 миліонъ и 600,269 центнеровъ: слѣдовательно здѣсь разошлось онаго 1 миліонъ и 483,960 центнеровъ. Пошлинъ за весь ввозъ показаннаго количества сахарнаго песку заплачено 5 миліона и 133,382 ф. стерлинговъ (болѣе 25 миліоновъ рублей).

Пишутъ изъ Ямайки отъ 11 го Марта, что Негры, владычествующіе теперь на островѣ Сп. Домингъ, умерщвляютъ всѣхъ Бѣлыхъ жителей, и только щадятъ нѣкоторыхъ опынѣйшихъ Лѣкарей, ремесленниковъ и Европейскихъ женщинъ. По сему Французы весьма скоро изстреблены будутъ на помянутомъ островѣ! — Генералы Дессалинъ и Христофъ, оба природные Негры, играютъ теперь между ими весьма важную роль. —

*Перегень извѣстій изъ Парижа, съ 25 го
Апрѣля по 1 е Мая.*

Дѣло о заговорѣ на жизнь Бонапартія остается и доселѣ покрыто непроницаемою тайною. Виновные не представляются еще предъ уголовный судъ; формальное слѣдствіе надъ ними еще не начинается; а тайные допросы арестантовъ и показанія ихъ извѣстны — только одному первому Консулу и такъ называемому Верховному Судѣ, г-ну. Ренье !! —

Оффиціальныя здѣшнія Вѣдомости (Moniteur) наполнены адрессами, изъ разныхъ Департаментовъ Франціи къ первому Консулу присылаемыми, съ изъясненіемъ всеобщаго желанія, чшобъ онъ принялъ на себя Императорское достоинство надъ Французами. Желаніе сіе подтверждено уже и Трибуналомъ, котораго всѣ Члены, исключая гна. Карно, бывшаго нѣкогда Членомъ Французской Директоріи, подали свои голоса въ пользу помянутаго предложенія. Мая 4 го (по старому шшилю Апрѣля 22 го) внесено помянутое предложеніе Депутатами Трибунала и въ Сенатъ, и Жардъ Панвилье, отъ лица соповарищей своихъ, сказалъ оному: „Мы приносимъ вамъ, г—не Сенаторы! желаніе, чшобы достоинство Императора надъ Французами присвоено было Наполеону Бонапарше, и чшобъ оное осталось наследственнымъ въ фамиліи его!“ — — Послѣ сего Сенатъ, одобривъ представленіе Трибунала, опредѣлилъ: отправить отъ себя Депутатовъ въ Ст. Клу съ поднесеніемъ Консулу подтвердительнаго отвѣта на изъясненное ему Трибуналомъ желаніе. — Бонапаршево коронованіе послѣдуешь въ Парижѣ $\frac{1}{2}$ го Іюля въ Соборной церкви чрезъ самую Папу, или, ежели

встрѣплятся какія - либо непредвидѣнныя препятствія, по чрезъ Легата его Капрару. Послѣ сего провозглашенъ онъ будетъ и Королемъ Италійскимъ, или Лонгобардскимъ, вмѣсто Президента Италіанской Республики.

Нынѣ введено здѣсь въ употребленіе, осматривать всѣ комнаты домовъ на такъ называемой Карусельной площади, куда любопытствующіе люди собираются смотрѣть на проѣздъ перваго Консула. Осмотръ сей производится солдатами Консульской Гвардіи за нѣсколько времени предъ тѣмъ, когда первый Консулъ выѣдетъ на вахтпарадъ. Даже осматриваютъ и шкапы, чтобы видѣть, не сиряпался ли кто въ оныя? Сія мѣра предосторожности принимается по тому, что первый Консулъ проѣзжаетъ всегда въ дни вахтпарада изъ Тюильери чрезъ Карусельную площадь, которая всегда бываетъ уставлена войсками. — Въ день послѣдняго парада Консульскіе Гвардейцы вошли въ одинъ изъ домовъ на помянутой площади; но когда хозяинъ онаго сказалъ имъ, что всѣ зрители суть Нѣмцы, то сержантъ отвѣчалъ на сіе: *Хорошо!* и не сталъ производить никакого дальнѣйшаго осмотра. —

*Перечень извѣстій изъ Германіи , съ 21го
Апрѣля по 9е Мая.*

Спрогїя мѣры въ разсужденіи Французскихъ эмигрантовъ , по требованіямъ Французскаго правительсва , и высылка оныхъ изъ всѣхъ Нѣмецкихъ владѣній, съ Франціею сопредѣльныхъ, или сосѣдственныхъ, продолжаются. Даже и въ самыхъ И. К. Наслѣдственныхъ Областяхъ запрещено помянутымъ эмигрантамъ носить Орденъ Св. Лудовика, и велѣно имъ жить въ отдаленіи 50 миль (350 верстѣ) отъ Французской границы.

Россійско - Императорскій Министръ-Резидентъ при Имперскомъ Сеймѣ въ Регенсбургѣ , Г. Клюпфель , подалъ оному 24го Апрѣля (6го Мая) Ноту слѣдующаго содержанія (*):

„Случившееся недавно въ Областяхъ Его Свѣтлости , Курфирска Баденскаго , произшествіе и котораго окончаніе было столько печально , причинило живѣйшее прискорбіе ЕГО ВЕЛИЧЕСТВУ , ИМПЕРАТОРУ Всероссійскому. ОНЪ не иначе , какъ съ глубокою печалію , могъ смотрѣть на причиненное спокойствію и цѣлости владѣнїя Германской Имперїи оскорбленіе.

(*) См. No 77й Гамбургскихъ Нѣмецкихъ Вѣдомостей и No 39й de l'Abeille du Nord.

ЕГО ИМПЕРАТОРСКОЕ ВЕЛИЧЕСТВО пораженъ онымъ тѣмъ болѣе, что ОНЪ никакъ не могъ ожидать, чтобы Держава, которая, обще съ НИМЪ, приняла на себя посредничество, и слѣдовательно обязалась раздѣлять попеченія ЕГО о благоденствіи и спокойствіи Германіи, могла удалиться такимъ образомъ отъ священныхъ началъ Народнаго Права и обязательствъ, въ самое недавнее время ею учиненныхъ.“

„Безполезно было желать, обратить вниманіе Сейма на пагубныя слѣдствія, которымъ Германская Имперія подвергнется, ежели насильственные дѣянія, которымъ видѣли первой и единственной примѣръ, преданы будутъ молчанію. Она сама, по обыкновенной своей предусмотрительности, увидѣть можетъ, до какого степени опасности подвержены будутъ въ послѣдствіи времени спокойствіе и безопасность всей Имперіи, ежели подобныя симъ насильства могутъ быть признаваемы допустительными и имѣть мѣсто, не бывъ возчувствованы и не встрѣтя себѣ препятствія.“

„ИМПЕРАТОРЪ, убѣждаемый сими разсужденіями, и въ качествѣ Своемъ, какъ Споручитель Германской Имперіи и Посредникъ, почель обязанностію Своею,

торжественно протестовать противъ по-
ступка, нарушающаго спокойствіе и без-
опасность Германіи. ЕГО ВЕЛИЧЕСТВО,
бывъ по всей справедливости встревоженъ
печальною дальновидностію, какую озна-
ченный поступокъ представляетъ, по-
велѣлъ тотчасъ объявить мнѣніе Свое о
семъ дѣлѣ и первому Консулу чрезъ пре-
бывающаго въ Парижѣ Россійскаго Повѣ-
реннаго въ дѣлахъ.“

„ЕГО ИМПЕРАТОРСКОЕ ВЕЛИЧЕ-
СТВО, дѣлая сей шагъ единственно по
поводу сильнѣйшихъ Своихъ уваженій къ
благоденствію Германской Имперіи, увѣ-
ренъ, что Имперскій Сеймъ и Глава
Имперіи, отдавъ справедливость без-
корыстнымъ и по всей очевидности не-
обходимо - нужнымъ ЕГО попеченіямъ,
поспѣшатъ соединить свои усилія, и не
замедлятъ послать къ Французскому пра-
вительству справедливыхъ своихъ пред-
ставленій, дабы понудить оное, согла-
ситься на всѣ шаги и мѣры, которыя,
отъ стороны его, приличествуютъ для
удовлетворенія оскорбленнаго ихъ досто-
инства, равно какъ и необходимо нужны
для соблюденія ихъ безопасности на пред-
будущее время.“

Перечень извѣстій изъ Константинополя, по
18 е Апрелья.

Слабость правительства нашего увеличивается со дня на день. Безпокойства въ Сербїи, Египтѣ и во многихъ другихъ Облацияхъ, подвластныхъ Блистательной Портѣ; огонь неудовольствїя, сокрывающійся какъ бы подъ пепломъ во всѣхъ остальныхъ ея владѣнїяхъ; соотношенїя Порты, въ теперешнїя критическїя для нея обстоятельства, съ разными Европейскими Державами, долженствующїя непременно вовлечь ее въ войну, которая кончиться можетъ исключенїемъ Турецкой Имперїи изъ числа Европейскихъ Державъ: вотъ непрїятные виды, для здѣшнихъ странъ отъ стороны Польши представляемые! —

II.

Открытія и изобрѣтенія.

Г. *Ловицъ* дѣлалъ многіе трудные, но тщетные опыты для превращенія меду въ сахаръ; однакожь труды его не совсѣмъ были безплодны, ибо онъ нашелъ превосходное средство *очищать медъ*, не уменьшивъ количества онаго, такъ что онъ, лишивъ свойственнаго ему запаха и вкуса, можетъ замѣнять совершеннѣйшимъ образомъ лучшій сахаръ. Способъ сей состоитъ въ слѣдующемъ:

„Положите въ широкой, но не глубокой котликъ, или кастрюлю, четыре фунта обыкновеннаго меду, или папки, и влейте столько же бутылокъ воды; всыпьте туда полфунта крупно истолченныхъ дровяныхъ угольевъ, очищенныхъ прежде отъ золы и другихъ постороннихъ матерій. Поставьте кастрюлю на умеренной огонь, и когда закипитъ, то снимайте рачительно пѣну и кладите ее въ особую посудину, чтобъ послѣ перечистишь. Давъ меду кипѣть отъ 20 до 30 минутъ, снимите съ огня и процѣдите сквозь фланелевой мѣшокъ; но очень нужно, чтобъ протекающая жидкость была слишкомъ чиста. Оставшаяся въ мѣшкѣ гуща вы-

кладывается опять въ кастрюлю, также и снятая пѣна; наливають на сѣ двѣ бутылки воды, даютъ кипѣть еще столько же, какъ въ первый разъ, и продолжаютъ до тѣхъ поръ, пока въ остающейся въ мѣшкѣ гущѣ не будетъ болѣе меду, смѣшаннаго съ углемъ.“

„Весь процеженный медъ съ водою смѣшивается вторично со свѣжимъ толченымъ углемъ и варится до густоты сиропа; тогда подливаютъ въ него холодной воды и оставляютъ стоянь въ кастрюлѣ одну ночь. Въ слѣдующее утро опять варятъ его до тѣхъ поръ, чтобъ жидкости осталось только двѣ бутылки, и тогда продолжаютъ сквозь мѣшокъ. Угольную гущу разводятъ опять двумя бутылками воды, и поступаютъ съ нею, какъ выше сказано.“

„Последнее дѣйствіе состоитъ въ томъ, чтобъ въ сію смѣсь меду съ водою всыпать четверть фунта толченаго угля и, посредствомъ кипѣнія, уменьшить количество до одной бутылки; потомъ продолжаютъ сію жидкость сквозь фланелевой мѣшокъ, наблюдая, чтобъ процеживалась только самая чистая. Медъ, очищенный такимъ образомъ, теряетъ природной свой запахъ и вкусъ; наконецъ варятъ его на тихомъ огнѣ до тѣхъ поръ, какъ

онъ сдѣлается подобенъ густому сиропу. Еще лучше, грѣть его не на огнѣ, но поставя кастрюлю, его содержащую, въ другую, наполненную кипящею водою. Тогда будетъ онъ совершенно безцвѣтенъ и подобенъ лучшему сахарному сиропу.“

„Такимъ образомъ, изъ 4 фунтовъ проспаго меда, получатся 4 же фунта перечищеннаго, естли будетъ онъ опдѣляемъ онъ угля, какъ выше предписано. Пропадетъ же одна только пѣна и самое малое количество сиропа, которой пристанетъ къ цѣдильному мѣшку.“

„Сей медовой сиропъ можно смѣло употреблять вмѣсто лучшаго сахара въ кофе, чай, во всѣ приправы, также для подслащиванія водокъ, наливокъ, для варенія заѣдокъ, и проч. и проч. — Надлежитъ замѣтить, что естли будетъ приготовлено сего сиропа большее количество, то должно держатъ его въ стеклянныхъ широкогорлыхъ банкахъ; въ узкогорлыхъ же сосудахъ, на пр. въ бутылкахъ, получитъ онъ черезъ мѣсяць другія свойства, сдѣлается зернистымъ и такъ ступитъ, что его принуждено будетъ рѣзать ножемъ.“

Графъ Румфордъ представилъ Парижскому Національному Институту собраніе весьма любопытныхъ опытовъ, слѣданныхъ имъ надъ теплою и спущею, изливаемыхъ шѣлами на далекое разстояніе. Для измѣренія сихъ разныхъ дѣйствій, изобрѣлъ онъ весьма чувствительный термометръ, состоящій изъ двухъ пустыхъ стеклянныхъ шаровъ, соединенныхъ между собою стеклянною же согнутою трубкою, въ которой заперта капля ээира (*). Когда поднесешь къ одному изъ сихъ шаровъ — на довольно большое разстояніе — руку, или иное какое тѣло, которое теплѣе, или холоднѣе атмосферы, то увидишь, что послѣдовавшее отъ сего разширеніе, или сжатіе воздуха, находящагося между термометромъ и подставленнымъ шѣломъ, погонитъ каплю ээира съ ея прежняго мѣста ощутительнымъ и удобоизмѣримымъ образомъ. — Сіи опыты могутъ пролить новый свѣтъ на важную теорію теплотворнаго вещества (Calorique).

(*) Ээиромъ называется тончайшее масло, приготовляемое Химиками и Аптекарями изъ услажденныхъ кислыхъ спиртовъ.

*Новѣйшій и весьма выгодный способъ, пригото-
влять озимую и яровую пшеницу, также
и ягмень, къ посѣву.*

На каждую четверть сѣмянъ берутъ два четверика золы и два фунта съ половиною поваренной соли. Всыпавъ золу и соль въ кошеть, наливаютъ воды и варятъ, чтобъ сдѣлался щелокъ. Когда оной поспѣетъ, то, остудивъ, поливаютъ имъ сѣмена, складенныя въ кучу на каменномъ, или плотномъ дощатомъ полу, и мѣшаютъ деревянною лопатою, чтобъ онѣ гораздо напипались симъ щелокомъ; потомъ складываютъ ихъ опять въ ворохъ, и на другой день сѣютъ; ибо черезъ ночь онѣ отъ щелока разбухнутъ и будутъ готовы пускашь ростки.

Выгоды, производящія отъ сего приготовления сѣмянъ, весьма многочисленны; главнѣйшія же изъ нихъ суть слѣдующія:

Хлѣбъ, родившійся отъ такихъ сѣмянъ, поспѣваетъ двумя, или тремя недѣлями ранѣе обыкновеннаго. Пшеница не бываетъ подвержена головнѣ и прочимъ свойственнымъ ей болѣзнямъ, и даже на худой землѣ приноситъ богатую жатву. Сіи сѣмена всходятъ весьма скоро послѣ посѣва; слѣдовательно не разхищаются онѣ птицами, и безопасны отъ вредящихъ имъ.

насыкомыхъ. Можно сѣять ихъ и во время сильнаго вѣтра, ибо онъ такъ опяжелѣющъ, что относить ихъ въ сторону не будетъ. Наконецъ сихъ сѣмянъ высѣвается на десятину почти четвертою долею меньше противъ обыкновенныхъ.

Способъ увеличить третьей долею силу пороха.

Всыпавъ порохъ въ чистую стеклянку изъ бѣлаго стекла, положить на каждый фунтъ онаго по три золотника исключенной въ порошокъ негашеной извести, и встряхи до шѣхъ поръ, какъ поверхность пороха перестанетъ казаться бѣлою.

Новѣйшее и дѣйствительнѣйшее средство изтреблять клоповъ и яйца ихъ.

Влейте въ стеклянку восемь золотниковъ чистаго и крѣпкаго виннаго спирта (*Spirit. vin. rectificatiss.*) и всыпавъ въ него два золотника изпертыхъ въ порошокъ Шпанскихъ мухъ, заткните плотно, и поставьте куда нибудь, только не на солнце и не на печь, чтобъ по крайней мѣрѣ сушки настаивалось; не забывайте отъ времени до времени взбалтывать сію смѣсь.

Когда сія настойка понадобится для употребленія, то, не процѣживая ее, но, взболтавъ хорошенько, обмакиваютъ въ нее кисточку и мажутъ щели и прочія мѣста, гдѣ водятся клопы; отъ чего не только они, но и яйца ихъ пропадутъ.

Конецъ XIV Части.

О Г Л А В Л Е Н І Е

ЧЕТЫРНАДЦАТОЙ ЧАСТИ.

М А Р Т Ъ. Но 5.

	Стран.
I. Добродушный. (Окончаніе.)	3
II. Письмо къ Издателямъ Вѣстника.	60
III. Романсъ.	63
IV. На квартетъ Моцартовъ.	64
V. О Гншпанскія бесѣды.	65
VI. Общество беззубыхъ.	66
VII. Брахо-указатель.	68
VIII. Уложеніе для стараго мужа, и мѣющаго молодую жену.	75
IX. Парижскія Моды.	74
X. Письма изъ Лондона.	77
XI. Письмо изъ Парижа, отъ Февраля.	80 81
XII. Письмо изъ Константинополя.	83
XIII. Извѣстія и замѣчанія.	85

МАРТЪ. Но 6.

Стран.

I.	Имполитъ и Лора.	-	-	93
II.	Два письма къ Персидскимъ вельможамъ отъ Клеандра, Агента, живущаго въ Афинахъ по тайнымъ препорученіямъ отъ Царя Персидскаго.	-	-	117
III.	Подушка и рука.	-	-	130
IV.	Объ удовольствіи, изъ Лантве.			137
V.	Къ челоуѣку.	-	-	142
VI.	Ахъ! какъ она мила!	-	-	143
VII.	Эпитафія миллионщику.	-	-	144
VIII.	Парижскія Моды.	-	-	145
IX.	Перечень извѣстій изъ Лондона, по 27е Марта.	-	-	153
	Перечень извѣстій изъ Парижа, Марта по 26е.	-	-	158
	Перечень извѣстій изъ Голландіи, по 27е Марта.	-	-	167
	Перечень извѣстій изъ Италіи, по 15е Марта.	-	-	168
	Перечень извѣстій изъ Германіи, Марта по 24е.	-	-	—
X.	Новое открытіе.	-	-	169

А П Р Ъ Л Ъ. Но 7.

	Стран.
I. Исполнить и Лора. (Окончаніе.)	171
II. Испозѣдъ старухи.	193
III. Неизбѣжный крутъ.	194
IV. Письмо къ Издаателю Французскаго Меркурія.	200
V. Историческое извѣстіе о трехъ Альдахъ Мануціяхъ, славныхъ типографщикахъ своего времени.	205
VI. О нѣкоторыхъ сочиненіяхъ Графа Алфіери.	216
VII. Спящіе люди.	226
VIII. Посланіе къ А* Н* П* * *.	228
IX. Въ день именинь сестры моей.	232
X. Къ воздушнымъ путешественникамъ въ Москвѣ, 8 Мая, 1804.	—
XI. Акrostихъ новаго рода.	233
XII. Эпитафія Ж. Ж. Руссо.	234
XIII. Парижскія Моды.	235
Перечень извѣстій изъ Лондона, съ 27го Марта по 21е Апрѣля.	242
Перечень извѣстій изъ Парижа, съ 26го Марта по 23е Апрѣля.	251
Перечень извѣстій изъ Италіи, съ 15го Марта по 12е Апрѣля.	256
Перечень извѣстій изъ Германіи, съ 24го Марта по 21е Апрѣля.	258

А П Р Ъ Л Ъ. Но 8.

	Стран.
I. Часы.	259
II. Нещастный вечеръ.	290
III. Любопытное описаніе одного великолѣннаго праздника.	310
IV. Николай Исеевичъ Ахвердовъ.	312
V. Переводъ эпитафій Жан-Жакъ Руссо.	317
VI. На разлукѣ съ мил . . .	318
VII. Парижскія моды.	—
Перечень извѣстій изъ Лондона, съ 21го Апрѣля по 8 Мая.	325
Перечень извѣстій изъ Парижа, съ 23го Апрѣля по 11е Мая.	329
Перечень извѣстій изъ Германіи, съ 21го Апрѣля по 9е Мая.	332
Перечень извѣстій изъ Константинополя, по 18е Апрѣля.	335
VIII. Открытія и изобрѣтенія.	336

